Включено
в
каталог
1941

91

74309

Э 782.6

СПЕЦФОНД

Ин. № 74309

Вс. А. ФЛЕРОВЪ.

12292

...ерено
1965 г.

12292
4/
11
38

1953

Свободная диктовка.

Опытъ новой постановки письменныхъ работъ въ школѣ.

Съ приложеніемъ матеріала для свободной диктовки творческаго характера.

ПРОВЕРЕНО

Изданіе автора.
Кіевъ, 1914.

372
ФЭ71
руссяз
80
Ин. № 74309

Вс. А. Флеровъ.

1987

Свободная диктовка.

Опытъ новой постановки письменныхъ работъ въ школѣ.

Съ приложеніемъ матеріала для свободной диктовки творческаго характера.

СПЕЦФОНД

12292

372
Ф09

ИЗДАНІЕ АВТОРА.
Кіевъ, 1914.

КІЕВЪ.
Типогр. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго. Соф. 21. Тел. 17-00.
1914.

I [1]).

М. г. г.! Не сомнѣваюсь,—прочитавъ въ повѣсткѣ заголовокъ настоящаго моего доклада, многіе изъ васъ пришли въ недоумѣніе. „Какъ! опять диктовка?"—подумали вы. Кажется, только что мы ее похоронили, похоронили съ шумомъ и ликованіемъ. Да, такъ еще недавно мы переживали эту „весну" въ области правописанія, полную радужныхъ надеждъ и очарованій. Давно уже слышались энергичные протесты противъ диктовки, заполонившей нашу школу— и среднюю, и низшую. Протестовали и педагоги-теоретики, и практики. А тутъ подоспѣлъ Лай съ разительными цыфрами, предъ которыми не устояли столпы диктовки, и списываніе объявлено было единственнымъ, легчайшимъ, вѣрнѣйшимъ и т. д. способомъ обученія правописанію. Этотъ протестъ противъ стараго и вѣра въ новое, этотъ педагогическій подъемъ совпали съ общественнымъ подъемомъ и вѣрой въ освобожденіе русской школы отъ всѣхъ путъ и тормазовъ и превратились въ увлекательный потокъ новыхъ методическихъ теченій.

Однако, всѣ мы замѣчаемъ, это увлеченіе списываніемъ начинаетъ остывать, появляется видимое разочарованіе. Съ одной стороны, недолгій опытъ показалъ, что само по себѣ списываніе—далеко не надежное и не легкое средство къ выработкѣ орѳографическаго навыка, что при списываніи даже съ рукописнаго текста дѣти сплошь и рядомъ дѣлаютъ грубѣйшія, нелѣпыя ошибки и что, слѣдовательно, тутъ что-то неладно, и требуются какіе-то коррективы. Съ другой стороны, въ педагогической литературѣ начинаютъ появляться защитники диктовки, достаточно серьезные, къ которымъ нельзя не прислушаться. Уже работы проф. Меймана [2]), своей

---

[1]) Докладъ, читанный въ Кіевскомъ Педагогическомъ клубѣ 28-го марта 1913 года.

[2]) *Проф. Мейманъ.* Лекціи по эксперимент. педагагикѣ. Ч. III.

научной критикой подорвавшаго довѣріе къ цыфрамъ и выводамъ Лая, значительно охладили пылъ сторонниковъ исключительнаго списыванія. Для диктовки явилось новое основоположеніе, и методисты Алферовъ—на основаніи практики, и Костинъ—на основаніи данныхъ экспериментальной педагогики, въ своихъ послѣднихъ работахъ не только защищаютъ диктовку, но и выдвигаютъ ее снова, какъ вѣрное средство къ усвоенію правописанія [1]).

Какъ видите, диктовка воскресаетъ, и не только воскресаетъ, но и поднимаетъ голову. Что всего болѣе смущаетъ и не можетъ не смущать тѣхъ, кто такъ вѣрилъ въ обновленіе нашей школы,—это то, что воскресаетъ диктовка въ своемъ прежнемъ видѣ. Есть опасность (и подобное неоднократно происходило въ русской школѣ), что крайнее увлеченіе списываніемъ смѣнится такимъ же возвращеніемъ въ область диктовки, и новые опыты и начинанія педагогической весны, свѣжая критика, молодое исканіе новыхъ путей,—все это пропадетъ для нашей школы безслѣдно... Надо всѣми мѣрами противостоять этой опасности. Необходимо теперь же освѣтить и закрѣпить въ практикѣ всѣ пріобрѣтенія послѣднихъ годовъ, всѣ тѣ улучшенія, которыя внесены въ школу, благодаря новымъ взглядамъ на задачи школы, новымъ даннымъ современной психологіи и педагогіи. Съ одной изъ такихъ попытокъ въ области диктовки я и намѣреваюсь ознакомить васъ въ настоящемъ докладѣ.

II.

Прежде всего позволю себѣ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на общественно-педагогической аренѣ, я всегда помню себя рѣшительнымъ противникомъ диктовки въ томъ видѣ, въ какомъ она обычно употребляется, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ она идеально рисуется г. Алферовымъ въ его „Родномъ языкѣ“. Чтобы не возникло недоразумѣній, я оговорюсь, что подъ диктовкой я разумѣю всякую работу, гдѣ дается готовый текстъ, воспринимаемый пишущимъ путемъ слуха, и гдѣ производится дословное его воспроизведеніе,—безразлично, ведется ли эта работа съ объясненіемъ, предупрежденіемъ, или для провѣрки и т. д.

---

[1]) *Алферовъ*. Родной языкъ въ средней школѣ.—*Костинъ*. Правописаніе и эксперимент. психологія.

Я не буду повторять всѣхъ возраженій, цѣлыми потоками лившихся въ послѣдніе годы противъ диктовки. Не буду излагать вѣскихъ возраженій Шереметевскаго и Лая. Я остановлюсь лишь на наиболѣе важныхъ сторонахъ. Возраженія мои слѣдующія:

1. Существенный признакъ диктовки—отсутствіе всякой самостоятельности ученика въ работѣ. Воспроизводя текстъ отъ буквы до буквы, ученикъ лишенъ всякой иниціативы, всякой активности. Самое мышленіе ученика, его языкъ всецѣло скованы диктуемымъ текстомъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для проявленія дѣтской личности, его интересовъ, его творчества. Здѣсь одна работа—воспроизводить текстъ рабски, безъ отступленій; отсюда—мертвящій, притупляющій характеръ диктовки.

2. При диктовкѣ все вниманіе пишущаго сосредоточивается на начертаніи словъ, на правилахъ письма. Весь процессъ психической работы замыкается въ тѣсный кругъ орѳографическихъ условностей. Весь текстъ предносится предъ сознаніемъ, какъ рядъ возможныхъ буквъ, возможныхъ правилъ, возможныхъ ошибокъ въ написаніи, и весь интересъ сводится къ припоминанію этихъ буквъ и правилъ.

3. Благодаря исключительному вниманію къ правиламъ письма, при диктовкѣ не остается мѣста для предметнаго мышленія, для живого сознаванія тѣхъ представленій, которыя выражены въ диктуемомъ текстѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда написаніе зависитъ отъ содержанія, послѣднее мыслится ученикомъ въ отвлеченіи, въ туманѣ. Въ большинствѣ же случаевъ онъ не представляетъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ пишетъ, не мыслитъ тѣхъ мыслей, не испытываетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ записываетъ.

Вотъ существенные недостатки обычной диктовки, въ силу которыхъ она даетъ результаты обратные тѣмъ, ради которыхъ она употребляется. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ, что диктовка—главный пріемъ обученія и практикуется чуть не ежедневно. Что можетъ получиться въ результатѣ такихъ ежедневныхъ занятій, въ которыхъ не работаетъ живая мысль ученика, не затрагиваются его живые интересы, гдѣ онъ лишенъ всякой возможности самостоятельнаго проявленія личности и творчества? Несомнѣнно, апатія къ письму, неумѣнье взяться за перо тогда, когда надо записать что-либо свое.

Далѣе, какой навыкъ можетъ выработаться въ резуль-

татѣ тѣхъ занятій, въ которыхъ пишущій, не вдумываясь въ содержаніе письма, все вниманіе сосредоточиваетъ на правилахъ письма?—Навыкъ писать, думая лишь о правилахъ письма. Что же происходитъ съ такими учениками тогда, когда имъ приходится думать о содержаніи, записывать свои впечатлѣнія, чувства?—То, что мы сплошь и рядомъ наблюдаемъ въ школахъ: диктовки ученики пишутъ безошибочно, а взгляните въ ихъ черновыя, въ ихъ записки, въ письма, и васъ поразитъ грубѣйшая безграмотность. И это понятно. Навыкъ грамотнаго письма заключается въ томъ, чтобы писать автоматически правильно, не думая о правилахъ письма, т. е. излагать свои мысли на бумагѣ, пользуясь готовыми орѳограммами. Въ какомъ случаѣ это возможно? Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что у ученика выработались орѳограммы; является вопросъ, при какомъ условіи онъ будетъ пользоваться ими, не припоминая о нихъ, при записи своихъ представленій, мыслей, желаній?—При условіи, если эти орѳограммы тѣсно связаны съ самыми представленіями, съ мыслями, желаніями;—при условіи, если тѣ и другія образуютъ собою одно слитое цѣлое, такъ что при возникновеніи въ нашемъ сознаніи представленія сама собою является и орѳограмма его въ видѣ письменнаго символа. Но это объединеніе, это цѣлое можетъ образоваться при условіи, что во всѣхъ занятіяхъ по письму и, въ частности, упражняясь въ усвоеніи и закрѣпленіи орѳограммъ, ученики представляютъ, мыслятъ, переживаютъ описываемыя состоянія. Какъ разъ этого переживанія при диктовкѣ не происходитъ, и, слѣдовательно, не только объединенія не образуется, но и вырабатывается обратный навыкъ—думать только о правилахъ, навыкъ, исключающій возможность объединенія.

III.

Итакъ, заключая въ себѣ отрицательныя свойства въ отношеніи развитія творческихъ силъ учащихся, диктовка дословная не даетъ почти никакого плюса и въ отношеніи развитія навыка правильнаго письма. Ей нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ ставятъ задачей—выработать сильную личность, снабдивъ ее образовательными навыками. И мы отъ души привѣтствуемъ тѣ школы, въ которыхъ обходятся безъ диктовки обычнаго типа. Однако, мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которые за

диктовкой отрицаютъ всякое значеніе. Существенное отличіе диктовки отъ другихъ видовъ письменной работы, съ психологической точки зрѣнія,—въ томъ, что при диктовкѣ импульсъ къ написанію исходитъ отъ слуха, и самый процессъ письма сопровождается рѣчью. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, помогаетъ ли выработкѣ правильнаго навыка участіе въ процессѣ письма центровъ слухового и рѣчевого. Этотъ вопросъ въ настоящее время можно считать рѣшеннымъ категорически въ положительномъ смыслѣ, и настолько, что проф. Мейманъ, въ качествѣ вывода изъ цѣлаго ряда педагогическихъ экспериментовъ, рекомендуетъ самое списываніе сопровождать рѣчью, произношеніемъ списываемаго, т. е. участіемъ слуха и рѣчи.

Съ своей стороны, я укажу на то, что письмо, какъ навыкъ, предствляетъ собою очень сложный актъ, въ которомъ участвуютъ всѣ, такъ называемые словесные центры, и для того, чтобы получить правильный навыкъ, необходимо, чтобы въ письменномъ процессѣ участвовали всѣ эти центры. Участіе же слуха и рѣчи въ процессѣ письма особенно важно, такъ какъ дѣти приходятъ въ школу съ развитою рѣчью, которая тѣсно слита у нихъ съ предметнымъ мышленіемъ. Для обучающаго письму является задача—прицѣпить, такъ сказать, къ слуховому образу письменный образъ слова и путемъ упражненій тѣсно слить послѣдній съ первымъ и, можетъ быть, даже подмѣнить послѣдній первымъ,—такъ, чтобы ученику казалось, что онъ и говоритъ такъ, какъ пишетъ [1]). Такое объединеніе возможно наилучше тогда, когда мы въ письменныхъ упражненіяхъ прокладываемъ путь: слухо-рѣчевой образъ слова (слитый съ предметнымъ образомъ)+зрительно- письменный образъ+двигательно-письменный (запись слова), т. е. когда процессъ письма исходитъ отъ слухового центра или предметнаго мышленія, иначе говоря,—при диктовкѣ и изложеніи. Этимъ мы нисколько не ослабляемъ значенія списыванія, какъ основного занятія, дающаго и закрѣпляющаго въ сознаніи зрительно-двигательныя орѳограммы,

---

[1]) Такъ и происходитъ у большинства образованныхъ людей: они думаютъ, что есть звуки я, ю, ё и т. д., и что мы говоримъ, какъ пишемъ: яма, люди, ледъ, впередъ, тогда какъ мы говоримъ: йама, льуди, льот, фперьот.

но лишь утверждаемъ, что и упражненія, опирающіяся на слухъ, должны имѣть мѣсто среди письменныхъ занятій по орѳографіи.

Мы пришли теперь къ совершенно опредѣленному выводу. Диктовка можетъ имѣть значеніе въ образованіи навыка письма, но при условіи устраненія недостатковъ и внесенія въ нее существенныхъ коррективовъ. Сущность этихъ коррективовъ сама собою ясна изъ сдѣланныхъ нами возраженій противъ диктовки обычнаго типа. Направлены они къ тому, къ чему направлены всѣ современныя реформы школьнаго дѣла,—къ внесенію въ него большой сознательности и жизненности, къ предоставленію большаго простора для дѣтской самодѣятельности и творчества. Основной изъ этихъ коррективовъ—сознательность письма. Необходимо, чтобы и при диктовкѣ, какъ и при всякого рода письмѣ, пишущій сознавалъ его содержаніе, живо представлялъ то, о чемъ онъ пишетъ, переживалъ тѣ мысли, чувства, которыя онъ обозначаетъ на бумагѣ. Какъ этого достигнуть?

Эта мысль давно меня мучила. Въ своей практикѣ, которою я дѣлился и на многихъ учительскихъ курсахъ, я пользовался различными пріемами, направленными къ тому, чтобы оживить диктуемый текстъ въ сознаніи ученика и заставить послѣдняго болѣе ярко представлять то, о чемъ онъ пишетъ. Объ этихъ пріемахъ я надѣюсь побесѣдовать въ другой разъ; теперь же скажу, что эти пріемы далеко не удовлетворяли меня, такъ какъ значительно осложняли работу и учителя, и ученика при диктовкѣ и все же не предоставляли послѣднему простора для его творческихъ силъ [1]). Я шелъ дальше и искалъ новыхъ упражненій. Случилось такъ, что въ послѣдніе годы мнѣ пришлось въ школѣ обучать правописанію, и я на практикѣ вынужденъ былъ искать болѣе удовлетворительной диктовки, и вотъ таковой и явилось то, что я назвалъ „Свободной диктовкой“.

---

[1]) Кстати, считаю необходимымъ здѣсь отмѣтить, что требованіе сознательности диктуемаго рѣшительно не мирится съ тѣмъ матеріаломъ, который помѣщается въ сборникахъ для диктовки, представляя собою наборъ отдѣльныхъ фразъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ. Съ нашей точки зрѣнія, такой матеріалъ совершенно непригоденъ для сознательной письменной работы и долженъ быть изгнанъ изъ употребленія въ школѣ.

IV.

Въ 1910—11 году я велъ занятіе по русскому языку въ 4-мъ классѣ женскаго коммерческаго училища. Возрастъ переходной, и занятія переходныя. Грамматика пройдена была въ первыхъ трехъ классахъ, но знали плоховато и писали многія совсѣмъ неважно въ отношеніи орѳографіи. По программѣ требовалось заниматься словесностью, но нельзя было оставлять безъ вниманія и грамотности. Пришлось практиковать разные пріемы. Между прочимъ, чувствовалась и необходимость въ упражненіяхъ, опирающихся на слухъ. Разъ, два провелъ я диктовку обычнымъ пріемомъ и больше не могъ: несмотря на введеніе оживляющихъ элементовъ, диктовка одна въ 4 классѣ казалась мнѣ особенно нелѣпой и безполезной. Я задумался надъ тѣмъ, какъ провести диктовку такъ, чтобы дѣвочки вдумывались въ содержаніе диктуемаго и писали подъ диктовку какъ бы свои мысли. Я тогда напалъ на слѣдующій пріемъ. Если, думалось мнѣ, я буду диктовать статью такими отрывками, которыхъ ученицы дословно не въ состояніи запомнить и воспроизвести, т. е. отрывками болѣе крупными, то имъ придется невольно запоминать и повторять не слова, а мысли, картины, образы и воспроизводить имъ придется не дословно, а свободно. Такимъ путемъ ученицы, казалось мнѣ, будутъ исходить въ процессѣ письма изъ слуховыхъ впечатлѣній, изъ диктуемаго текста, но во время самаго диктованія онѣ будутъ воспринимать и переживать мысли и затѣмъ будутъ свободно передавать ихъ на бумагѣ. Въ этомъ направленіи я и повелъ свои опыты. На первыхъ порахъ они были не вполнѣ удачны.

Неудача перваго опыта зависѣла отъ того, что дѣвочки привыкли къ дословной диктовкѣ, къ буквальному воспроизведенію диктуемаго текста. Кстати сказать, эта неудача наилучше вскрыла недостатки этого рода диктовки. Приступая къ новой постановкѣ диктовки, я объяснилъ, какъ я поведу ее, при чемъ не одинъ разъ повторилъ дѣвочкамъ, что онѣ должны запоминать не слова, а мысли, и могутъ эти мысли воспроизводить своими словами. Когда затѣмъ, прочитавъ всю статью (соч. Гончарова), я продиктовалъ имъ одинъ разъ первый отрывокъ, размѣръ котораго—3 печатныхъ строки—по моему мнѣнію, не позволялъ имъ сразу запомнить его и

воспроизвести дословно, то дѣвочки записали первыя два-три-четыре слова и дальше остановились безпомощно, прося повторить фразу. Я предложилъ записать мысль какими-угодно словами, но дѣвочки говорили, что и мыслей онѣ не запомнили. Было очевидно, что при диктованіи онѣ старались запомнить слова, но не въ состояніи были ихъ запомнить, и нисколько не вдумывались въ содержаніе диктуемаго, почему послѣднее прошло для ихъ сознанія безслѣдно. Пришлось повторить второй и третій разъ, и особенность новаго пріема пропала. Предъ диктованіемъ второго отрывка, я снова предупредилъ, что я повторять чтенія не буду и что онѣ должны записать только то, что поймутъ, какъ бы ни записали. Все-таки и на этотъ разъ дѣло не наладилось. Немало мнѣ пришлось повозиться съ навыкомъ—писать подъ диктовку слова, а не мысли. Однако, постепенно, при дальнѣйшемъ диктованіи нѣкоторыя дѣвочки поняли, въ чемъ дѣло, и стали болѣе и болѣе приспособляться, схватывали въ диктуемомъ мысли и, хотя съ пропусками и искаженіями, свободно стали ихъ передавать. Удачныя записи мы тутъ же прочитывали, и это, видимо, помогло и другимъ дѣвочкамъ понять, какъ нужно работать и писать, такъ что къ концу урока замѣтно было большое оживленіе, и звонокъ встрѣченъ былъ съ сожалѣніемъ.

Когда черезъ недѣлю я объявилъ, что будемъ снова писать свободную диктовку, мои слова встрѣчены были большимъ оживленіемъ и выраженіемъ нескрываемаго удовольствія; видимо, процессъ новой работы заинтересовалъ дѣвочекъ и пришелся имъ по душѣ. Но этотъ второй опытъ былъ тоже не изъ удачныхъ, и въ неудачѣ повиненъ былъ я самъ. Я раздѣлилъ статью на слишкомъ мелкіе отрывки, и такъ какъ память на слова у дѣвочекъ оказалась сильнѣе, чѣмъ я предполагалъ, то онѣ воспроизвели статью очень близко къ тексту. Я дальше познакомлю васъ съ образцами этой диктовки, и вы увидите, что работы получились сравнительно блѣдныя. Тѣмъ не менѣе, результаты этой диктовки очень порадовали и ободрили дѣвочекъ, и мы смѣлѣе и увѣреннѣе пошли дальше. Дѣвочки уже не силились запоминать слова. Онѣ научились вдумываться въ смыслъ диктуемаго, старались представить себѣ картины и образы, рисуемые отрывкомъ, а слова запоминались сами собой. Этотъ успѣхъ, видимо, былъ осознанъ самими дѣвочками, и онѣ просили еще и

еще свободной диктовки. Меня удовлетворила эта диктовка и въ отношеніи орѳографіи. Она имѣла въ виду поупражнять дѣвочекъ въ правильной разстановкѣ знаковъ препинанія: точки, точки съ запятой и запятой, а между прочимъ, и въ правильномъ пользованіи буквой ѣ въ флексіяхъ, для чего предварительно правила эти повторялись. Для этихъ упражненій диктовка дала хорошій матеріалъ, и успѣхъ былъ несомнѣненъ.

Замѣтивъ, что диктуемый текстъ оказываетъ значительное вліяніе на форму выраженія ученицъ, въ качествѣ матеріала для слѣдующей свободной диктовки, я попытался подыскать болѣе совершенное произведеніе слова—стихотвореніе. Я взялъ дѣтское по содержанію, вполнѣ доступное стихотвореніе Бѣлоусова: „Весна“. Дѣвочки съ удовольствіемъ писали. Но при провѣркѣ оказалось, что большинство изъ нихъ почти слово въ слово повторили текстъ стихотворенія, несмотря на то, что диктуемые отрывки были сравнительно крупны. Красивая стихотворная форма, видимо, сильно вліяла на психику дѣвочекъ, а размѣренность слога и риѳма помогали имъ запоминать слова и мѣшали освободиться отъ него. Лишь нѣсколько дѣвочекъ свободно передали мысли и чувства подлинника. На будущее время я избѣгалъ пользоваться стихотвореніями для свободной диктовки, а бралъ матеріалъ преимущественно изъ художественной прозы.

V.

Послѣдующіе опыты были всѣ удачны какъ въ этомъ классѣ, такъ и въ слѣдующемъ году (въ 4-мъ классѣ другого состава). Я не буду утомлять васъ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ произведенныхъ мною опытовъ. Познакомлю лишь съ самими образцами ученическихъ работъ съ тѣмъ, чтобы нагляднѣе выяснить ихъ характеръ и полученные результаты, которые и для меня были неожиданны. Но прежде позвольте выяснить тотъ порядокъ диктованія, который выработался у меня, и подѣлиться своими впечатлѣніями отъ работы класса при свободной диктовкѣ.

О диктовкѣ объявлялось обыкновенно наканунѣ, и это неизмѣнно до конца года встрѣчалась классомъ весело. Совершенно неожиданно и необъяснимо,—свободной диктовкѣ дѣвочки выражали симпатію предпочтительно предъ всѣми другими работами, даже устными. Статья заранѣе никогда не

объявлялась. На предыдущемъ урокѣ повторялись правила, на которыя давалась диктовка. Урокъ диктовки начинался нѣсколькими вопросами, наталкивающими мысль учениць на содержаніе статьи, и затѣмъ читалась вся статья цѣликомъ, безъ остановокъ. Читалась статья только одинъ разъ. Затѣмъ дѣлался минутный перерывъ, и начиналось чтеніе по отрывкамъ. Каждый отрывокъ читался тоже одинъ разъ, при чемъ каждый разъ я предупрежалъ: „Слушайте, я буду читать". Отрывокъ былъ въ 2—5 печатныхъ строкъ, въ которыхъ рисовалась отдѣльная картинка. По прочтеніи отрывка дѣвочки немедлено писали, и обычно быстро писали, очевидно, боясь растерять воспринятыя мысли. Если встрѣчалось въ диктовкѣ слово трудное, я выписывалъ его на доску. Затѣмъ я выжидалъ, пока всѣ окончатъ писать отрывокъ, и продолжалъ дальше. Послѣ записи послѣдняго отрывка листы съ диктовкой собирались; на слѣдующихъ урокахъ нѣкоторыя работы читались вслухъ, и дѣвочки высказывали свои мнѣнія. Въ первомъ году я исправлялъ въ диктовкахъ ошибки стилистическія и грамматическія; на второй годъ работы я не исправлялъ, а выписывалъ ошибки, характерныя для класса и для каждой ученицы, себѣ въ книжку и затѣмъ сообразовалъ съ тѣмъ свои занятія по орѳографіи.

Нужно было видѣть классъ и каждую дѣвочку во время свободной диктовки, чтобы понять, что эта новая работа ничего не имѣетъ общаго съ нудной механической работой при обычной диктовкѣ. При чтеніи статьи и особенно каждаго отрывка физіономія класса, какъ и каждой ученицы, разительно измѣнялась. Напряженная тишина, сосредоточенныя лица, углубленные глаза—онѣ смотрѣли на меня и не видѣли, онѣ уходили во внутрь себя, стараясь вникнуть въ слышимое, усвоить, пережить... Оживалъ классъ, когда кончалось чтеніе отрывка: дѣвочки брали перья и, углубившись въ свой листъ, быстро-быстро писали, изрѣдка останавливаясь и припоминая. Тишина прерывалась лишь рѣдкими вопросами о томъ, какъ написать то или другое слово; иногда дѣвочки переговаривались между собою, но коротко, и это случалось очень рѣдко. Живое, бодрое настроеніе не падало до конца урока (диктовка продолжалась всегда не болѣе одного урока—40 мин.), и весело отдавая свои листы, дѣвочки часто спрашивали, когда еще будетъ свободная диктовка.

VI.

Работы перваго моего опыта не представляютъ интереса, и я ихъ не предлагаю. По второй диктовкѣ можно уже видѣть характеръ нашихъ работъ. Вотъ текстъ этой диктовки заимствованный мною изъ сборника Бостромъ.

Весной.

1. Зима кончилась. Дни стали длинные, солнце свѣтило ярко и грѣло. Снѣгъ сталъ таять. Показалась черная земля.
2. Дѣтямъ скучно сидѣть въ избѣ. Почти цѣлый день они на улицѣ, на солнышкѣ.
3. Бѣгаютъ они въ однѣхъ рубашенкахъ, а на ногахъ старыя валенки. Валенки промокнутъ, дѣти озябнутъ и бѣгутъ въ избу грѣться.
4. Посреди улицы большая лужа. Всѣ деревенскіе ребята собираются у этой лужи, пускаютъ въ нее щепочки или, засучивъ штанишки, а дѣвочки, поднявъ подолы, голыми ногами шлепаютъ по лужѣ.
5. Вокругъ летятъ брызги. Вода холодная, щиплетъ ноги, но это ничего. Всѣмъ весело. Смѣются, кричатъ. Ноги у всѣхъ сдѣлались красныя, красныя.
6. А когда снѣговая вода очень больно защиплетъ ноги, ребята выскакиваютъ изъ лужи, надѣваютъ валенки и вскачь пускаются догонять другъ друга. (Бостромъ. „Два мірка“).

Отчасти потому, что я раздѣлилъ эту статью на слишкомъ мелкіе отрывки, а отчасти и вслѣдствіе недостаточной ея художественности, работы дѣвочекъ, какъ я говорилъ, получились близкими къ тексту и вообще блѣдными. Привожу одну изъ нихъ.

Работа ученицы М.

Весной въ деревнѣ.

Зима кончилась. Дни стали длинные. Солнце *засіяло, стало грѣть сильнѣе.* Снѣгъ таялъ: показалась земля.

Дѣтямъ скучно сидѣть въ избѣ, почти цѣлый день они *на волѣ.*

Они бѣгаютъ въ однѣхъ рубашенкахъ, а на ногахъ валенки. Валенки промокнутъ, дѣти озябнутъ; они побѣгутъ въ избу погрѣться.

Посреди *деревни* большая лужа. Всѣ *дѣти* около нея; они пускаютъ въ нее щепочки, *а то и сами* шлепаютъ по ней босыми ногами.

Вокругъ летятъ брызги. Вода холодная, щиплетъ ноги; но это ничего, всѣмъ весело, всѣ смѣются, кричатъ.

А когда снѣговая вода очень больно защиплетъ ноги, ребята выскакиваютъ изъ лужи, надѣваютъ валенки, и вскачь пускаются нагонять другъ друга.[1])

Какъ видите, измѣненія здѣсь незначительны, однако, они таковы, что не допускаютъ никакого сомнѣнія въ сознательности и свободѣ письма. Подобныя измѣненія наблюдаются и въ другихъ работахъ, въ родѣ того, что „Солнце ярче свѣтитъ изъ-за тучъ“, „показалась зеленая травка“, „вода брызжетъ и обдаетъ всѣхъ дождемъ“. Уже въ этихъ измѣненіяхъ чуется живое представленіе описываемыхъ явленій.

Вотъ стихотвореніе Бѣлоусова, которое я взялъ для третьяго опыта. При диктованіи я раздѣлилъ его на три отрывка.

Весна.

Другъ мой, весна наступаетъ! Видишь, какъ солнце въ окно ласково смотритъ лучами, жизни и свѣта полно.

Скоро не станетъ и снѣга, скоро цвѣты расцвѣтутъ, съ юга вернутся къ намъ птицы, пѣсни веснѣ запоютъ.

Выйдешь гулять ты на волю, воздухомъ чистымъ дышать. Силы твои обновятся, дѣло пойдетъ веселѣй. Много на родинѣ нашей дѣла для честныхъ людей (И. Бѣлоусовъ).

Какъ я сказалъ, нѣкоторыя дѣвочки воспроизвели его дословно, большинство не справилось съ послѣднимъ отрывкомъ и сильно его сократило. Но были нѣкоторыя, которыя измѣнили текстъ и передали его по своему. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ записей.

Работа ученицы Н.

Весна.

Другъ мой! Весна наступаетъ! Видишь, какъ солнце ласково смотритъ *къ намъ* въ окно; оно полно жизни и свѣта. Скоро не станетъ и снѣга; *въ поляхъ* цвѣты расцвѣтутъ; птицы возвратятся *изъ теплыхъ странъ* и пѣсни *намъ* запоютъ. Выйдешь ты *въ поле* воздухомъ чистымъ подышать. Силы твои обновятся, дѣло пойдетъ веселѣй.

---

[1]) Прим. автора. Орѳографія этой работы и всѣхъ послѣдующихъ соблюдена согласно подлиннику. Курсивомъ отмѣчены существенныя измѣненія или дополненія текста.

Сличите эту работу съ текстомъ стихотворенія, и вы убѣдитесь, что ученицѣ Н. ни риѳма, ни размѣренность слога не попрепятствовали отнестись къ работѣ совершенно самостоятельно и сдѣлать въ текстѣ измѣненія, не отступая отъ содержанія. Если вы проанализируете эти измѣненія, то увидите, что они зависѣли всецѣло отъ того, что ученица живо представляла себѣ рисуемыя въ стихотвореніи картины и передавала ихъ такъ, какъ представляла, съ большими деталями. Такъ, ей представлялось, что солнышко ласково смотритъ не вообще въ окно, а *къ намъ* въ окно, цвѣты — *въ поляхъ*, птицы — *изъ теплыхъ странъ*, пѣсни запоютъ *намъ*. Ясно, что она воспринимала и перерабатывала картины своимъ воображеніемъ, представляла ихъ по своему и это „свое", свои переживанія выразила въ словѣ. При всемъ томъ нельзя не замѣтить и вліянія текста на работу; оно очень сильно, и въ этомъ тоже немаловажное значеніе свободной диктовки: ученица заимствуетъ литературныя формы, но пользуется ими свободно, выражая въ нихъ то, что ею пережито.

Я познакомилъ васъ съ одной изъ работъ, въ которыхъ наиболѣе ярко проявилось свободное, самастоятельное отношеніе къ тексту. [Кстати сказать, работа эта принадлежитъ ученицѣ, средней по успѣхамъ]. Если съ точки зрѣнія этого отношенія къ тексту просмотрѣть работы всѣхъ учениць (42), то онѣ представятъ собою градацію между дословнымъ возпроиведеніемъ текста и данною работою, при чемъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя ввели ученицы въ текстъ, замѣчается большое и характерное разнообразіе, соотвѣтствующее, несомнѣнно, душевнымъ особенностямъ писавшихъ.

Итакъ, первый сравнительно удачный опытъ обнаружилъ въ свободной диктовкѣ очень важныя стороны: во 1-хъ, живую работу сознанія въ воспроизведеніи диктуемыхъ мыслей, т. е. полную сознательность письма; во 2-хъ, свободную, индивидуальную переработку ихъ и въ 3-хъ, большую близость воспроизведенія къ тексту. Всѣ эти стороны въ той или другой степени проявлялись и во всѣхъ послѣдующихъ диктовкахъ, для которыхъ я заимствовалъ текстъ изъ произведеній Гончарова, Григоровича, Тургенева.

VII.

Съ четвертой диктовки, какъ я сказалъ, дѣло у насъ совсѣмъ наладилось: ученицы привыкли къ порядку работы и всѣ отлично выполняли ее. Результаты получились болѣе опредѣленныя и характерныя, почему и самое значеніе свободной диктовки, какъ методическаго пріема, выступило ярче и сильнѣе.

Не желая утомлять васъ большимъ количествомъ работъ, я познакомлю васъ съ одной диктовкой, матеріалъ для которой я взялъ изъ „стихотворенія въ прозѣ“ И. С. Тургенева „Деревня“. Очевидно, высокая художественность диктованнаго мною отрывка сильно воздѣйствовала на мышленіе и воображеніе дѣвочекъ, толкнула на болѣе яркое переживаніе и открыло большій просторъ для проявленія индивидуальности. Вотъ этотъ текстъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное.

Жаворонки звенятъ, воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько—и маленько кожей. Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокой, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба—синеватая черта большой рѣки.

(Стихотвореніе въ прозѣ И. С. Тургенева).

Чтобы нагляднѣе обнажить передъ Вами процессъ психическихъ переживаній ученицъ при воспроизведеніи текста, я познакомлю васъ съ работами нѣсколькихъ изъ нихъ, выбравъ изъ всей массы (37 работъ) наиболѣе характерныя въ томъ или другомъ отношеніи. Выборъ этотъ я дѣлаю совершенно независимо отъ того, какова общая успѣшность этихъ ученицъ, которая, кстати сказать, очень слабо отража-

лась на характерѣ и достоинствѣ работы. Изъ тѣхъ работъ, съ которыми я васъ сейчасъ познакомлю, лишь одна принадлежитъ лучшей ученицѣ, остальныя—среднимъ и даже слабымъ.

Работа ученицы II.

Деревня. Іюль мѣсяцъ. На тысячу верстъ кругомъ Россія, родной край. На синемъ небѣ плыветъ лишь одно облачко. Воздухъ—что парное молоко. Слышится пѣніе жаворонка. Лошади стоятъ спокойно и фыркая жуютъ сѣно. Даже собаки не лаютъ, а молча лежатъ виляя хвостомъ. На крышѣ воркуютъ голуби. Пахнетъ дымомъ, травой, немного дегтемъ и кожей. Конопляники вошли въ силу и издаютъ пріятный запахъ. Вотъ и оврагъ съ пологими берегами, на которыхъ, въ нѣсколько рядовъ, растутъ ракиты, съ опущенными внизъ вѣтвями. Въ глубинѣ оврага лежитъ ручеекъ. Вода его такая чистая, что черезъ нее просвѣчиваютъ камешки, лежащіе на днѣ ручья. Вдали на горизонтѣ, синей чертой обозначается рѣка.

Эта работа представляетъ собою наиболѣе точное воспроизведеніе текста. Здѣсь, конечно, достаточно измѣненій внесено въ текстъ, но въ нихъ мало чувствуется самостоятельной работы мысли и языка. Повидимому, у этой ученицы сильная память словъ. Къ этому типу можно отнести еще одну—двѣ работы, не больше. Во всѣхъ остальныхъ замѣчается болѣе сильное проявленіе индивидуальности.

Работа ученицы C.

Деревня. Послѣдній день іюля мѣсяца. Вокругъ родная земля. Русскій край. *Весна.* На небѣ *не видно тучъ*, безвѣтріе, воздухъ чистъ-небо прозрачно. *Ночь. Вездѣ тина.* Жаворонки *не звенятъ*, лошади *не фыркаютъ не жуютъ*, только *въ дали слышно* лай собакъ. *Все спитъ. Только собаки сторожатъ своихъ хозяевъ.* И дымкомъ все пахнетъ, и травой, и немного дегтемъ, и кожей и коноплями *спѣлыми*, которыхъ разносится пріятный запахъ въ воздухѣ. Глубокій оврагъ. Внизу него течетъ ручей на днѣ котораго находятся маленькіе камышки, видны черезъ прозрачную воду *не далеко около оврага* растутъ деревья. На горизонтѣ видна рѣка.

Это наиболѣе слабая работа и по содержанію, и по изложенію. Со стороны содержанія эта работа особенно характерна тѣмъ, что въ значительной части представляетъ собою искаженіе продиктованнаго. Выраженія, напечатанныя кур-

Инв.

сивомъ, представляютъ собой эти искаженія. Есть даже несообразности, проистекшія, очевидно, отъ невнимательности, какъ, напр.: „послѣдній день іюля мѣсяца“ и это оказывается—„весна“, или „вездѣ тина“ (можетъ быть, тишина?). Если же проанализировать прочія искаженія, то окажется, что они согласованы между собою и объясняются тѣмъ, что С. въ воображеніи своемъ создала картину ночи, а не дня, и картина получилась довольно цѣльная. Со стороны изложенія это самая слабая работа,—у остальныхъ ученицъ стилистическихъ ошибокъ почти не встрѣчается. Что же касается фактическихъ искаженій или добавленій, то они встрѣчаются не рѣдко и у другихъ. Такъ, напр., Л. Д. пишетъ: „*Раздается пѣнье птицъ*: жаворонки поютъ въ высотѣ, *вороны каркаютъ*. Животныя тоже *веселятся*“ и т. д. Или у Г.: „Послѣдній день іюля. *Въ деревнѣ очень жарко*... *Чирикаютъ* ласточки. Лошади *въ конюшнѣ мирно* жуютъ *сѣно*“... Или у А.: „Чуть вѣетъ *легкій вѣтерокъ*... Ласточки *гнѣзда вьютъ* и *щебечутъ*, собаки лежатъ, *поджавши хвостъ*“... Всѣ эти искаженія и добавленія все же указываютъ на работу воображенія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ правильно воспроизводитъ рисуемую диктовкой картину, детализируя лишь ее (очень жарко въ конюшнѣ, мирно, сѣно), или же неправильно (чирикаютъ, вороны каркаютъ, животныя веселятся, гнѣзда вьютъ и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ письменное слово ученицъ, думается, отражаетъ ихъ дѣйствительныя переживанія. Повидимому, въ данномъ случаѣ проявляется субъективное мышленіе дѣтей, которое обычно называютъ дѣтской ложью.

Работа ученицы Б.

Послѣдній день іюля мѣсяца. На тысячу верстъ кругомъ растилается Россія—родной край. Небо синее; только одно облачко въ воздухѣ хорошо. Жаворонки звенятъ, голуби воркуютъ, лошади фыркаютъ, собаки лаютъ. Въ воздухѣ пахнетъ дымомъ, травой, кожей и дегтемъ, коноплянки уже вошли въ силу и разливаютъ пріятный запахъ. Глубокій, но пологій оврагъ, по бокамъ растетъ ракита, по оврагу течетъ ручей, вдали видна рѣка.

Эта работа наиболѣе характерна для нѣсколькихъ работъ (4—5), которыя носятъ на себѣ слѣды исключительной дѣятельности разсудка. Здѣсь путемъ обобщенія и отвле-

ченія, изъ каждой части какъ бы выжата основная мысль, почему онѣ носятъ характеръ конспекта. И языкъ въ этихъ работахъ логическій, отвлеченный, сжатый. Особенно хороша въ этомъ отношеніи работа Б.: языкъ чистый, точный, правильный. У другихъ дѣвочекъ это обобщеніе идетъ иногда дальше. Напр., А., не перечисляя жаворонковъ, ласточекъ, голубей и т. д., пишетъ: „Все живое на землѣ радуется такому хорошему дню".

Въ этой отвлеченной работѣ сказывается индивидуальная особенность ихъ авторовъ, очевидно, сильныхъ анализомъ, логическимъ мышленіемъ.

Работа ученицы К.

Деревня. Послѣдній день іюля мѣсяца. На тысячу верстъ кругомъ родной край Россія. Ровной синевой залито все небо. Только одно облачко не то плыветъ, не то таетъ. *Тихо*... теплынь... воздухъ парное молоко. Жаворонки звенятъ, воркуютъ зобастые голуби, молча рѣютъ *въ воздухѣ* ласточки, фыркаютъ лошади, жуя *овесъ*, собаки стоятъ не лая и *помахивая* хвостами. И дымкомъ то пахнетъ и травой, и дегтемъ маленько, и кожею. Конопляники уже вошли въ силу и разпространяютъ свой тяжелый, но пріятный *запахъ*. Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ растутъ *толстыя* внизу расщепленныя ракиты. *На днѣ* оврага бѣжитъ ручей. На днѣ его *лежатъ* камешки и какъ будто дрожатъ *просвѣчивая* черезъ *прозрачную* рябь. Вдали въ томъ мѣстѣ, *гдѣ небо сходится съ землею, виднѣется* синяя полоса рѣки.

Эта работа относится къ типу смѣшанныхъ. Здѣсь не мало точнаго воспроизведенія текста, есть и отвлеченіе, но преобладаютъ, пожалуй, слѣды конкретизирующей фантазіи. Особенно характерны многія дополненія, убѣдительно говорящія о томъ, что ученица К. конкретно, въ краскахъ и формахъ мыслила диктуемый текстъ, напр.: „рѣютъ *въ воздухѣ*, жуя *овесъ*, *прозрачную* рябь" и т. д. Къ этому типу принадлежитъ большинство работъ.

Работа ученицы Е.

Послѣдній день іюля мѣсяца. На тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край. *Небо синее-синее.* Лишь одно облачко плыветъ, *бѣлое, какъ-бы тающее. Тепло.* Голуби тихо воркуютъ, изрѣдка пофыркиваютъ лошади. Собаки смирно стоятъ и не лаютъ. Въ небѣ *заливаются* жаворонки. Пахнетъ *свѣжей* травой. Но въ то же время *чувствуется* запахъ

дегтя, кожи, дыма. *Роспустилась* уже конопля и отъ нее *разливается*, хотя тяжелый, но пріятный запахъ. *Большой*, глубокій оврагъ. *Склоны* его *поросли ивами*. На днѣ *журчитъ свѣтлый серебристый* ручеекъ. Черезъ *чистую прозрачную* воду видны маленькіе, какъ-бы дрожащіе камешки. А вдали, *тамъ, гдѣ небо сливается съ землей, синей лентой извивается* рѣка.

Эта работа принадлежитъ къ группѣ тѣхъ, въ которыхъ наблюдается преобладающая дѣятельность творческаго воображенія. Въ этой группѣ работъ разсудокъ молчитъ. Здѣсь нѣтъ обобщенія, отвлеченія, разсужденія. Здѣсь ученицы всецѣло во власти своей фантазіи, которая возсоздаетъ всю картину въ краскахъ и конкретныхъ формахъ. Пишущія какъ бы видятъ, слышатъ, обоняютъ, ощущаютъ своимъ тѣломъ. Вотъ, напр., у М.: „облака какъ будто растаяли", „жаворонки парятъ въ небесахъ", „ласточки щебечутъ"; повидѣлось ей даже, будто „куры сидятъ на заборахъ"; „въ ручьѣ прозрачныя воды переливаются", а „воздухъ парный, душно", „слышенъ запахъ" и т. д. И она такъ увлечена этой картиной, такъ охвачена ею, что не можетъ не подѣлиться своими интимными переживаніями, и заключаетъ диктовку трогательнымъ выраженіемъ своихъ личныхъ эмоцій: „И тихо, и радостно, и пріятно на душѣ"!.. Надо замѣтить, что подобныя восклицанія прорываются и въ работахъ другихъ ученицъ, напр., у П.: „Мирная, красивая картина!" и т. п.

Болѣе сильное возсозидающее воображеніе проявляетъ Е. Она видитъ все въ краскахъ, даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ у Тургенева: „небо синее-синее" (такъ и чувствуется, что это синее небо она видитъ собственными глазами); „облачко плыветъ бѣлое, какъ бы тающее"; „трава свѣжая"; „ручеекъ свѣтлый, серебристый"; „вода чистая, прозрачная"; „рѣка извивается синей лентой". Она какъ бы собственными ушами слышитъ: „тихо воркуютъ", „пофыркиваютъ", „заливаются", „журчитъ"... обоняетъ и живетъ всѣмъ своимъ существомъ среди рисуемой картины. Здѣсь высшая сознательность воспріятія и письма, здѣсь полное переживаніе. И вчитайтесь въ эту послѣднюю работу: я не сомнѣваюсь, вы не изобличите меня въ сильномъ преувеличеніи, если я скажу, что по яркости и красочности слогъ Е-ой мало уступаетъ Тургеневскому.

VIII.

Попытаемся подвести итоги.

1. Едва ли можетъ остатся мѣсто какому-либо сомнѣнію въ томъ, что свободная диктовка вполнѣ удовлетворяетъ основному требованію, предъявляемому современною методикою къ письменнымъ занятіямъ: она требуетъ отъ пишущаго сознательнаго письма. Она пріучаетъ къ живому воспріятію диктуемаго матеріала и глубокому переживанію записываемыхъ мыслей. При этомъ учащійся пишетъ то, что онъ дѣйствительно въ данный моментъ мыслитъ и чувствуетъ.

2. Что для меня было неожиданно,—свободная диктовка предоставляетъ пишущему широкій просторъ для проявленія его индивидуальности. Заставляя пишущаго глубже переживать диктуемыя мысли и чувства, свободная диктовка, вмѣстѣ съ тѣмъ, не связываетъ его готовыми формами, а предоставляетъ ему мыслить и переживать въ словахъ и формахъ ему привычныхъ. Въ своихъ немногихъ опытахъ мы подмѣтили два рѣзко различающихся типа: съ разсудочнымъ мышленіемъ и съ преобладающимъ воображеніемъ. При болѣе разностороннемъ и подробномъ изученіи работъ могутъ обнаружиться и другія различія какъ въ пріемахъ воспріятія и переживанія текста, такъ равно и въ формахъ его воспроизведенія. Думается, что свободною диктовкою весьма удобно воспользоваться для психологическаго изслѣдованія личности учащагося.

3. Самая работа учащихся при свободной диктовкѣ, — живая работа мысли и пера при художественномъ матеріалѣ выражается въ воспроизведеніи картинъ, образовъ, формъ и красокъ, иначе говоря, слагается въ творчество. Творчество это, конечно, не оригинальное: учащійся не создаетъ новыхъ формъ и образовъ. Но глубоко переживая художественныя картины, данныя въ словесномъ текстѣ, учащійся воспроизводитъ на бумагѣ то, что сложилось въ его душѣ, и вноситъ въ него, какъ мы видѣли, много своего, оригинальнаго. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ нуднаго сухого переложенія или перевода съ литературнаго языка на мѣстный: здѣсь чувствуется непосредственное, детальное переживаніе содержанія литературной рѣчи и свободное, хотя и близкое къ подлиннику выраженіе его на письмѣ. Свободная диктовка—самый

192912

легкій и доступный видъ упражненія въ творческомъ воспроизведеніи художественныхъ образцовъ.

4. Благодаря дробленію диктуемаго матеріала и болѣе детальному воспріятію его, этотъ матеріалъ при свободной диктовкѣ оказываетъ сильное вліяніе на работу пишущаго какъ въ отношеніи построенія его, такъ и словеснаго выраженія. И вмѣстѣ съ тѣмъ пишущій чувствуетъ себя свободнымъ въ своемъ словѣ, въ выраженіи переживаемыхъ мыслей. Онъ незамѣтно для себя усваиваетъ литературныя формы и выраженія, усваиваетъ ихъ въ живой работѣ мысли и воображенія. Эта особенность свободной диктовки, по моему мнѣнію, наиболѣе цѣнна въ смыслѣ живого усвоенія литературнаго языка.

Но, спросите вы, пусть свободной диктовкой достигается и сознательность письма, и индивидуализація его, и творчество, и развитіе рѣчи—при чемъ же тутъ правописаніе? Повидимому, въ ней не заключается никакихъ элементовъ обученія правильному письму, т.-е. того, что должно вести къ усвоенію правописанія. Но это—повидимому. На самомъ дѣлѣ свободная диктовка не менѣе, чѣмъ дословная, можетъ быть приноровлена для цѣлей орѳографіи. Само собою понятно, она можетъ съ большой пользой въ отношеніи орѳографіи употребляться въ цѣляхъ повѣрки и контроля усвоеннаго. Но къ ней одинаково можетъ быть присоединено, лучше сказать, предпослано объясненіе и предупрежденіе, и она можетъ вполнѣ замѣнить диктовку предупредительную. Дѣло въ томъ что, какъ мы уже говорили, диктуемый текстъ оказываетъ сильнѣйшее вліянія на рѣчь пишущаго, почему слова и выраженія подлинника воспроизводятся у большинства. Если же мы предупредимъ правописаніе нѣкоторыхъ словъ путемъ записи ихъ на классной доскѣ или путемъ объясненій, то можно быть увѣреннымъ, что эти слова воспроизведутся въ работахъ пишущихъ. Я велъ свободную диктовку, главнымъ образомъ, на разстановку запятой и точки съ запятой, а отчасти на правописаніе частей рѣчи и цѣли своей достигалъ вполнѣ. Замѣчу, что для чисто орѳографическихъ работъ лучше давать матеріалъ не поэтическаго содержанія, такъ какъ при воспроизведеніи художественнаго матеріала работаетъ, главнымъ образомъ, фантазія, и текстъ подлинника значительно измѣняется; кромѣ того,

всякія орѳографическія предупрежденія и отступленія разбиваютъ работу воображенія. Съ цѣлью дать возможность пишущимъ избѣжать ошибокъ въ словахъ, имъ неизвѣстныхъ, я имъ предоставлялъ спрашивать о написаніи того или другого слова, но такихъ вопросовъ, какъ я уже говорилъ, было совсѣмъ мало.

Считаю необходимымъ отмѣтить еще одну особенность свободной диктовки, которая наблюдалась и въ другихъ опытахъ: ученицы въ свободной диктовкѣ дѣлали значительно меньше ошибокъ, чѣмъ въ другихъ письменныхъ работахъ, даже сочиненіяхъ. Объяснить это тѣмъ, что пишущіе подъ свободную диктовку избѣгаютъ тѣхъ словъ, правописанія которыхъ они не знаютъ, едва ли возможно: здѣсь они вынуждены очень быстро записывать свои мысли и во всякомъ случаѣ здѣсь меньше мѣста и времени для выбора и обдумыванія словъ и выраженій, чѣмъ, напр., въ изложеніи или сочиненіи. Самъ я точно не выяснилъ причины улучшенія орѳографіи при свободной диктовкѣ, но думаю, что это улучшеніе зависитъ отчасти отъ легкости работы воспроизведенія, а главнымъ образомъ, отъ того интереса и активности, какую проявляютъ пишущіе къ свободной диктовкѣ. Съ перваго же опыта и до послѣдняго этотъ видъ письменнаго упражненія нравился ученицамъ. Самое занятіе проходило при усиленномъ вниманіи, интересѣ и оживленіи среди пишущихъ. Не менѣе интереса проявлялось и при послѣдующемъ чтеніи работъ: дѣвочки очень любили слушать ихъ, сравнивать и одобрять или не одобрять.

Этотъ интересъ, это оживленіе и радость при письменной работѣ казались мнѣ особенно цѣнными, и только ради нихъ я иногда поступался другими намѣченными работами и велъ свободную диктовку.

IX.

Свои опыты со свободной диктовкой я провелъ въ средней школѣ, но мнѣ казалось, что съ тѣмъ же успѣхомъ ее можно примѣнить и въ низшей школѣ, гдѣ обычная диктовка совершенно нежелательна. Желая выяснить этотъ вопросъ путемъ опыта, я дѣлился своими работами съ учительницами и учителями низшихъ школъ, и среди нихъ нашлось лицо, ко-

торое прониклось моею идеею и согласилось поставить опыты въ начальной школѣ, гдѣ оно преподавало. То была учительница М. А. Піонтковская, занимавшаяся въ четвертой группѣ женской городской школы, гдѣ она и провела въ теченіе учебнаго года цѣлый рядъ свободныхъ диктовокъ, руководясь моими указаніями [1]). Ставила она свободную диктовку совершенно такъ же, какъ и я, не отступая отъ принятаго мною порядка.

Лишь послѣ написанія дозволялось здѣсь дѣтямъ диктовку иллюстрировать собственными рисунками, дѣлая ихъ цвѣтнымъ карандашемъ. Выбирались для диктовки статьи болѣе легкія, доступныя, небольшія по объему, преимущественно художественнаго содержанія. Въ первыхъ опытахъ при выборѣ матеріала г. П—ая обращала вниманіе на то, чтобы текстъ давалъ упражненія въ разстановкѣ знаковъ препинанія, напр., двоеточія, ковычекъ и т. д., но затѣмъ диктовка велась на всѣ правила. Впрочемъ, первые же опыты убѣдили г-жу П—скую въ томъ, что свободная диктовка вызываетъ со стороны дѣтей индивидуальную творческую работу, и диктовка практиковалась ею, главнымъ образомъ, съ этой цѣлью—какъ наиболѣе доступный видъ письменной индивидуальной работы, къ тому же очень понравившейся дѣтямъ.

Опыты г-жи Піонтковской съ первой же диктовки дали отличные результаты. Объясняется это тѣмъ, что обычной диктовки П—ая въ этой группѣ никогда не вела, а отчасти и выборомъ подходящаго матеріала. Но, конечно, здѣсь сказалась и хорошая подготовленность ученицъ къ работамъ творческаго характера, широко практиковавшимся г. П—ой въ этой группѣ съ перваго года обученія. Не желая быть голословнымъ, я познакомлю васъ съ самими работами ученицъ, и очень жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ использовать этотъ чрезвычайно интересный матеріалъ въ боль-

[1]) Съ моего согласія, г-жа Піонтковская помѣстила свои работы по свободной диктовкѣ на Кіевской выставкѣ, гдѣ онѣ привлекали вниманіе всѣхъ, знакомившихся съ письменными работами въ научно-образовательномъ отдѣлѣ. Съ выставки же свободная диктовка попала на столбцы періодической печати,—напр., газетъ „Кіевская Мысль“, „Школа и Жизнь“,—гдѣ самая идея свободной диктовки приписана по ошибкѣ „самодѣятельности и исканію учащихъ въ Кіевскихъ городскихъ училищахъ“.

шомъ количествѣ [1]). Считаю долгомъ здѣсь выразить искреннюю благодарность г-жѣ Піонтковской за предоставленныя въ мое распоряженіе работы.

Текстъ свободной диктовки.

П о ж а л ѣ л ъ.

Шелъ по деревнѣ нищій слѣпой старикъ и обронилъ монетку. Долго онъ искалъ ее, шарилъ руками, щупалъ ногой, потомъ пошелъ дальше, понуря голову.

Видѣлъ это Вася изъ своего окна. Побѣжалъ и быстро нашелъ. Монетка, да еще серебряная! Засверкали глазки Васи. Вотъ, думаетъ, накуплю конфектъ, пряниковъ. Чуть не заплясалъ Вася.

Только обернулся Вася въ ту сторону, куда пошелъ старикъ, и видитъ: слѣпой еле передвигаетъ ноги, а голова еще ниже опустилась. Не хорошо стало Васѣ. Пустился онъ догонять нищаго, быстро сунулъ ему монетку въ руку, а самъ убѣжалъ къ своей избѣ.

Добѣжавъ, Вася оглянулся, а старикъ стоитъ безъ шапки и крестится. Васѣ вдругъ такъ весело стало, какъ будто подарили ему много конфектъ. (*Вс. Флеровъ.* Ясное утро. Кн. 1-я).

Работа ученицы В.

П о ж а л ѣ л ъ.

Шелъ по деревнѣ слѣпой нищій,и *нечаянно* уронилъ *серебряную* монетку. Долго нищій искалъ щупая ногами, руками потерянную *дорогую для него* монетку, но не нашелъ, и пошелъ своею дорогою съ *поникшей дряхлой головой.*

Видѣлъ это *русоволосый* мальчикъ Вася изъ своего окошечка, выбѣжалъ и *вихремъ донесся до того мѣста, гдѣ потерялъ нищій монетку.* Вася быстро нашелъ монетку. Засверкали *маленькіе* глазки Васи, вотъ думаетъ *буду сегодня пировать*, конфектъ, пряниковъ, *леденцовъ* накуплю *много, много,* и чуть не затанцуетъ.

Оглянулся Вася въ ту сторону, куда *поковылялъ* нищій старикъ, медленно передвигалъ своими *костлявыми* ногами и голова совсѣмъ опустилась на грудь. Нехорошо стало *со-*

---

[1]) Диктовались слѣдующія статьи, взятыя изъ книжки для чтенія *Вс. Флеровъ*, Ясное Утро. Годъ 1-й: Пожалѣлъ (стр. 34), Дѣти (стр. 26), Стрекоза (стр. 104), Купава (стр. 103), Корова и Галка (стр. 60), Маленькій разбойникъ (стр. 67), Дѣтки (стр. 132), Грачи прилетѣли (стр. 58).

образительному Васѣ, и пустился догонять онъ старика, сунулъ монету Вася въ руку нищему и пошелъ къ избѣ.

Добѣжавъ Вася оглянулся и увидѣлъ что старикъ крестится, и ему было весело.

Текстъ свободной диктовки.

Купава (сказка).

Среди луга журчалъ ручеекъ, а на берегу росла красивая купава съ золотой головкой. Играя ручеекъ брызнулъ на купаву.

Разсердилась купава. „Гадкій ручеишка, крикнула она какъ ты смѣешь брызгаться? Все платьице мнѣ замочилъ. Отойди, не хочу больше съ тобой играть".

— „Не сердись: это нечаянно я сдѣлалъ", журчалъ ручеекъ. Но купава гордо подняла свою золотистую головку и слушать не хотѣла. Обидѣлся ручеекъ и повернулъ въ другую сторону.

Скоро наступило знойное лѣто. Купава изнемогала отъ жажды. Ея нарядное платьице повисло, запылилось, покрылось грязными пятнами.

Вспомнила тутъ купава о своемъ старомъ другѣ и сказала: „Былъ бы со мной ручеекъ, онъ напоилъ бы меня, и я попрежнему была бы прелестнымъ цвѣточкомъ. Ручеекъ— добрый, позову его"!

Но отъ слабости купава не могла громко крикнуть, и ручеекъ ея не услыхалъ. Такъ купава совсѣмъ поблекла и завяла. (*Вс. Флеровъ.* Ясное утро. Кн. 1-я).

Работа ученицы Д—о.

Купава.

Среди луга росла купава, здѣсь протекалъ ручеекъ и *нечаянно* брызнулъ на купаву. Разсердилась купава и закричала: „Гадкій ручей! Помочилъ мое платье. Не буду съ тобой играть!" „Не сердись!" сказалъ ручеекъ: „Я нечаянно!" Но купава подняла свою золотую головку и *не отвѣтила* ручейку, а ручеекъ *надулся* и повернулъ въ другую сторону.

Настало *жаркое* лѣто. Купава изнемогала отъ жажды. Платье ее *испачкалось*. Купава вспомнила ручеекъ и сказала: „Позову ручеекъ, вѣдь онъ добрый". Но отъ слабости она *тихо* крикнула, и ручеекъ не услыхалъ, и *гордая* купава скоро завяла".

Работа ученицы Б—ой.

Купава.

Среди зеленаго луга журчалъ *голубой* ручеекъ, онъ былъ *прозрачный какъ зеркало*, около этого *голубого* ручейка росла красивая купава съ золотой головкой, когда ручеекъ игралъ, то онъ *нечаянно* брызнулъ *своей холодной слезой* на эту золотую головку. Разсердилась купава и говоритъ: „Гадкій ручей какъ ты смѣешь обрызгать *все мое желтое платье*. Ты развѣ не видишь, что *оно такое нѣжное*, а *ты мнѣ его испортилъ*, уходи отъ меня я не хочу больше съ тобой играть.": „Не сердись! журчалъ ручеекъ вѣдь я его нечаянно обрызгалъ". Но гордая купава не хотѣла и слушать его, отвернула свою золотую головку, *тогда ручеекъ сказалъ: „Можешь отвертываться, я тоже уйду, и отвернулся отъ нее дальше.*

Скоро наступило знойное лѣто, изнемогала купава отъ жажды, *хотѣлось бы ей напиться да нѣтъ ея друга, который поилъ ее*, платье ея сдѣлалось грязно, *золотая головка сдѣлалась черная*. Вспомнила тутъ купава, о своемъ другѣ—ручейкѣ, онъ бы меня напоилъ, и я бы была такимъ-же красивымъ цвѣткомъ, ручеекъ добрый позову его. Но отъ слабости она не могла громко кричать и ручеекъ ее не услыхалъ такъ она и *засохла.*

Работа ученицы В—ой.

Купава.

Среди луга журчалъ *чистенькій, какъ слеза*, ручеекъ *извивался онъ, какъ голубая лента въ косахъ дѣвочки.* На его *отлогомъ берегу* росла *гордая* купава, и вотъ ручеекъ какъ-то *нечаянно* брызнулъ на золотую головку купавы. Разсердилась *важная* купава, „гадкій ручеишка", крикнула *раздраженная* купава: *я не понимаю какъ ты смѣешь дотрагиваться своими водами до моего платья, ни за что* не стану съ тобой играть: „Не сердись,—отвѣтилъ *виноватый* ручеекъ, *я не хотѣлъ обидить тебя:"* Но купава не хотѣла даже слушать его словъ. *Просилъ, просилъ ручеекъ извиненіе, но купава не прощала* и повернулъ въ сторону онъ: *Купава взглядъ бросила на ручейка и отвернулась прочь.*

Скоро наступило знойное лѣто, купава изнемогала отъ жажды ея нарядное платье запылилось, повисло и покрылось грязными пятнами. Вспомнила тутъ купава своего *завѣтнаго* друга ручейка, и *рѣшилась пригласить его къ себѣ.* Но отъ слабости она не могла громко крикнуть, и ее ручеекъ не услыхалъ. Поблекла купава завяла *и погибла.*

Текстъ свободной диктовки.

Стрекоза (сказка).

Облюбовала стрекоза зеленый кустикъ на берегу ручейка. Сѣла она на гибкой вѣточкѣ, распустила на солнышкѣ пестрыя крылышки и знай себѣ качается. Захочется стрекозѣ поѣсть, схватитъ она на лѣту мушку, проглотитъ и сыта.

Сѣла рядомъ съ стрекозой маленькая мушка и говоритъ: „Не стыдно тебѣ ѣсть мухъ: намъ, мухамъ, хочется также жить, какъ и вамъ, стрекозамъ“. Выпучила стрекоза свои большіе круглые глаза и говоритъ: „Не стала бы я тебя, малютка трогать, да ничего другого ѣсть не умѣю“.

Поймала стрекоза муху и только хотѣла проглотить, какъ вдругъ кто-то ее схватилъ. Видитъ стрекоза, попала она птичкѣ въ клювъ и взмолилась: „Сжальтесь, госпожа птичка, не губите меня молодую, красивую!“—„Какъ же быть?—отвѣтила птичка: не голодать же мнѣ и моимъ дѣтямъ ради твоей красоты“.

Работа ученицы В-кой.

Стрекоза.

Облюбовала стрекоза *красивый* кустикъ и сѣла на вѣточку, распустила *свои* пестрыя крылышки; кустикъ *стоялъ около прозрачнаго* ручейка, и *ну на вѣточкѣ качаться* и *грѣть на солнышкѣ спинку*, а *крылышки блестятъ, какъ серебро.* Захочется стрекозѣ покушать, словитъ на лету мушку и сыта. Сѣла рядомъ со стрекозой маленькая мушка и говоритъ: *какая, какъ* тебѣ не стыдно ловить насъ, намъ также хочется жить *на волѣ*, какъ и вамъ стрекозамъ. *Вытаращала* стрекоза свои большіе круглые глаза и говоритъ: Не стала бы я тебя, малютку ѣсть, да *не могу* больше ничего ѣсть. Поймала стрекоза мушку и только хотѣла проглотить, вдругъ кто-то ее схватилъ. Увидѣла стрекоза, что она попала въ клювъ къ птичкѣ и говоритъ: „Не губи, меня молодую—красивую!“—„Какъ же быть, отвѣтила птичка: не голодать же мнѣ и моимъ дѣткамъ ради твоей красоты“.

Работа ученицы В—вой.

Стрекоза.

Любила стрекоза одинъ кустикъ, *любила она сѣсть на него и качаться на качеляхъ, и не даромъ нравился ей кустикъ, онъ былъ на берегу отлогой рѣки.* Сѣла она на кустикъ, распустила *свои стеклянныя* крылышки, *грѣясь на солнышкѣ.* Захочется ѣсть стрекозѣ, летитъ, и попадется на

дорогѣ мушка, проглотитъ и сыта. Сѣла мушка *возлѣ* стрекозы, и говоритъ: „*Какъ не стыдно такимъ большимъ* ѣсть насъ, вѣдь намъ такъ же хочется жить, какъ и *вамъ, грѣшницамъ*!“ Выпучила круглые глаза стрекоза, и говоритъ: „Не стала бы я кушать васъ, да больше кушать ничего не умѣю“. Только хотѣла проглотить мушку, какъ вдругъ она *очутилась въ клювѣ пшички*, и взмолилась стрекоза: „*М-мъ птичка*, не губите меня *горькую*, я еще вѣдь молодая, *отпустите сжальтесь!*“. Какъ же быть? отвѣтила птичка. Не голодать намъ изъ-за твоей молодости.

Чувствуете ли вы, сколько въ этихъ дѣтскихъ работахъ живой мысли и непосредственнаго чувства, сколько дѣтской души и яркаго переживанья? Въ самомъ языкѣ—сколько дѣтской прелести, наивныхъ сравненій, свѣжихъ, яркихъ красокъ. Право, если вы поближе сравните оригиналы съ воспроизведеніями, вы невольно залюбуетесь послѣдними и скажете: да вѣдь они, пожалуй, живѣе и красочнѣе подлинника. И вы придете къ заключенію, что свободная диктовка, пожалуй, болѣе пригодна и болѣе имѣетъ успѣха именно въ начальной школѣ. Дѣтямъ этого возраста болѣе свойственно конкретное мышленіе, у нихъ рѣзче проявляется индивидуальность, сильнѣе и ярче работаетъ творческое воображеніе. Вотъ почему, перечитывая работы всѣхъ дѣтей—ихъ было до сорока, я вездѣ находилъ живую работу мысли и языка. Даже самыя слабыя ученицы, видимо, ясно представляли себѣ то, что писали, и по своему выражали эти представленія. Здѣсь несомнѣнно, обучаясь правописанію, дѣти пріучались пользоваться перомъ для выраженія переживаемыхъ ими мыслей. Упомяну кстати о томъ, что и здѣсь, въ начальной школѣ, въ свободной диктовкѣ, по словамъ г-жи П-ой, дѣти дѣлали меньше ошибокъ, чѣмъ въ другихъ работахъ, даже сочиненіяхъ, и что и здѣсь дѣти полюбили свободную диктовку и всегда съ живымъ интересомъ приступали къ ней. Едва ли надо добавлять, что опыты въ начальной школѣ рѣшительно и во всемъ подтвердили тѣ выводы и замѣчанія, которые я сдѣлалъ на основаніи своихъ работъ въ средней школѣ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ высказать мое давнишнее желаніе. Я считалъ бы счастливѣйшимъ днемъ жизни своей, когда бы узналъ, что наша русская школа разсталась, наконецъ, съ дословной диктовкой. И я буду чрезвычайно

радъ, если мой пока еще не вполнѣ обработанный опытъ со свободной диктовкой поможетъ приближенію этого свѣтлаго дня.

X.

Среди преній, послѣдовавшихъ за докладомъ, высказаны были два мнѣнія, заслуживающія серьезнаго вниманія. Указано было, что свободная диктовка—не больше какъ одинъ изъ видовъ переложенія, весьма употребительнаго въ нашей школѣ. Мы постарались отмежеваться и съ этой стороны, указавъ на существенное отличіе свободной диктовки отъ письменныхъ упражненій, которыя употребляются въ школѣ подъ названіемъ изложенія или переложенія. Если подъ послѣднимъ разумѣть изложеніе какой-либо статьи или книги послѣ детальнаго изученія ея путемъ чтенія и разбора, то такая работа и свободная диктовка, съ психологической и педагогической точекъ зрѣнія, не имѣютъ между собою ничего общаго. Ближе къ свободной диктовкѣ стоятъ тѣ занятія, когда дѣти излагаютъ содержаніе статьи, прочитанной предъ тѣмъ цѣликомъ разъ или два учителемъ,—но и здѣсь разница существенная. Слушая для переложенія разсказъ, обыкновенно довольно длинный, ученикъ напрягаетъ все вниманіе, чтобы запомнить какъ общій ходъ событія, такъ и частности его. Въ силу этого здѣсь работаетъ, главнымъ образомъ, память, часто механическая (спеціально-школьная память словъ), совершенно исключающая или препятствующая работѣ другихъ душевныхъ силъ: представленію и воображенію. Ученикъ и пишетъ здѣсь по памяти, воспроизводитъ тѣ мысли и событія, которыя онъ запомнилъ наспѣхъ изъ прочитаннаго; но эти событія онъ не имѣлъ возможности живо представить своимъ воображеніемъ, эти мысли и чувства онъ не былъ въ состояніи усвоить, пережить, прочувствовать, и его работа лишена яркихъ красокъ, интимныхъ переживаній, индивидуальнаго творчества. Вотъ почему ученическія переложенія, употребляющіяся въ нашей школѣ, носятъ такой схоластическій характеръ, почти всегда сухи, блѣдны и не привлекаютъ къ себѣ дѣтскаго сердца.

Впрочемъ, я не буду спорить о названіи: пусть свободная диктовка—одинъ изъ видовъ переложенія, но несомнѣнно, въ ней есть такія выгодныя особенности, которыя ставятъ ее

совершенно отдѣльно отъ другихъ видовъ этого рода занятій. Названіе же „свободная диктовка“, по моему, болѣе отвѣчаетъ тому психическому процессу, который протекаетъ при этомъ у пишущихъ: текстъ диктуется, но дѣти свободно выражаютъ его въ письменномъ словѣ. Есть и еще существенное отличіе свободной диктовки отъ переложенія. Въ свободной диктовкѣ, какъ уже не разъ подчеркивалось, дѣти пишутъ ближе къ диктуемому тексту, воспроизводятъ массу словъ подлинника [1]), почему она, дѣйствительно, можетъ быть приспособлена для цѣлей орѳографіи и съ полнымъ успѣхомъ можетъ замѣнить обычную, дословную диктовку. Достигнуть этого въ переложеніи не представляется возможности.

Другое, болѣе серьезное замѣчаніе высказано въ томъ духѣ, что де свободная диктовка не можетъ вполнѣ замѣнить дословную, такъ какъ дѣти, передавая текстъ свободно, будутъ избѣгать тѣхъ словъ, въ правописаніи которыхъ они затрудняются, и упражненіе не достигнетъ цѣли. Въ этомъ есть доля правды, но только доля. Помимо того, что мы только-что сказали относительно близкаго воспроизведенія текста при свободной диктовкѣ, изслѣдованія дѣтскихъ работъ показали, что многія слова диктовки воспроизводятся всѣми учащимися безъ исключенія. Въ своихъ опытахъ я иногда фиксировалъ начертаніе того или другого слова—путемъ записи или предупрежденія—до диктованія или во время,—и слово это неизмѣнно встрѣчалось во всѣхъ работахъ. Такимъ образомъ, при надобности всегда можно такъ или иначе воздѣйствовать на психику дѣтей при диктованіи и достигнуть того, чтобы нужныя намъ слова, выраженія, обороты воспроизводились подъ перомъ дѣтей. Что же касается вообще возможности избѣгать тѣхъ или другихъ словъ въ

---

[1]) *Примѣч. автора.* Я попытался сличить текстъ дѣтскихъ работъ съ текстомъ продиктованнаго подлинника и подвести итоги въ цыфрахъ. Результаты получились чрезвычайно интересные во многихъ отношеніяхъ. Эти цифры убѣдительно показали, что при свободной диктовкѣ дѣти въ значительной степени воспроизводятъ слова подлинника, но воспроизводятъ свободно, до чрезвычайности разнообразно комбинируя ихъ для выраженія одной и той же мысли. Свои соображенія по этому вопросу я подробно изложилъ въ статьѣ: „Свободное слово“. (См. журн. „Свободное воспитаніе“ № 3 за 1913—1914 г.).

письмѣ, то вѣдь это явленіе отвѣчаетъ условіямъ жизни. Зачѣмъ же мы будемъ избѣгать или преслѣдовать его въ школѣ?

Затѣмъ затронуты были вопросы относительно постановки свободной диктовки въ связи съ цѣлями ея. Было выяснено, что отъ искусства учителя будетъ зависѣть такъ или иначе поставить свободную диктовку—въ направленіи тѣхъ или другихъ цѣлей. Цѣли же, какъ мы видѣли, могутъ быть разнообразныя. Прежде всего можно пользоваться свободной диктовкой для цѣлей правописанія, выбирая для того статьи съ текстомъ, заключающимъ въ себѣ изучаемые случаи и правила правописанія. Еще лучшіе результаты даетъ свободная диктовка, примѣненная для упражненій въ индивидуальномъ творческомъ письмѣ, и эта цѣль легко достигается: стоитъ только выбрать матеріалъ художественный (не страшно даже съ лирическимъ содержаніемъ); необходимо лишь, чтобы этотъ матеріалъ былъ доступенъ для дѣтскаго воображенія и переживанія. Въ томъ и другомъ случаѣ диктовка будетъ способствовать и развитію дѣтскаго языка. Въ томъ и другомъ случаѣ она можетъ дать превосходный матеріалъ и для изслѣдованія индивидуальныхъ особенностей какъ дѣтскаго мышленія, такъ и дѣтскаго языка.

XI.

Закрывая пренія, я обратился къ присутствовавшимъ на докладѣ учительницамъ и учителямъ съ просьбой поставить опыты со свободной диктовкой въ своихъ школахъ и подѣлиться со мной результатами. Опыты, какъ мнѣ извѣстно, поставлены были въ очень многихъ школахъ г. Кіева, а изъ нѣкоторыхъ училищъ я получилъ работы дѣтей. Оказалось, что свободную диктовку вели не только въ четвертой и третьей группахъ начальной школы, но даже и во второй. Такъ, учительницею городской школы г-жею Е. И. Храпковскою,—приношу ей искреннюю благодарность,—доставлены мнѣ работы по свободной диктовкѣ ученицъ второй группы, въ которой она занималась. Съ 29 марта до конца года ею проведены три свободныя диктовки, матеріаломъ для которыхъ взяты статьи изъ „Яснаго Утра“ кн. 1-я: Стрекоза, Купава и Храбрецъ. Работы эти въ высшей степени интересны, и я

не считаю себя въ правѣ не подѣлиться здѣсь, по крайней мѣрѣ, одною изъ нихъ. Предварительно замѣчу, что г-жа Храпковская, учительствующая не мало лѣтъ, ведетъ въ своей школѣ обученіе письму на новыхъ началахъ, обычной диктовкой не пользуется, обучаетъ правописанію по „Наглядным урокамъ письма". Опыты свои со свободной диктовкой она ставила самостоятельно, слѣдуя лишь указаніямъ моего доклада, при чемъ, въ видахъ облегченія работы своихъ малышей, она брала статьи, которыя годъ слишкомъ назадъ (въ первой группѣ) были прочитаны въ классѣ.

Я пересмотрѣлъ всѣ три диктовки 42 ученицъ, т. е. 126 работъ, и нашелъ въ нихъ полное подтвержденіе всѣхъ высказанныхъ мною положеній относительно свободной диктовки. Вы въ этомъ убѣдитесь, если внимательно просмотрите самыя работы, изъ которыхъ я приведу наиболѣе типичныя. Я познакомлю васъ съ образцомъ наиболѣе полнаго и точнаго воспроизведенія текста (лучшей ученицы), затѣмъ дамъ образцы работъ ученицъ типа разсудочнаго мышленія и типа творческаго, а также и работу съ искаженіями и дополненіями (типа субъективнаго мышленія).

Текстъ свободной диктовки во 2-й группѣ начальной школы.

Храбрецъ.

Весело бѣжала въ школу толпа мальчиковъ. Утренній морозъ щипалъ имъ щеки. Ихъ говоръ и смѣхъ гулко раздавались по пустыной улицѣ.

Но вдругъ мальчуганы вскрикнули и бросились бѣжать, кто куда могъ. Изъ воротъ выбѣжала большая собака и съ лаемъ кинулась на веселую толпу.

Всѣ дѣтки разбѣжались, только маленькій Вася не струсилъ. Онъ остался на мѣстѣ и, грозя пальчикомъ, ласково говорилъ: „Не тронь меня, собака! Смотри же не тронь!

Собака на минуту остановилась и перестала лаять. Потомъ замахала хвостомъ, подошла къ мальчику и стала къ нему ласкаться.

(*В. Флеровъ*. Ясное утро, кн. 1-я, стр. 47).

Работа ученицы 2 группы II—ой. (Наиболѣе точное воспроизведеніе текста).

Храбрецъ.

Весело бѣжала толпа мальчиковъ. Утренній морозъ щипалъ имъ щеки. Весело раздавался говоръ и смѣхъ дѣтей по пустынной улицѣ. Но вдругъ мальчики закричали и бросились бѣжать. Изъ воротъ выскочила большая собака и съ лаемъ бросилась на дѣтей. Всѣ разбѣжались, только одинъ Вася остался. Онъ ласково говорилъ собакѣ: „Не тронь меня собака, смотри же не тронь!“ Собака остановилась, перестала лаять, замахала хвостомъ подошла къ Васѣ и стала ласкаться.

Работа ученицы 2-ой группы Б—ой. (Съ искаженіями и дополненіями).

Храбрецъ.

Веселой толпой бѣжали мальчики въ школу. Утренній морозъ щипалъ имъ щеки. Ихъ говоръ, и смѣхъ былъ слышенъ по пустынной улицѣ. Но вдругъ мальчики вскрикнули они у видѣли выбѣжала изъ воротъ большая собака, они стали бѣжать кто куда могъ. Всѣ разбѣжались. Одинъ только мальчикъ *не зналъ, куда бѣжать.* Собака бросилась на него *онъ испугался* и сказалъ смотри же собака не тронь меня, *а то я буду плакать.* Собака *на минуту перестала лаять* потомъ подошла къ *храброму* мальчику и стала къ нему ласкаться, *а онъ ее погладѣлъ по головѣ.*

Работа ученицы 2 группы Б—ъ. (Типа разсудочнаго мышленія).

Храбрецъ.

Весело бѣжали мальчики въ школу. Утренній морозъ щипалъ имъ щеки былъ слышанъ говоръ по пустынной улицѣ. Вдругъ за кричали мальчики. Выбѣжала большая собака изъ двора. Только одинъ маленькій Вася не струсилъ и грозитъ онъ пальчикомъ собакѣ и говоритъ не тронь меня смотри не тронь“. Собака на минуту остановилась подошла къ мальчику и стала ласкаца.

Работа ученицы 2 группы С—ой. (Типа конкретнаго мышленія).

Храбрецъ.

Весело бѣжала *по пустынной улицѣ гурба дѣтей съ шумомъ и смѣхомъ они были румяныя* потому что щипалъ морозъ за щеки. Но вдругъ дѣти вскрикнули и разбѣжались *въ разныя стороны* выбѣжала *изъ двора* большая *бѣлая* собака и бросилась на веселую гурбу. Всѣ дѣти разбѣжа-

лись одинъ только *остался* маленькій мальчикъ Вася не струсилъ, Вася говоритъ нетронь меня смотри нетронь. Собака на минуту остановилась лаять потомъ замахала хвостомъ и подошла къ нему *ближе* и стала ласкаться.

Работа ученицы 2 группы К—ой. (Типа конкретнаго мышленія).

Храбрецъ.

Весело бѣжала въ школу толпа мальчиковъ! Утренній морозъ *щелкунъ* щипалъ ихъ *за носъ, за уши и щеки.* Улица была пустынна и *широка.* Но вдругъ изъ воротъ *большого двора* выбѣжала *огромная* собака. И съ лаемъ бросилась на дѣтей. Толпа *встревожно вскрикнула* и разбѣжалась. Только маленькій Вася остался на мѣстѣ и грозя пальчикомъ *чуть замѣтнымъ* говорилъ собакѣ: „Не тронь, не тронь меня *собачка милая*“. Собака на минуту перестала лаять, потомъ подошла къ Васѣ и стала ласкаться.

Работа ученицы 2 группы Ч—ой. (Отсталая).

Храбрецъ.

Весело бѣжала толпа дѣтѣй въ школу морозъ утренній щипалъ за щоку по пустыной улицѣ раздавался голосъ дѣтей но они бросились бѣжать выбѣжала сдвора большая собака только остался вася говоритъ не тронь меня собака перестала лаять потомъ подошла и онъ погладилъ.

Эти диктовки сами за себя говорятъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ нихъ живого сознанія, живой дѣтской работы. Въ каждой строчкѣ вы чувствуете, что малышъ живо представляетъ себѣ то, о чемъ пишетъ и своимъ дѣтскимъ языкомъ, подчасъ неумѣлымъ, но большею частью образнымъ записываетъ свои мысли. Правда, среди 42 работъ немало такихъ, гдѣ разсказъ воспроизведенъ довольно близко къ подлиннику, что объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что дана статья, годъ назадъ читанная въ классѣ, и во многихъ работахъ, принадлежащихъ именно лучшимъ ученицамъ, сказалась сильная дѣтская память, связавшая ихъ языкъ. Однако, и въ этихъ работахъ, если вы сравните ихъ съ подлинникомъ, съ несомнѣнностью сказывается живое мышленіе и воображеніе. Но особенно характерны работы малышей типа творческаго, у которыхъ появляются на сцену „морозъ-щелкунъ“, который щиплетъ „за носъ, за уши и щеки“,

свѣжій вѣтерокъ, румяныя лица, улица широкая, собака бѣлая, огромная, „собачка милая“ и т. д. Даже работа самой слабой ученицы Ч-ой, признанной отсталой, говоритъ о полномъ переживаніи текста, о вполнѣ сознательномъ письмѣ. Правда, она пишетъ совсѣмъ безъ знаковъ препинанія и съ грубѣйшими ошибками, но прослѣдите ея мысли, и вы увидите, что она въ своихъ краткихъ предложеніяхъ точно и послѣдовательно отмѣчаетъ всѣ этапы событія въ продиктованномъ разсказѣ.

Очевидно, что и для этого отсталаго ребенка свободная диктовка дала посильную работу какъ въ отношеніи переживанія, такъ и записи мыслей, записи совершенно своеобразной, по своему прелестной, вполнѣ характерной для его индивидуальности, и съ этой то точки зрѣнія, превосходной. А вѣдь эта дѣвочка оставлена для повторенія на второй годъ... Представьте себѣ теперь, что этотъ малышъ для усвоенія правилъ будетъ пичкаться ежедневною дословною диктовкою, письмомъ словъ и фразъ, безъ всякой мысли, безъ всякой работы живого дѣтскаго мышленія. Не дрожите ли вы уже и за тотъ слабый огонекъ, который свѣтитъ въ его работѣ? И не чуется ли, что именно въ этомъ огонькѣ, въ этой живой работѣ сознанія каждаго живого существа, какъ бы оно мало ни было,—источникъ его силы и его развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ функціи этого организма, всѣ его навыки тогда только свободно разовьются, образуются, достигнутъ возможнаго совершенства, когда онѣ будутъ исходить изъ потребностей этого организма, когда онѣ тѣснѣйшимъ образомъ будутъ связаны съ его жизненнымъ сознаніемъ, съ его личнымъ „я“. Объедините каждый школьный навыкъ съ развивающеюся дѣтскою мыслью, съ растущимъ его сознаніемъ и сдѣлайте его выраженіемъ этого сознанія, орудіемъ его развитія. И тогда все школьное обученіе, какъ и ростъ каждаго школьнаго навыка, явится вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнью самого интимнаго „я“ ребенка, развитіемъ его личности. Только та школьная работа будетъ способствовать развитію личности и помогать ей быть сильною образовательными навыками, которая является выраженіемъ жизненнаго сознанія ея и проникнута элементами творчества.

МАТЕРІАЛЪ

для свободной диктовки творческаго характера.

Въ постановкѣ свободной диктовки, направленной къ пробужденію въ дѣтяхъ творческой дѣятельности воображенія и слова, наиболѣе важное значеніе имѣетъ содержаніе и форма диктуемой статьи, а равно и то, насколько она отвѣчаетъ настроенію дѣтей въ данный моментъ. По своему содержанію, какъ и по своему словесному построенію и выраженію, разсказъ, избранный для свободной диктовки творческаго характера, долженъ быть не только вполнѣ доступенъ пониманію и переживанію дѣтей: онъ долженъ непосредственно заинтересовать пишущихъ, вызвать у нихъ живую работу воображенія и, насколько возможно, взволновать, заставить вмѣстѣ съ героями разсказа пережить ихъ радости и печали. Возможно это только въ томъ случаѣ, если разсказъ будетъ опираться на личный опытъ пишущихъ, на живыя впечатлѣнія, имѣющіяся у дѣтей, будетъ будить въ нихъ то, съ чѣмъ они до извѣстной степени знакомы, что они своимъ воображеніемъ могутъ возсоздать въ живой образъ, въ живую картину. Искреннее, непосредственное переживаніе—главнѣйшее условіе творческой дѣятельности воображенія. Съ этой точки зрѣнія, жизнь дѣтей и ихъ друзей-животныхъ, а также жизнь близкой имъ природы—наилучшій матеріалъ для свободной диктовки. И необходимо, чтобы эта жизнь представлена была въ разсказѣ ярко, конкретно, просто, красиво.

Рядомъ съ этимъ необходимо, чтобы по своему содержанію разсказъ отвѣчалъ на тѣ переживанія и интересы, которыми живетъ въ данный моментъ ученикъ или цѣлый классъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить, что вообще работа творческаго воображенія—дѣло чрезвычайно каприз-

ное. Въ одномъ случаѣ дѣти хорошо, охотно, красиво работаютъ, и результаты получаются прекрасные; въ другомъ, повидимому, удовлетворяющемъ всѣмъ прежнимъ условіямъ—работа совсѣмъ не клеится. И съ этимъ приходится считаться, а иногда и мириться. Внѣшними мѣрами этому дѣлу не пособишь. Предотвратить вялое отношеніе къ работѣ возможно двумя путями. Самое лучшее—это подобрать статью, которая отвѣчала бы на настроеніе дѣтей, подходила бы своимъ содержаніемъ къ тѣмъ событіямъ, которыми полна дѣтская психика въ данный моментъ. Съ этой точки зрѣнія важно при веселомъ настроеніи—диктовать статью веселаго содержанія, при грустномъ—грустнаго и т. д. Дѣти близки къ жизни природы, къ происходящимъ въ ней перемѣнамъ, и съ этими перемѣнами полезно соединять и работы слова въ классѣ: зимой писать о зимнихъ переживаніяхъ и т. д. Однако, дѣти легко поддаются новымъ впечатлѣніямъ, и учителю легко вызвать въ нихъ ту полосу переживаній, которая ему необходима для намѣченной творческой работы. И зимой легко вызвать у дѣтей яркія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ и т. д. Вотъ второй путь для оживленія работы воображенія при свободной диктовкѣ, и искусство для этого требуется очень небольшое: два—три вопроса-намека, которые зацѣпили бы за живое въ дѣтской памяти изъ нужной области.

Что касается построенія диктуемой статьи, то помимо простоты и возможной изящности, необходимо, чтобы она заключала бы въ себѣ цѣльную картинку, легко разбивающуюся на отдѣльные моменты.

Вотъ тѣ основныя требованія, которыя должны быть предъявлены къ матеріалу для свободной диктовки. Желая притти на помощь тѣмъ, кто затруднился бы въ подысканіи подобнаго матеріала, я рѣшился приложить здѣсь подобранные мною образцы. Статьи эти взяты мною изъ сочиненій дѣтскихъ писателей и нашихъ писателей—классиковъ. Для удобства пользованія, всѣ статьи раздѣлены мною на два отдѣла: первый—для младшаго возраста, лучше сказать, для начальной школы и второй—для средней (младшихъ классовъ). Само собою разумѣется, что дѣленіе это примѣрное и ни въ какомъ отношеніи не обязательное. Въ первомъ отдѣлѣ статьи въ свою очередь расположены по временамъ года,

причемъ въ первую группу выдѣлены тѣ, которыя съ временемъ года не связаны; во второмъ отдѣлѣ статьи разбиты на двѣ рубрики: а) изъ жизни людей и б) изъ жизни природы.

По своему объему статьи подобраны мною самые разнообразные, и сдѣлано это намѣренно, съ цѣлію предоставить преподавателямъ большій просторъ для выбора, сообразно съ различными условіями постановки диктовки. Каждая статья примѣрно раздѣлена—абзацами (красными строками)—на тѣ отдѣльные картинки-отрывки, на которые можетъ быть раздѣлена она при диктованіи.

Всякая творческая работа убивается рабскимъ подражаніемъ, шаблономъ: она требуетъ широкой самодѣятельности и со стороны учащихъ, и учащихся. Вотъ причина, почему я постарался дать возможно больше статей для диктовки.

Самая постановка свободной диктовки—дѣло новое и требуетъ опытовъ, наблюденій, провѣрки, и я былъ бы очень радъ, если бы пользующіеся ею подѣлились со мной своими опытами и впечатлѣніями.

---

1. Для начальной школы.

А.

Надъ колыбелью.

Слабо свѣтиться лампадка, тишина кругомъ... Въ бѣдной комнаткѣ, въ кроваткѣ спитъ малютка. Тихо, сладко спитъ, спокойнымъ сномъ.

Недалеко молодая мать у свѣчки шьетъ. Глазъ съ работы не спуская, то и дѣло нить вдѣвая, пѣсенку поетъ.

„Спи, соколикъ! Спи, родимый! Тихо почивай! Я съ тобой, дружокъ любимый! Баюшки бай-бай. Что бъ съ тобою ни случилось, ты не унывай! Вспоминай, какъ мать трудилась, какъ Творцу она молилась... Баюшки бай-бай.

„Красный Цвѣтокъ“.

Жилъ въ одной далекой землѣ царь. У этого царя была красавица дочка, царевна Нина. Глаза у Нины какъ звѣзды, губы какъ вишни, волосы кольцами. Всѣ любили царевну Нину за ея доброту, но больше всѣхъ любилъ ее царь-отецъ и ничего не жалѣлъ для нея.

Вотъ въ одинъ годъ, когда пришелъ день именинъ Нины,—царь никакъ не могъ придумать, что бы ей подарить. Все было у его маленькой царевны. Долго думалъ царь и рѣшилъ—нарядить Нину цвѣткомъ. Онъ приказалъ приготовить ей красную шляпку, красное платье, красные чулки и туфли,—все изъ чистаго шелку.

Когда Нина одѣлась, ей всѣ сказали:—Царевна теперь еще красивѣе, чѣмъ была прежде, это—„Красный Цвѣтокъ“.—Нѣтъ никого лучше тебя,—сказала царевнѣ старая няня.—Ты—наше ясное солнышко,—сказали слуги. И когда царевна ѣхала по улицѣ, каждый, кто встрѣчался по дорогѣ, кланялся ей.

Даже птицы любили царевну „Красный Цвѣтокъ“ и каждое утро прилетали къ ея окну пѣть веселыя пѣсни; даже цвѣты радовались, когда она проходила по своему саду, и кивали ей душистыми головками. Царевна была счастлива, и цѣлый день бѣгала, прыгала, какъ козочка, и ласково улыбалась.

Лампа.

У Нади былъ большой, бѣлый мячикъ. Онъ такъ хорошо прыгалъ. Володя бросалъ мячикъ Петѣ, Петя ловилъ мячикъ и бросалъ его Надѣ, а Надя кидала мячикъ прямо въ руки Володѣ.

Одинъ разъ Надя сильно бросила мячикъ, и Володя не могъ его поймать. Мячикъ ударился въ стѣну, отскочилъ и попалъ прямо въ лампу. Лампа упала. Надя и Володя очень испугались и вскрикнули.

Пришла мама и спросила: „Что такое? что случилось?“—„Мамочка, мы сломали лампу. Мячикъ—хлопъ! и прямо въ лампу.—А лампа—бухъ! и упала“, сказалъ Володя.

Мама подняла лампу. Лампа не была сломана. Всѣ были очень рады.—„Только вы играйте осторожнѣе, сказала мама. А то опять будетъ хлопъ! и бухъ! а лампа—трахъ“! Всѣ весело засмѣялись и начали играть въ другую игру.

Мячикъ.

Аня достала свой любимый мячикъ и бросила его на полъ.—„Бумъ! вскричала она. На, Пуфикъ, лови!“ Мячикъ вы-

соко подпрыгнулъ, упалъ, опять подпрыгнулъ. Но Пуфикъ былъ уже тутъ. Онъ съ веселымъ лаемъ бросился къ мячику.

Мячикъ отскочилъ отъ собачки и покатился подъ кровать. Пуфикъ за нимъ. Подъ кроватью поднялся шумъ. Пуфикъ прыгалъ, лаялъ, визжалъ и царапалъ лапками. Потомъ вдругъ изъ-подъ кровати выскочилъ мячикъ, а за нимъ Пуфикъ, и оба покатились черезъ комнату.

Тутъ и пошло. Пошла такая игра, такая возня! Аня хохотала, скакала и старалась поймать мячикъ. Но Пуфикъ тоже старался, не давалъ ей, и самъ старался схватить мячикъ зубами. Пуфикъ никакъ не могъ укусить мячика, тотъ все выскакивалъ.

Аня опять схватила мячикъ и бросила его объ полъ.— „Бумъ!“ крикнула она. Но мячикъ не стукнулся, какъ всегда, съ громкимъ—бумъ! Нѣтъ, онъ просто шлепнулся объ полъ и не подпрыгнулъ.

Аня поняла, что съ мячикомъ что-то случилось. Аня подняла свой разорванный мячикъ, свой любимый, милый мячикъ и не знала, что теперь дѣлать. Плакать—стыдно. Она вѣдь уже большая. А мячика жалко, очень жалко.

Дѣти.

Умеръ у Катерины мужъ, осталась она вдовой съ четырьми дѣтьми. Старшему мальчику было только десять лѣтъ.

Передъ праздникомъ захворала Катерина, въ постель слегла. Лежитъ она, охаетъ, горюетъ: „Вотъ праздникъ подходитъ, а намъ и встрѣтить его нечѣмъ. Охъ, горе наше, горькое“.

Старшій сынокъ ласкается къ матери и говоритъ: „Не горюй, мама, я въ люди пойду, денегъ заработаю, всего у насъ будетъ много“.

Шестилѣтня дѣвочка припала головой къ матери и говоритъ: „Не плачь, мама, я полъ въ избѣ вымету, лавки вымою и все приберу“. Поцѣловала дѣтей мать, улыбается, и легче ей стало.

Малолѣтка.

Въ ветхой хаткѣ, на задворкахъ бѣднаго села, у старушки одинокой дѣвочка росла... Богоданной сиротинкѣ

шелъ седьмой годокъ, каждый глазъ у востроглазой былъ, что василекъ.

На работѣ на поденной по округѣ всей убивалася старушка. Таня всюду съ ней. Не одну бывало версту съ ней пройдетъ дитя. Весну, лѣто красно—въ полѣ, осень—на гумнѣ. Руки есть, найдется дѣло въ людной сторонѣ!

Вотъ зима... Зимой работы поискать съ огнемъ, но и голодъ малолѣткѣ точно нипочемъ. Все равно поетъ, что пташка, дѣтскій голосокъ. Все равно на каждой щечкѣ аленькій цвѣтокъ... И звенитъ, звенитъ, бывало, въ бѣдной хатѣ смѣхъ. Знать, живется тамъ счастливѣй, веселѣе всѣхъ.

Красное яичко.

Катя въ Свѣтлый день снесла помѣщицѣ подснѣжниковъ и получила красное яичко. Какъ обрадовалась Катя яичку! Такого яркаго, красиваго она никогда не видала! И бѣгомъ пустилась домой показать бабушкѣ.

Бѣжитъ Катя. Видитъ: у сосѣда на завалинкѣ сидитъ больной Степа и грѣется на солнышкѣ. „Христось воскресе, Степа“!—кричитъ Катя.—„Воистину воскресе“!

„Погляди, хорошее яичко“? У Степы такъ глаза и заблистали.—„Никогда,никогда такого яркаго у меня не было“, сказалъ онъ и закашлялся.

Жаль его стало Катѣ. „На тебѣ его“!—сказала она весело.—„Что ты? Тебѣ дали!“ началъ было Степа, а самъ сталъ такой розовый, словно выздоровѣлъ вдругъ. Катюша мигомъ сунула ему въ руку яичко и убѣжала домой.

Мышка.

I.

Въ углу около печки, въ полу была дырочка. Дырочка была маленькая. Это дырочка вела подъ полъ. Тамъ было темно и пыльно. Но подъ поломъ у самой стѣны въ углу было гнѣздышко мышки.

Гнѣздышко было выстлано мягкой подстилкой. Тутъ были и кусочки ваты, и перышки, и тряпочки. Цѣлый коврикъ. И на коврикѣ этомъ лежали маленькія мышатки. Онѣ были еще маленькія и очень забавныя.

Мышки усердно грызли все, что мать приносила имъ. А она приносила имъ все вкусныя вещи: то сухарикъ, то кусочекъ сахару, корочку сыра, а иногда и ломтикъ ветчинки.

Когда мама-мышка уходила, мышатки ждали ее, когда она возвращалась, они радостно пищали.

Мышатки очень любили играть и, когда были сыты, поднимали ужасную возню. Они бѣгали, визжали, царапали лапками полъ и стѣны, грызли всякія палочки и щепки.

II.

Сегодня мышатки были голодны, и мышка-мама пошла поискать, нѣтъ-ли гдѣ нибудь чего нибудь вкуснаго. Вотъ добѣжала она до дырочки и высунула въ нее головку. Тихо и темно. Никого кругомъ. Все спокойно. Мышка вылѣзла совсѣмъ.

Она повела носикомъ въ ту, въ другую сторону. Потянула воздухъ; чѣмъ то вкуснымъ пахнетъ. Мышка побѣжала въ ту сторону, откуда шелъ такой пріятный запахъ. Она и сама полакомится и снесетъ кусочекъ своимъ дѣткамъ. Они вѣдь голодны.

Мышла шла на запахъ. Онъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Мышка дошла наконецъ до того мѣста, откуда шелъ запахъ. Ея носъ вѣдь никогда не обманывалъ ее. Мышка была ужъ у самой мышеловки.

Мышка тихонько вошла въ клѣтку. Кусокъ сала висѣлъ передъ самой ея мордочкой. Мышка вытянула шею и дотронулась носомъ до сала. Вкусно, очень вкусно. Мышка поднялась на заднія лапки, схватила передними кусокъ и потянула къ себѣ.

Хлопъ! раздался рѣзкій, громкій стукъ. Мышка взвизгнула и бросилась къ входу. Напрасно. Со всѣхъ сторонъ бѣли проволочныя стѣнки. Мышка бѣгала взадъ и впередъ, она царапала лапами желѣзо, грызла его своими бѣлыми зубками. Все напрасно.

III.

Рано утромъ проснулись дѣти.—Мышка, мышка попалась! И бросились къ мышеловкѣ. Потомъ дѣти побѣжали позвать дядю Сережу, и дядя Сережа пришелъ.

Въ тѣсной, желѣзной клѣткѣ, забившись въ уголъ, сидѣла сѣренькая мышка. Ея черные глазки тревожно смотрѣли на дѣтей и на дядю. Сала она не тронула. Ей было не до сала.

Таня никогда не видала раньше мышки такъ близко. Ей всегда казалось, что мышь большая, злая, сердитая. А въ клѣткѣ передъ Таней сидѣла теперь маленькая, безпомощная мышка. И несчастная такая.

Танѣ стало жаль мышку.—„Ахъ, дядя, бѣдная мышка. Да какая она крошечная. Бѣдненькая, какъ она боится, сказала Таня. Дядя, миленькій дядя, выпусти мышку, не давай ее Васькѣ, Васька злой.“

Дядя нагнулся къ клѣткѣ и открылъ дверку. Мышка пугливо оглянулась, тихонько шевельнулась. Одинъ мигъ, и мышка выскочила изъ клѣтки, стрѣлой перебѣжала комнату и юркнула въ свою норку.

Мышки.

Собрались мышки у своей норки, старыя и малыя. Глазки у нихъ черненькія, лапки у нихъ маленькія, остренькіе зубки, сѣренькія шубки, ушки къ верху торчатъ, хвостики по землѣ волочатся.

Собрались мышки, подпольные воришки, думушку думаютъ, совѣтъ держатъ: „Какъ бы намъ, мышкамъ, сухарь въ норку протащить“?

Вотъ и придумали мышки: стали онѣ сухарь грызть; каждая мышь отгрызла кусочекъ сухаря и въ норку потащила. Такъ и перетащили мышки весь сухарь въ норку.

Котъ.

I.

Нашъ Василій Ивановичъ былъ совсѣмъ—совсѣмъ хорошій и даже очень почтенный котъ. Онъ такъ смѣшно лакалъ свое молочко, такъ ласково мурлыкалъ; а когда начиналъ играть съ комнатной собачкой Чарли,—Вѣрочка хохотала до слезъ.

Ну, ты, братъ, не очень тово... ворчалъ иногда Василій Ивановичъ на разыгравшагося Чарли. Я не люблю, когда меня хватаютъ зубами.

Василій Ивановичъ умѣлъ пребольно цапаться. Такъ хватитъ лапой, что не поздоровится, да еще старается зацѣпить прямо по мордѣ.

„Какая у тебя скверная привычка, Василій Ивановичъ!“— корилъ его Чарли, когда получалъ затрещину. „Вѣдь такъ можно изувѣчить самую веселую собаку.—„А ты не лѣзь!.. —„А если мнѣ хочется играть?“

II.

Чарли хитрилъ. Онъ зналъ, что у Василія Ивановича самымъ больнымъ мѣстомъ былъ хвостъ, и что именно за хвостъ его нельзя было трогать.

Но опять, какъ не соблазниться и не дернуть Василія Ивановича именно за хвостъ. Василій Ивановичъ въ этихъ случаяхъ приходилъ въ бѣшенство и стремглавъ летѣлъ за Чарли.

Дѣло кончалось жестокой трепкой, и Чарли долго визжалъ, забившись куда-нибудь въ уголокъ.—„Я съ тобой никогда не буду играть больше“, увѣрялъ Чарли, облизывая оцарапанныя мѣста.—„Развѣ это хорошо драться?..“

Василій Ивановичъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ и ничего не понимаетъ. Онъ садился куда-нибудь на солнышко, подбиралъ подъ себя лапки и хвостъ, жмурилъ глаза и сладко дремалъ, какъ будто котъ съ совершенно чистой совѣстью. Чарли понималъ все это притворство и страшно негодовалъ.

Кошка и ежъ.

Наша киска увидала ежика. Насторожилась киска, прилегла на полъ, смотритъ. Ежъ тоже остановился, вытянулъ свою черную мордочку, смотритъ.

Кошка вдругъ прыгнула и цапъ лапкой ежа. Ежъ мгновенно спряталъ головку и подставилъ свои острыя иглы.

Наколола киска лапку, отошла въ уголокъ, сѣла и давай лизать лапку. А на ежа и не смотритъ.

Лисичка и кувшинъ.

Народная сказка.

Вышла баба въ поле жать и спрятала къ кусты кувшинъ съ молокомъ. Подобралась къ кувшину лисичка, всу-

нула въ него голову и вылакала молоко; пора бы ей и домой, да вотъ бѣда: головы изъ кувшина вытащить не можетъ.

Ходитъ лисичка, головой мотаетъ и говоритъ: „Ну, кувшинъ, пошутилъ да и будетъ; отпусти же меня, голубчикъ! Будетъ ужъ тебѣ баловаться. Поигралъ немножко и довольно.“ Не отстаетъ кувшинъ, хоть ты что хочешь.

Разсердилась лиса. „Погоди жъ ты, кувшинъ; не отстанешь честью, такъ я тебя утоплю!“ Побѣжала лисица къ рѣкѣ и давай кувшинъ топить. Кувшинъ утонуть утонулъ, да и лисицу за собой потянулъ.

У т к а.

Въ дикомъ репейникѣ, какъ въ дикомъ лѣсу, сидѣла утка на яйцахъ и высиживала утятокъ. Сказать правду, сидѣть тутъ ей было далеко не весело. Но вотъ, наконецъ, яйцо одно за другимъ начали лопаться и раздалось: „пикъ, пикъ!“ а затѣмъ каждый желточекъ, получивъ жизнь, высунувъ головку.

Крякъ, крякъ—прокричала утка, и всѣ утята, напрягши свои силенки, выползли подъ зеленые листья и удивленно начали поглядывать на всѣ стороны, и матка позволила имъ смотрѣть, сколько они хотѣли.“

„Ахъ, какой же большой міръ!“ воскликнули разомъ всѣ утята, потому что они теперь уже не ощущали той тѣсноты, которая была внутри яицъ. „А вы полагаете, что это весь міръ?“ сказала матка.—„Куда! онъ идетъ дальше, и за садъ прямо въ поле.“

На другой день погода стояла прекрасная; солнце ярко освѣщало весь репейникъ, и утка со всѣми своими утятами отправилась къ канавѣ. Тутъ она, спрыгнувъ въ воду, воскликнула: „Крякъ, крякъ!“

И утята всѣ, одинъ за другимъ—бухъ, бухъ, поскакали въ воду. Вода покрывала ихъ съ головками, но они тотчасъ же выскакивали на поверхность; ихъ ножки работали сами собою, и всѣ они прекрасно плыли.—„Крякъ, крякъ“, продолжала она поощрять ихъ: „за мной дѣтки!“

Птичка мать.

Хорошо жилось птенчикамъ въ родномъ гнѣздышкѣ съ матушкою родимою. Подростать стали птенцы, оперились: стали ужъ у нихъ и крылышки отростать. Улетѣла мать за кормомъ, а одинъ птенчикъ и упалъ изъ гнѣзда.

Прилетѣла мать, видитъ,—птенецъ на землѣ лежитъ, подняться не можетъ. Летаетъ мать надъ птенчикомъ, кружится, пищитъ жалобно. Прилетѣла еще другая птичка, третья,—летаютъ, кружатся, пищатъ, а помочь не могутъ.

Мальчикъ поднялъ птенчика, посадилъ въ клѣтку и повѣсилъ клѣтку на дерево. Птичка-мать то и дѣло прилетала къ птенчику, садилась на клѣтку и кормила своего дѣтеныша.

Воробушки.

Звонко чирикаютъ воробьи, и то влетаютъ, то вылетаютъ изъ-подъ крыши. Не гнѣздо ли тамъ, вонъ за доской, которую немного оторвало отъ крыши?

Притащили дѣти лѣстницу, влѣзли, смотрятъ: а тамъ и правда гнѣздо, и въ немъ маленькія, маленькія яички съ пятнышками. „Не трогай, Коля, яичекъ, сказалъ старшій братъ, посмотримъ, что изъ нихъ будетъ“.

Вскорѣ изъ гнѣздышка стали выглядывать маленькіе птенчики. Они широко роскрывали рты и жалобно пищали. Воробьи летали кругомъ и кормили своихъ дѣтокъ.

Котофей.

Котъ вышелъ изъ кухни, жирный, мягкій, пушистый, щурится онъ отъ яркаго солнышка. Услышалъ воробьиное чириканье, насторожился.

Сторонкою, бочкомъ, сталъ пробираться къ забору, на которомъ сидѣли воробушки. Пробирается котъ сторонкой, на воробышковъ и не глядитъ, точно ему до нихъ и дѣла нѣтъ никакого.

Ну да воробышки тоже ученые—замѣтили кота, зачирикали: „братцы, осторожнѣе, котъ-разбойникъ къ намъ подбирается!“ Сконфузился котъ, хотѣлъ шмыгнуть подъ крыльцо,—а тамъ какъ разъ Барбоска съ костью расположился.

У кота съ Барбосомъ еще съ прошлаго года война не на жизнь, а на смерть началась. Увидѣлъ Барбосъ Котофея, кинулся за нимъ и про кость свою позабылъ.

Пустился Котофей на утекъ, да не разсчиталъ прыжка и угодилъ прямехонько въ лужу. Выскочилъ мокрый, грязный и еле-еле успѣлъ отъ Барбоса на заборѣ спастись.

Ласточка.

Ласточка-касаточка покою не знала, день деньской летала, соломку таскала, глинкой лѣпила, гнѣздышко вила.

Свила себѣ гнѣздышко, яички носила. Нанесла яичекъ, съ яичекъ не сходитъ, дѣтокъ поджидаетъ.

Высидѣла дѣтушекъ: дѣтки пищатъ, кушать хотятъ. Ласточка касаточка день-деньской летаетъ, покою не знаетъ, ловитъ мошекъ, кормитъ крошекъ.

Придетъ пора неминучая, дѣтки оперятся, всѣ врозь разлетятся за синія моря, за темные лѣса, за высокія горы. Ласточка-касаточка не знаетъ покою, день-деньской все рыщетъ—милыхъ дѣтокъ ищетъ.

Любопытная муха.

Влетѣла муха черезъ окно въ комнату, да такъ и ахнула отъ удивленья—сколько тамъ интересныхъ вещей понаставлено. И какъ это она раньше не догадалась къ людямъ въ гости собраться?

Стала она все разглядывать, да разсматривать, пока, наконецъ, не натолкнулась на чернильницу съ чернилами. „Это вѣрно что-нибудь очень интересное“, подумала муха и стала присматриваться, какъ бы поудобнѣе забраться въ чернильницу.

Взобралась, оглядѣлась, попробовала чернила—не вкусно, хотѣла было уже назадъ выбраться, да оступилась, поскользнулась и бухнула въ чернила.

Барахталась, барахталась, чуть было не захлебнулась, обезсилѣла, измучилась и только чудомъ какимъ-то изъ чернильницы выкарабкалась. Упала она на разложенный на столѣ листъ исписанной бумаги, еле лапками шевелитъ: шутка ли—сколько ей страху пережить пришлось.

Стала муха немного въ себя приходитъ, обсыхать да чиститься, какъ вдругъ, точно громъ загремѣлъ надъ нею: „Это что за гадость! Ну, скажите на милость, какая скверная муха! Всю работу мнѣ испортила!“ Не успѣла муха опомниться, какъ подхватили ее и выбросили въ окно.

Медвѣжонокъ.

Кучеръ Андрей принесъ крошечнаго медвѣжонка. Онъ былъ не больше его рукавицы, но эта живая рукавица такъ забавно ходила на своихъ четырехъ ногахъ и еще забавнѣе таращила такіе милые, синіе глазенки.

Попавъ въ комнату, медвѣженокъ ни мало не смутился, а напротивъ почувствовалъ себя очень свободно, точно пришелъ домой. Онъ спокойно все осмотрѣлъ, обошелъ вокругъ стѣнъ, все обнюхалъ, кое-что попробовалъ своей черной лапкой и, кажется, нашелъ все въ порядкѣ.

Въ комнату незамѣтно вошла моя охотничья собака, старый рыжій сеттеръ. Собака сразу почуяла неизвѣстнаго звѣря, вытянулась, ощетинилась и сдѣлала стойку надъ маленькимъ гостемъ. Медвѣженокъ забился въ уголъ, присѣлъ на задніе лапки и смотрѣлъ на медленно подходившую собаку злыми глазенками.

До медвѣжонка оставалась всего какихъ-нибудь полъ-аршина; но собака не рѣшалась сдѣлать послѣдняго шага, а только еще сильнѣе вытянулась и сильно потянула въ себя воздухъ: она желала, по собачьей привычкѣ, сначала обнюхать неизвѣстнаго врага.

Въ этотъ моментъ маленькій гость размахнулся и мгновенно ударилъ собаку правой лапой прямо по мордѣ. Вѣроятно, ударъ былъ очень силенъ, потому что собака отскочила и завизжала. Собака была сконфужена и незамѣтно скрылась въ кухню.

Б.

Солнышко.

Жила маленькая дѣвочка. Звали ее Маруся. Утромъ, когда Маруся просыпалась, она подбѣгала къ окну и кланялась солнышку. Маруся его очень любила. Она протягивала къ нему руки, какъ къ своей мамѣ, и говорила: „Прекрасное мое солнышко, ты лучше всѣхъ.“

Вотъ однажды проснулась маленькая дѣвочка, а было совершенно темно, такъ темно, что она не могла даже найти своихъ чулковъ. „Гдѣ же мое солнышко?—спросила она печально,—гдѣ мое ясное солнышко?“

Но даже братикъ ея Ваня и тотъ не могъ объяснить ей, гдѣ солнышко. А онъ былъ очень умный и все зналъ. Тогда Маруся надѣла свои новые башмаки, кофточку съ ясными пуговками и пошла разыскивать свѣтлое солнышко.

Дождь.

Дождикъ застучалъ по крышѣ. Дѣти собрались подъ крыльцо и пѣли: „Дождикъ, дождикъ, перестань, я поѣду въ Іордань, Богу молиться, кресту поклониться. Я у Бога сирота, отворяла ворота, ключикомъ, замочкомъ, золотымъ платочкомъ.“

А дождикъ ихъ не слушался и лилъ сильнѣе. Кухарка выставила подъ дождикъ цвѣты въ горшкахъ. Цвѣты закачались, точно говорили „спасибо“.

А по двору бѣжали ручьи. Съ крыши по желобу стекала большая струя и прямо въ кадку. Миша выставилъ подъ нее руку и весь перемочился. Вышла мать, увидала его мокраго и послала домой.

Радуга.

Прошелъ дождь и на небѣ показалась яркая радуга. Увидалъ ее Петя и закричалъ: „Радуга! радуга! Смотри, папа, какая красивая! Сколько въ ней цвѣтовъ!“

„Какіе же?“ „Вотъ тамъ синій, говорилъ Петя: точно какъ у василька. А тамъ зеленый, — такого цвѣта, какъ травка. А вонъ и красный, какъ у мака. Какая яркая, красивая эта радуга!“

Услыхала это радуга, загордилась и говоритъ солнышку: „Слышишь, какая я красавица! Я лучше тебя“. „Ну, а если бы меня не было, отвѣтило солнце: не было бы и тебя.“

Радуга засмѣялась, развернулась еще шире и говоритъ: „А посмотри, солнышко, какъ на меня всѣ любуются!“ Солнышко обидѣлось и спряталось за тучку. Пропала тутъ и радуга.

Бабочка и дитя.

По зеленой лужайкѣ, цвѣтами поросшей, за бабочкой бѣгалъ маленькій мальчикъ. А старая няня подъ тѣнью деревьевъ сладко дремала.

Вдругъ мальчикъ бросается къ нянѣ, тормошитъ и теребитъ ее.—„Няня! а, няня!“—лепечетъ малютка тревожно.—„Няня! бабочкѣ крылья пришей,—я нечаянно ихъ оторвалъ!“

— Что ты,—Господь съ тобой! Развѣ крылышки можно пришить? Вотъ баловникъ! А мальчикъ не можетъ уняться и, плача, къ ней пристаетъ: „Няня, пришей,—пришей же ей крылышки! Мнѣ жаль ее, няня! Мнѣ жаль!..“

Капризная дѣвочка.

Проснулась раньше обыкновеннаго маленькая Анечка и стала капризничать: и чулочки ей не нравятся, зачѣмъ они не красненькіе, и платьице не такое, и башмачки ей нужны желтенькіе, которые ей одѣваютъ обыкновенно по праздникамъ.

Напилась Анечка чаю и отправилась въ садъ. Солнышко свѣтитъ такъ хорошо, ярко, весело, но Анечка хмурится, не радуется веселому солнышку—зачѣмъ оно заставляетъ ее жмурить глазки.

Прыгаютъ по деревьямъ воробьи, чирикаютъ: прислушалась Анечка къ воробьиному чириканью и еще сильнѣе нахмурилась: чего это они такъ чирикаютъ—ужъ не надъ ней ли смѣются?

Махнула на нихъ ручонкой, а воробьи и ухомъ не повели, еще звончѣе зачирикали, точно и не было здѣсь Анечки. Совсѣмъ разсердилась Анечка, погналась за воробьями, да запнулась о камешекъ и растянулась посреди дорожки.

Расплакалась Анечка, побѣжала домой мамѣ жаловаться. Взглянула мама на измазанное платьице и оцарапанную ручонку и головой только покачала: „Ахъ ты капризная дѣвочка, не доспала ты сегодня, вотъ и будешь весь день нахохлившись ходить...“

Вечеромъ.

Поздно вечеромъ дѣти играли въ саду. Вдругъ въ кустахъ раздался трескъ и шумъ. Коля насторожился и взгля-

нулъ въ чащу. Митя заплакалъ, остановился и тоже сталъ смотрѣть.

Въ кустахъ что-то ворочалось, верхушки кустовъ качались. Ребята въ страхѣ широко раскрыли глаза. На минуту шумъ смолкъ, стало тихо; только слышно было, какъ въ смородинѣ трещали кузнечики; потомъ въ кустахъ снова зашумѣло.

— „Эй, какой тамъ? Выходи!“—вдругъ громко крикнулъ Коля и сталъ храбрѣе.—„Какой тамъ? Эй!“—повторилъ онъ, и сдѣлалъ шагъ впередъ, махая кнутикомъ.

Тогда и остальные расхрабрились. Стало весело и жутко.—„Какой тамъ? Эй!“—крикнулъ и Митя.—“Вотъ я тебя кнутовищемъ по лбу закачу!“—пригрозилъ Коля.

Въ кустахъ зашуршало ближе. Дѣти попятились и замолчали. Вѣтки смородины закачались и изъ кустовъ вылѣзла собака... Цыганъ. „Цыганъ!“—закричали ребята. Собака подошла, ласково помахивая хвостомъ.

Мыльный пузырь.

У открытаго окна сидѣлъ мальчикъ и пускалъ красивые мыльные пузыри. Вотъ большой радужный пузырь вылетѣлъ изъ окна въ садъ, понесся вверхъ и прилипъ къ вѣткѣ дерева.

На вѣткѣ той сидѣла птичка—и съ удивленіемъ посмотрѣла на незнакомаго гостя. Подлетѣла къ пузырю бабочка, подползъ жукъ и всѣ уставились на невиданное чудо.

„Какой вы красивый!“—похвалила птичка. „Какое на васъ дорогое платье!“—замѣтила бабочка. „И сшито хорошо!“—добавилъ жукъ.

„Да, я очень красивъ, гордо надувался пузырь: Смотрите, какъ на мнѣ блеститъ солнышко! Какой я разноцвѣтный, пышный. Смотрите!“...

Но пузырь не договорилъ и лопнулъ. Птичка, бабочка, жукъ смотрѣли и не знали, куда же дѣвался пузырь. „Гдѣ же онъ?“ удивлялась птичка. „Только мокро осталось!“ сказала бабочка. „Онъ былъ пустой,“—догадался жукъ.

За грибами.

Уговорился я съ Сережей завтра рано утромъ итти за грибами. Утромъ, чѣмъ свѣтъ, услыхалъ я, какъ въ окно

кто-то: „тукъ, тукъ, тукъ!“ А это Сережа меня будитъ. Всталъ я, поскорѣй одѣлся, схватилъ плетушку и босикомъ выбѣжалъ за ворота.

На улицѣ и въ полѣ былъ туманъ. Мы шли по мокрой травѣ, ногамъ было холодно. Потомъ мы бѣгомъ побѣжали. Наконецъ мы—въ березовой рощицѣ.

Я сначала нашелъ большой подосиновикъ съ красной шляпкой. „Сережа, смотри-ка,—закричалъ я,—какое солнце“! А Сережа мнѣ ничего не отвѣтилъ: онъ ползалъ на колѣнкахъ во мху и шарилъ по землѣ руками.

„Ага!—догадался я.—Это онъ на бѣлые напалъ.“ И я побѣжалъ къ нему на помощь. Такъ мы искали грибы по всей рощѣ.

Солнце уже было высоко, когда мы вышли въ поле съ полными плетушками. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, а Сережа вынулъ изъ-за пазухи кусокъ чернаго хлѣба и подѣлилъ поровну. Домой мы пришли къ обѣду.

Подосиновикъ—грибокъ.

Росъ въ лѣсу подосиновикъ-грибокъ. Никто въ травѣ его не видалъ, и жилъ онъ себѣ спокойно.

Вотъ ползетъ разъ мимо грибка черный жукъ и говоритъ: „Эхъ, грибъ, грибъ! все-то ты стоишь на одномъ мѣстѣ. Я такъ вездѣ побываю, все вижу, все знаю!“ Сказалъ и поползъ на дерево.

„Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ подосиновикъ: какъ въ лѣсу скучно и темно!“ Онъ позавидовалъ жуку и выглянулъ изъ травы на свѣтъ Божій.

Шли мимо дѣти, замѣтили его, сорвали и отнесли домой. Пожалѣлъ тогда грибокъ свой осиновый лѣсокъ.

Мальчикъ въ лѣсу.

Когда я былъ маленькій, меня послали въ лѣсъ за грибами. Я дошелъ до лѣсу, набралъ грибовъ и хотѣлъ итти домой. Вдругъ стало темно, пошелъ дождь, и загремѣло. Я испугался и сѣлъ подъ большой дубъ.

Блеснула молнія такая свѣтлая, что мнѣ глазамъ больно стало, и я зажмурился. Надъ моей головой что-то затре-

щало и загремѣло; потомъ что-то ударило меня въ голову. Я упалъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока пересталъ дождь.

Когда я очнулся, по всему лѣсу капало съ деревьевъ, пѣли птички, и играло солнышко. Большой дубъ сломался, и изъ него шелъ дымъ. Вокругъ меня лежали оскретки отъ дуба.

Платье на мнѣ было все мокрое и липло къ тѣлу; на головѣ была шишка, и было немножко больно. Я нашелъ свою шапку, взялъ грибы и побѣжалъ домой.

Забіяки.

Летѣлъ воробей мимо липы, глядитъ, а на листикѣ ея большой майскій жукъ притаился. „Важная пожива!“ чирикнулъ воробей и, недолго думая, налетѣлъ на жука, клюнулъ его разъ, другой, да такъ, что бѣдняга кубаремъ скатился съ листика на дорожку. Кинулся воробышекъ за нимъ.

Совсѣмъ плохо пришлось было жуку—онъ даже и лапками махать пересталъ—все равно одинъ конецъ—да летѣлъ какъ разъ мимо другой воробей.

Подлетѣлъ онъ поближе, скосилъ глазъ и чирикаетъ:—„Эй, куманекъ, подѣлись-ка со мной жукомъ!“—„Какъ бы не такъ, отзывается Воробей Воробеичъ,—я одинъ жука поймалъ, я одинъ его и съѣмъ“.—„А вотъ посмотримъ, какъ ты съѣшь, коли я отниму его у тебя!“

Сцѣпились воробьи, барахтаются въ пыли, чирикаютъ во все воробьиное горло, норовятъ какъ бы другъ друга побольнѣе, да половчѣе клюнуть.

Ну, Воробей-то Воробеичъ посмѣлѣе, да похрабрѣе былъ и скоро противника подъ себя подмялъ, такъ что тотъ не радъ былъ, что и драку затѣялъ.

Полетѣлъ Воробей Воробеичъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ жука передъ дракой оставилъ, а того и слѣдъ простылъ.

Храбрый дроздъ.

Отбился отъ дома котъ, одичалъ и сталъ самъ добывать себѣ пищу. Бѣгаетъ котъ по лѣсамъ и кустамъ, ловитъ мышей и птичекъ, разоряетъ гнѣзда.

Замѣтилъ котъ въ дуплѣ гнѣздо дрозда. Изъ гнѣзда слышался пискъ птенчиковъ. Вотъ гдѣ пожива! Глаза у котишки

разгорѣлись. Влѣзъ онъ къ самому дуплу и только запустилъ-было туда лапу, какъ подлетѣлъ дроздъ.

Бросился дроздъ на кота сзади и принялся клевать его въ голову, и въ носъ, и въ глаза. Струсилъ котъ, кое-какъ сползъ съ дерева и бросился бѣжать.

О в ц а.

Уже вечеръ. Солнышко закатывается. Издали слышно мычанье коровъ, блеянье овецъ и щелканье пастухова кнута. Вотъ коровки пришли домой, мычатъ, просятъ, чтобы ихъ поскорѣе подоили.

А вотъ бѣгутъ овцы. Ихъ гонитъ пастушокъ Лавруша. Впереди бѣжитъ одна овца, а за ней всѣ остальныя. Куда побѣжитъ передовая овца, туда за ней и другія.

Вотъ одна прыгнула черезъ палку. За ней прыгаютъ и и другія. Палку взяли, а онѣ все прыгаютъ на пустомъ мѣстѣ.

А вотъ и маленькіе ягнятки бѣгутъ возлѣ своихъ матерей. Какіе ягнятки хорошенькіе, шерстка на нихъ короткая, кудрявая. Они жалобно кричатъ и, перегоняя другъ друга, машутъ своимъ коротенькимъ хвостикомъ.

Б у м а ж н ы й з м ѣ й.

Сорвался бумажный змѣй съ веревочки, на которой запускали его дѣтишки, и полетѣлъ высоко, высоко по поднебесью. Летитъ—похваляется: „Ай-да я, какой молодецъ, лечу себѣ и знать ничего не хочу“.

Летѣлъ, летѣлъ бумажный змѣй, и повстрѣчался съ ласточкой.—„Здравствуй, дядюшка, бумажный змѣй,—поздоровалась съ нимъ ласточка: куда это ты такъ собрался?“—„Да вотъ путешествовать немного захотѣлось, свѣтъ поглядѣть,“—отозвался важно бумажный змѣй.

„Вотъ и отлично,— обрадовалась ласточка: полетимъ вмѣстѣ—веселѣе будетъ“.—„Полетимъ пожалуй,—согласился бумажный змѣй: только ты смотри, лети не отставай, а то вѣдь я тебя дожидаться не буду“.

Летятъ бумажный змѣй съ ласточкой, а солнышко между тѣмъ къ закату клонится, вѣтеръ стихать сталъ. Гля-

дитъ ласточка, а бумажый змѣй все больше и больше къ землѣ опускается.

Долетѣла ласточка до лѣса, спустилась ниже, оглянулась, куда это ея спутникъ дѣвался? А бумажный змѣй запутался въ вѣтвяхъ корявой березы—виситъ и не шелохнется. Поглядѣла на него ласточка, поглядѣла,—и полетѣла дальше одна.

Мошка.

Вотъ я такъ красавица! Крылышки у меня блестящія, лапки тонкія, стройныя, глазки черные... Сидитъ мошка на листѣ водяной лиліи, любуется на свое отраженіе въ водѣ, потираетъ самодовольно лапки.

Летитъ мимо комарикъ, увидѣлъ мошку, подсѣлъ къ ней, затрубилъ.—„Здравствуйте, сударыня, какъ поживаете? Давненько я васъ не видалъ, живемъ мы, кажись, близко, близко другъ отъ друга, а встрѣчаемся рѣдко“.

„Ничего, благодарю васъ,—нехотя отозвалась мошка: Только, пожалуйста, не садитесь близко, а то вы изомнете мои крылышки, а мнѣ сегодня нужно летѣть на балъ къ свѣтляку.“

Обидѣлся комаръ. — Важничать изволите, сударыня. Къ вамъ и присѣсть нельзя... Нехорошо... Затрубилъ сердито комаръ и полетѣлъ дальше. А мошка стала любоваться снова на свое отраженіе въ водѣ, расправила крылышки и полетѣла.

Совсѣмъ низко надъ водою летитъ мошка и на себя любуется. Задумалась она о своей красотѣ и не замѣтила выплывшую рыбку плотичку-красноглазую. А плотичка-то мошку давно запримѣтила: раскрыла пошире ротъ, высунулась изъ воды, цапъ,—и поминай, какъ звали бѣдную Мошку.

В.

Волчьи ягоды.

Облетѣли листья съ деревьевъ, поблекла трава, опустѣлъ, притихъ лѣсъ. Не слышно въ немъ птичьяго пѣнія, веселаго ауканья ребятишекъ: птички улетѣли подальше отъ хмурой осени, а ребятишкамъ тоже теперь въ лѣсу дѣлать

нечего,—съ началомъ холодовъ перестали расти грибы, а ягодъ и давно въ поминѣ не осталось.

Одинъ только кустъ волчьихъ ягодъ стоитъ нетронутый, красными гроздьями увѣшанный.—„Вотъ какой я,—говоритъ онъ важно двумъ молоденькимъ елочкамъ: меня и тронуть никто не смѣетъ, потому что ужъ очень я хорошъ да красивъ. Берегутъ меня всѣ, чтобы подольше любоваться мною".

„Ну, нѣтъ, дяденька,—отозвалась съ березы птичка-синичка: и совсѣмъ-то ты не хорошъ, а не трогаютъ тебя потому, что ягоды твои ядовиты: ихъ какъ покушаешь, такъ и заболѣешь."

„Ну да, толкуй,—отозвался презрительно кустъ волчьихъ ягодъ: много ты понимаешь, мелюзга. Привыкла ты всякую дрянь клевать, а теперь туда же о моихъ ягодахъ разсуждать берешься."

„Кому же, какъ не мнѣ, и знать, гдѣ и какой ягодкой поживиться можно, сказала синичка: осень-то, зима-то вѣдь длинныя, частенько голодать приходится, а только какъ бы плохо мнѣ ни пришлось, а ужъ твоихъ-то ягодокъ я не прилечу клевать."

За хворостомъ.

Одинъ разъ я набрелъ въ лѣсу на троихъ ребятишекъ. Двѣ маленькія дѣвочки усердно собирали хворостъ и увязывали его въ вязанку.

Подъ деревомъ сидѣлъ худенькій мальчикъ и съ жадностью ѣлъ краюшку хлѣба. „Что вы дѣлаете?" спросилъ я дѣвочекъ. „А вотъ мы хворостъ набираемъ," отвѣтила старшая. „А это братъ вашъ, что-ли?"—„Нѣтъ, чужой."

„Онъ сиротка,—прибавила другая дѣвочка: мама у него умерла, а отецъ его бѣдный, у нихъ нѣтъ ничего. Вотъ мы ему и приносимъ хлѣбъ и помогаемъ собирать хворостъ."

Мальчикъ съѣлъ свой хлѣбъ. Дѣвочки увязали вязанку, взвалили ее ему на плечи и пошли вмѣстѣ съ нимъ къ деревнѣ. „Надо его проводить до дому,—сказала старшая: какъ бы его чужіе мальчишки не обидѣли". И дѣти скрылись за деревьями.

Коварное солнышко.

Осень близко. Кое-гдѣ на деревьяхъ мелькнули уже желтые листочки, дни стали короче, ночи длиннѣе, холоднѣе. Плохо приходится мошкамъ, букашкамъ и прочей мелкой братіи. Днемъ-то еще ничего,—солнышко пригрѣваетъ ласково, ярко, и небо голубѣетъ, а вечеромъ жутко приходится.

Пріютилась козявочка подъ листомъ лопуха.—„Ну,—думаетъ—высплюсь я сегодня, какъ слѣдуетъ.“ Но не спится козявочкѣ: холодно ей, непріютно подъ лопушинымъ листомъ. Жалась, жалась она отъ холода, пробовала и колачикомъ свернуться, и крылышками прикрыться,—не заснуть никакъ: насквозь пронизываетъ ее холодъ.

Полетѣла козявочка искать уголка поуютнѣе, гдѣ бы можно было ей отдохнуть да выспаться. Летитъ, поеживается отъ холода и вдругъ видитъ, блеститъ что-то между деревьями.—„Что это такое? Неужели солнышко восходитъ?“—изумилась козявочка.

А свѣтъ становится все ярче. Подлетѣла козявочка еще поближе и вдругъ пребольно стукнулась о что-то лбомъ.—„Ой, ой, больно,—заохала она,—что это такое? Я хочу погрѣться около свѣта, мнѣ холодно...“ Разлетѣлась она еще разъ и опять стукнулась лбомъ.

„Оставь, сестрица,—отозвалась вдругъ съ листика мушка: Вѣдь этакъ ты до смерти убьешься. Куда тебѣ съ твоими силенками стекло пробить! Если бы даже окно и открыто было, я не совѣтую тебѣ близко подлетать къ этому коварному солнышку, которое люди называютъ свѣчкой.“

Двѣ мышки.

Забѣжала мышка, что жила на чердакѣ подъ крышей, къ подругѣ, что жила внизу въ подпольѣ. Обрадовались мышки другъ другу, расцѣловались, а потомъ усѣлись рядкомъ, да стали про свое житье-бытье разсказывать. „Пойдемъ-ка, я угощу тебя, чѣмъ Богъ послалъ,“ говоритъ мышка изъ подполья.

Пришли мышки въ кладовую. Оглядѣлась мышка съ чердака, да такъ и замерла отъ изумленія: чего, чего тамъ

не было понаставлено да понавѣшано! И ветчина, и колбаса, и сыръ, и овощи всякія, и мука, и крупа. Наѣлись мышки всего до сыта, до отвалу, еле духъ переводятъ.

„Ну, теперь закусить можно,—сказала мышка-хозяйка: есть и варенье, и сиропъ сладкій, пресладкій“. Стала она присматриваться, куда это люди на новое мѣсто банки съ вареньемъ переставили, и еле разыскала ихъ наконецъ на верхней полкѣ.

Вскарабкалась мышка изъ подполья на банку, прогрызла бумагу, которую та была завязана, опустила хвостикъ въ дырочку, обмакнула въ варенье, вытащила его обратно и давай облизывать сладкое варенье, только причмокиваетъ да похваливаетъ.

Глядитъ на нее мышка съ чердака, ротъ даже отъ удивленія разинула, а мышка-хозяйка только усмѣхается.— „Что-жъ ты глядишь? Полѣзай-ка скорѣе сюда, а то, чего добраго, я одна все варенье съѣмъ“.

Старая ель.

Среди широкаго поля поднималась зеленая рать молодыхъ елей, рвавшихся въ небо своими стрѣлками. Въ этой зелени выдѣлялась своей побурѣвшей вершиной одна старая ель.—„Охъ, дѣтки, плохо мнѣ...—часто жаловалась старушка, качая своей бурой вершиной: нехорошо такъ долго заживаться на свѣтѣ.“

„Бабушка, мы не дадимъ тебѣ умереть, весело кричали молодые ели: мы тебя будемо защищать и отъ вѣтра, и отъ холода, и отъ снѣга.“—„Нѣтъ, дѣтки... Довольно. Меня ужъ точатъ и черви, и жуки, а сверху разъѣдаютъ кору лишайники.“

„Тукъ, тукъ—крикнулъ пестрый дятелъ, долбившій старую ель своимъ острымъ клювомъ. Гдѣ жучки? Гдѣ червячки? Тукъ... тукъ... тукъ. Я имъ задамъ! Тукъ. Не безпокойтесь, старушка, я ихъ всѣхъ вытащу и скушаю... Тукъ!..“

„Да, вѣдь, ты меня же долбишь, мою старую кору?“— стонала ель, возмущенная дерзостью новаго гостя: ты долбишь меня, мое деревянное тѣло. Ахъ, приходитъ, видно, мой конецъ.“—„Ничего... Тукъ! Я только червячковъ добуду... Тукъ, тукъ, тукъ!..“

Молодыя елочки были возмущены безсовѣстностью дятла; но что подѣлаешь съ нахаломъ, который еще увѣряетъ, что трудится для пользы другихъ! А старая ель только вздрагивала, когда въ ея дряблое тѣло впивался острый клювъ.

Жукъ-храбрецъ.

Осень. Хмурая, дождливая, холодная. Солнце точно украдкой выглянетъ на минутку изъ-за тучъ, и тотчасъ же снова спрячется. Разноцвѣтные листья покорно облетаютъ съ деревьевъ,—ничего не подѣлаешь: каждому свой чередъ.

Попряталась мелкота, жучки, букашки, козявки: плохо приходится имъ осенью. Да и не только имъ, а и тѣмъ, кто покрупнѣе, тоже несладко живется: не больно-то весело послѣ теплаго ласковаго лѣта мокнуть да мерзнуть подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ.

Только черный жукъ не унываетъ: летаетъ надъ помертвѣлыми полями, гудитъ: „На мнѣ броня толстая, меня холода не скоро проймутъ. Прячьтесь, нѣженки, подальше, а я еще полетаю.“

Однажды опустился онъ на землю, потеръ лапку о лапку, покрутилъ головкой, и хотѣлъ было за всякія разныя свои дѣла приняться, а на ту пору пролетала по близости мокрая голодная ворона. Увидѣла жука, опустилась на землю, прищурила глаза.

„Эхъ, не важная пожива, ну да ничего не подѣлаешь, придется хоть жукомъ закусить, а то у меня съ вчерашняго утра въ зобу ничего не было. Лѣтомъ я на него и не взглянула бы, а теперь дѣлать нечего,—голодъ не тетка“.

Подошла ворона къ жуку, стукнула его разъ, другой клювомъ, да тотчасъ же и полетѣла прочь: какъ ни голодна была она, а ужъ больно жесткій оказался жукъ: такъ она его склевать и не рѣшилась.

Въ ноябрѣ.

Еще вчера шелъ мелкій дождь. Вѣтеръ сердито шумѣлъ, срывая послѣдніе листья съ деревьевъ. Было сыро, темно и скучно. Вдругъ въ одну ночь все перемѣнилось.

Блестящій пушистый снѣгъ толстымъ слоемъ покрылъ и дворъ нашъ, и заборъ, и конуру Жучки, и крышу сарая. Сивка уже стоитъ у воротъ, запряженный въ дровни, а котъ Васька бѣжитъ изъ кухни и отряхиваетъ лапки.

„Зима, зима!“ кричали мы—и хлопали въ ладоши; проворно одѣлись, позавтракали и скорѣе на дворъ. Костя сталъ ладить свои салазки, а я, не подумавъ хорошенько, схватилъ коньки—и къ рѣчкѣ, а она, темная и синяя, течетъ среди бѣлыхъ береговъ.

Сорока-бѣлобока.

Летаетъ Сорока-бѣлобока по лѣсу, стрекочетъ безумолку, во всѣ уголки заглядываетъ, все ее интересуетъ. Ахъ, и любопытная же она птица! Все ей нужно знать, все видѣть. Вотъ она какова сорока-бѣлобока!

Перелетаетъ Сорока съ дерева на дерево, стрекочетъ, новости разсказываетъ.—„А кума-лиса длиннохвостая сегодня зайку косоглазаго сцапать хотѣла, а только не удалось: вовремя зайка оглянулся и шмыгнулъ въ лѣсную чащу,“—разсказываетъ сорока, сидя на соснѣ.

Перелетѣла на ель, глядишь,—уже про другое стрекочетъ: „А волки сегодня ночью собаку Жучку съѣли, одинъ только кончикъ хвостика остался... Мужики, какъ узнали, разсердились: нужно, говорятъ, на волковъ облаву устроить, а то житья отъ нихъ не стало.“

Усѣлась на березу, новый разсказъ завела: „А воронята поутру на зарѣ изъ-за замерзшей мыши какъ подрались—просто страхъ,—я посмотрѣла да и улетѣла поскорѣе, страшно даже стало.“

Такъ и перелетаетъ сорока-бѣлобока съ дерева на дерево, стрекочетъ безумолку, сплетничаетъ, новости разсказываетъ, и удивляться приходится, когда она со своими дѣлами управляется и пропитаніе промыслить успѣваетъ.

Сѣрая шейка.

I.

Наступили холода. Вся стая утокъ сбилась въ одну живую кучу на рѣкѣ. „Ну, трогай!“ — громко скомандовалъ

главный вожакъ, и стая поднялась разомъ вверхъ. Больная уточка Сѣрая Шейка осталась на рѣкѣ одна и долго провожала глазами улетавшую стаю.

Рѣка, на которой осталась Сѣрая Шейка, весело катилась въ горахъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Мѣсто было глухое, никакого жилья кругомъ. По утрамъ вода у береговъ начинала замерзать, а днемъ тонкій, какъ стекло, ледъ таялъ. „Неужели вся рѣка замерзнетъ?"—думала Сѣрая Шейка съ ужасомъ.

Скучно ей было одной. Рѣка была пуста, и жизнь сохранялась только въ лѣсу, гдѣ посвистывали рябчики, прыгали бѣлки и зайцы. Разъ со скуки Сѣрая Шейка забралась въ лѣсъ и страшно перепугалась, когда изъ-подъ куста кубаремъ вылетѣлъ заяцъ.

„Ахъ, какъ ты меня напугала, глупая!" — проговорилъ заяцъ, немного успокоившись: „Душа въ пятки ушла... И зачѣмъ ты толчешься здѣсь? Вѣдь, всѣ утки давно улетѣли..."— „Я не могу летать: лиса мнѣ крылышко перекусила, когда я еще была совсѣмъ маленькой."

„Ужъ эта мнѣ лиса!.. Нѣтъ хуже звѣря. Она и до меня давно добирается... Ты берегись ея, особенно, когда рѣка покроется льдомъ. Какъ разъ сцапаетъ..."

II.

Случилась тихая-тихая, звѣздная ночь. Тихо стоялъ темный лѣсъ на берегу, точно стража изъ великановъ. Горы казались выше, какъ это бываетъ ночью. Высокій мѣсяцъ обливалъ все своимъ трепетнымъ, искрившимся свѣтомъ.

Бурливая днемъ горная рѣка присмирѣла, и къ ней тихо-тихо подкрался холодъ, крѣпко-крѣпко обнялъ гордую непокорную красавицу и точно прикрылъ ее зеркальнымъ стекломъ.

Сѣрая Шейка была въ отчаяніи, потому что не замерзла только самая середина рѣки, гдѣ образовалась широкая полынья. Свободнаго мѣста, гдѣ можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажень.

Огорченіе Сѣрой Шейки дошло до послѣдней степени, когда на берегу показалась лиса,—это была та самая лиса, которая переломила ей крыло.—„А, старая знакомая, здрав-

ствуй!—ласково проговорила лиса, останавливаясь на берегу: Давненько не видались... Поздравляю съ зимой!"

„Уходи, пожалуйста, я совсѣмъ не хочу съ тобой разговаривать,"—отвѣтила Сѣрая Шейка. „Это за мою ласку-то! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочемъ. Пока — до свиданія!"

III.

Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта бѣлоснѣжнымъ ковромъ. Не оставалось ни одного темнаго пятнышка. Даже голыя березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеемъ, точно серебристымъ пухомъ. А ели сдѣлались еще важнѣе. Онѣ стояли засыпанныя снѣгомъ, какъ будто надѣли дорогую, теплую шубу.

Бѣдная Сѣрая Шейка трепетала при одной мысли, что ея полынья вотъ-вотъ замерзнетъ. А лиса пришла черезъ нѣсколько дней, сѣла на берегу и опять заговорила: „Соскучилась я по тебѣ, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, такъ я и сама къ тебѣ приду. Я не спесива..."

Лиса начала приходить каждый день,—провѣдать, не застыла ли полынья. Отъ большой полыньи осталось всего одно окно, въ сажень величиной. Ледъ былъ крѣпкій, и лиса садилась на самомъ краю.

Бѣдная Сѣрая Шейка со страху ныряла въ воду, а лиса сидѣла и зло посмѣивалась надъ ней:—„Ничего, ныряй, а я тебя все равно съѣмъ... Выходи лучше сама".

Заяцъ видѣлъ съ берега, что продѣлывала лиса, и возмущался всѣмъ своимъ заячьимъ сердцемъ.—„Ахъ, какая безсовѣстная эта лиса... Какая несчастная эта Сѣрая Шейка! Съѣстъ ее лиса..."

IV.

Дѣло было утромъ. Заяцъ выскочилъ изъ своего логовища покормиться и поиграть съ другими зайцами. Морозъ былъ здоровый, и зайцы грѣлись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело.—„Братцы, берегитесь!"—крикнулъ кто-то.

На опушкѣ лѣса стоялъ старичокъ-охотникъ, который подкрался на лыжахъ совершенно неслышно и высматри-

валъ, котораго бы зайца застрѣлитъ. „Эхъ, теплая старухѣ шуба будетъ,"—соображалъ онъ, выбирая самаго крупнаго зайца.

Онъ прицѣлился изъ ружья; но зайцы его замѣтили и кинулись въ лѣсъ, какъ сумасшедшіе.—„Ахъ, лукавцы!—разсердился старичокъ. — Вотъ ужо я васъ... Того не понимаютъ, глупые, что нельзя старухѣ безъ шубы. Не мерзнуть же ей..."

Старичокъ пустился разыскивать зайцевъ по слѣдамъ; но зайцы разсыпались по лѣсу, какъ горохъ. Старичокъ порядкомъ измучился и присѣлъ на берегу рѣки отдохнуть. „Эхъ, старуха, старуха, убѣжала наша шуба! — думалъ онъ вслухъ: Ну, вотъ отдохну и пойду искать другую..."

Сидитъ старичокъ, горюетъ: а тутъ, глядь,—лиса по рѣкѣ ползетъ,—такъ и ползетъ, точно кошка. „Ге, ге, вотъ такъ штука!—обрадовался старичокъ: Къ старухиной-то шубѣ воротникъ самъ ползетъ... Видно, пить захотѣла, а то, можетъ, и рыбки вздумала половить."

V.

Лиса подползла къ самой полыньѣ, въ которой плавала Сѣрая Шейка, и улеглась на льду. Стариковскіе глаза видѣли плохо и изъ-за лисы не замѣчали утки. „Надо такъ ее застрѣлить, чтобы воротника не испортить,"—соображалъ старикъ, прицѣливаясь въ лису.

Грянулъ выстрѣлъ. Сквозь дымъ отъ выстрѣла охотникъ видѣлъ, какъ что-то метнулось на льду, — и со всѣхъ ногъ кинулся къ полыньѣ. По дорогѣ онъ два раза упалъ, а когда добѣжалъ до полыньи, то только развелъ руками: воротника какъ не бывало, а въ полыньѣ плавала одна перепуганная Сѣрая Шейка.

„Вотъ такъ штука!—ахнулъ старичокъ, разводя руками: Въ первый разъ вижу, какъ лиса въ утку обратилась... Ну, и хитерь звѣръ."—„Дѣдушка, лиса убѣжала," объясняла Сѣрая Шейка.—„Убѣжала? Вотъ тебѣ, старуха, и воротникъ къ шубѣ... Что же я теперь буду дѣлать, а? Ну, и грѣхъ вышелъ"...

„А ты, глупая, зачѣмъ тутъ плаваешь?"—„А я, дѣдушка, не могла улетѣть вмѣстѣ съ другими. У меня одно крылышко

попорчено...“—„Ахъ, глупая, глупая... Да вѣдь ты замерзнешь тутъ или лиса тебя съѣстъ! Да...“

Старичокъ подумалъ-подумалъ, покачалъ головой и рѣшилъ: „А мы вотъ что съ тобой сдѣлаемъ: я тебя внучкамъ отнесу. Вотъ-то обрадуются... А весной ты старухѣ яичекъ нанесешь да утятокъ выведешь“. Старичокъ добылъ Сѣрую Шейку изъ полыньи, положилъ за пазуху и понесъ домой.

Г.

Снѣжная баба.

Морозный ясный день. Солнце такъ ярко свѣтитъ! Даже больно смотрѣть изъ окна на широкій, бѣлымъ снѣгомъ засыпанный дворъ.

На дворѣ, недалеко отъ крыльца, играютъ два мальчугана. Они лѣпятъ изъ снѣга большую снѣжную бабу. Труднѣе всего слѣпить ей голову, а голову надо сдѣлать настоящую. Чтобы были и глаза, и носъ, и ротъ.

А баба уже ростомъ съ Мишу. Правда, самъ Миша не великъ. Ему лѣтъ шесть. Это веселый, живой мальчикъ. Морозъ такъ и щиплетъ его за носъ, за щеки, за уши. Но Мишѣ тепло, даже жарко.

Ну, Андрейка, скорѣй, скорѣй! Да надѣнь ей на голову шапку. А Андрейка — меньше Миши — старается изо всѣхъ силъ. Онъ тянется къ головѣ бабы, хочетъ надѣть на нее треуголку. Они сами сдѣлали ее вчера изъ синей сахарной бумаги.

Но вотъ и мама вышла на крыльцо. Она посмотрѣла на бабу,—баба ей очень понравилась, Ахъ, какъ славно сдѣлана! Настоящая баба!

На салазкахъ.

Пошелъ Ваня на улицу съ салазками. Славныя салазки: новыя, легкія, сами катятся. Подошелъ Петя. „Покатай, говоритъ, меня, Ваня, а потомъ я тебя прокачу“.—„Нѣтъ, отвѣчаетъ Ваня: ты сначала меня покатай“—„Ну, садись!“

Петя впрягся въ салазки, а Ваня взялъ хворостину и давай погонять Петю. Петя старался бѣжать, какъ лошадь: подкидывалъ ногами, стучалъ, фыркалъ. Сильно запыхался Петя, когда довезъ Ваню до конца улицы.

1220

„Ну, теперь ты меня покатай, Ваня“!—„Вотъ нашелъ дурака“, крикнулъ Ваня: „съ какой стати? Я тебѣ не лошадь“. Засмѣялся Ваня и убѣжалъ. Петѣ вотъ-какъ обидно стало. Слезы показались на его глазахъ.

Морозко.

(Сказка).

Придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „Вези, вези, старикъ, ее—куда хочешь, чтобы мои глаза ея не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ“.

Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти. Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ.

Приходитъ Морозъ, подпрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ“!—„Добро пожаловать, Морозъ!“ Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбилась ему ея привѣтливая рѣчь, жаль стало!—бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ.

Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, подпрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ!“—„Добро пожаловать, Морозъ!“ Морозъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая.

Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, подпрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала такая красавица, такая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ.

Умная лошадь.

Старенькая у насъ лошадка Бѣлячокъ, вся бѣлая, какъ снѣгъ, а бѣжитъ хорошо. Запряжемъ мы ее зимой въ санки, сядемъ, возьмемъ вожжи. Ухъ! Какъ вѣтеръ, полетитъ Бѣ-

лячокъ. И какой послушный: чуть скажешь: „тпру“,—остановится.

Поѣхали мы на Бѣлячкѣ вечеромъ. Поздно было. Вдругъ подулъ вѣтеръ, поднялась мятель. Сдѣлалось совсѣмъ темно, только крутится въ полѣ снѣгъ. Лошадь стала. Не знаемъ, куда ѣхать. А снѣгъ все мятетъ, все крутитъ. Занесетъ онъ насъ. Неужели придется замерзать?

Братъ бросилъ вожжи и сказалъ ласково: „Ну, Бѣлячокъ! Вывози, голубчикъ!“ Бѣлячокъ постоялъ немного, подумалъ, поднялъ голову, понюхалъ кругомъ. Потомъ тихо тронулся съ мѣста и пошелъ. Шелъ, шелъ, все по цѣлому снѣгу, да и привезъ насъ прямо домой! Умный Бѣлячокъ!

Буланко.

Было уже темно, когда Егоръ выѣхалъ изъ города съ легкой поклажей. Буланко весело бѣжалъ, дровни легко скользили по снѣгу, а Егоръ, улегшись въ дровняхъ, беззаботно курилъ трубку. До деревни осталось какихъ—нибудь три версты.

Вдругъ Буланко насторожился, захрапѣлъ и понесся во весь духъ: онъ зачуялъ волковъ. Скоро услышалъ ихъ вой и Егоръ. Онъ привсталъ на колѣни, взялъ въ руки возжи и только прошепталъ: „Ну, Буланушко, не выдавай“! Но Буланко и самъ это чуялъ и несся, какъ стрѣла.

Вотъ показались и волки, настигаютъ, совсѣмъ уже близко. Тогда Егоръ взялъ и выкинулъ одинъ мѣшокъ поклажи. Волки на мгновеніе остановились, бросились на мѣшокъ, стали было рвать, думая, что тамъ съѣстное, но потомъ опять понеслись за санями.

Другой мѣшокъ полетѣлъ изъ саней, опять волки на мигъ остановились и опять понеслись. Теперь уже нечего и кинуть имъ.

Но вотъ и деревня совсѣмъ близко. Послышался лай собакъ. Лай—все ближе, ближе... Вонъ видна ужъ и околица. Собаки выскочили, люди бѣгутъ. И прежде чѣмъ волки успѣли схватить Буланка за горло, дровни влетѣли въ околицу. Спасся! Спасся самъ Буланушка, спасъ и Егора.

Метель.

Въ чистомъ полѣ, въ полночь, завываетъ, гудетъ, завываетъ-несется метелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идетъ, по слѣдамъ разстилается-стелется.

„Ну, заѣхалъ въ сугробъ! Видно, здѣсь ночевать; ну, Савраско, потрогивай, миленькій! Вовсе сбились съ тобой; захотѣлося спать; понабилося снѣгу за валенки.“

„Что тамъ? Славно-ка гдѣ колокольчикъ звенитъ? Огоньки тамъ, что ль, зажигаются? А хозяйка-то ждетъ, а мальчишка-то спитъ. Что ему! знай по печи валяется.“

Воробышкина елка.

Сидитъ маленькая Ирочка у окошка, глядитъ на занесенный снѣгомъ дворъ, на бѣднаго воробышка, что съ лапки на лапку перепрыгиваетъ, кормъ себѣ разыскивая, и жалко ей бѣдную птичку:„Холодно имъ бѣднымъ, вѣрно, зимою; ѣсть нечего... нѣтъ ни мушекъ, ни зернышекъ...“

Подошелъ Толя къ окошку и тоже наблюдаетъ за воробышкомъ. „А знаешь, Ирочка, предложилъ онъ: устроимъ-ка мы воробьямъ елку!“—„Воробьямъ елку? Что ты выдумалъ, какъ же это?“—удивилась дѣвочка.

„А вотъ возьмемъ вѣточку елки, воткнемъ ее въ коробку изъ-подъ конфетъ, а внизу насыплемъ зеренъ и крошекъ, — то-то обрадуются голодные воробышки!“ — „Отлично,—согласилась Ирочка: пусть и у нихъ будетъ праздникъ.“

Принялись дѣти за работу: воткнули вѣточку елки въ коробочку, насыпали сбоку крошекъ и зеренъ и упросили Машу, чтобы она вынесла и поставила ее на дворѣ.

Увидали воробышки, подскочили одинъ за другимъ къ лакомому угощенію и принялись пировать на славу. Клюютъ зернышки и крошки, чирикаютъ радостно.

Въ зимнюю стужу.

Разгуливаетъ Дѣдко-Морозъ по лѣсу — сердитый-пресердитый. Все ворчитъ да хмурится, метелямъ выговоръ дѣлаетъ: „Снѣгу мало въ лѣсу... Нужно побольше намести. И на вѣтви елей и сосенъ нужно побольше его насыпать...“

Тѣшится Дѣдко-Морозъ. Постукиваетъ своею ледяною палицею. Трещатъ старыя ели и сосны,—и трескъ этотъ въ тишинѣ зимней ночи, точно выстрѣлы, гулко раздается. Воютъ, стонутъ вьюги и мятели: наметаютъ онѣ громадные сугробы, засыпаютъ снѣгомъ старыя развѣсистыя ели и сосны.

Но какъ ни хлопочетъ Дѣдко-Морозъ, ничего онъ не можетъ сдѣлать съ обитателями лѣса. Куда ни поглядитъ Дѣдко-Морозъ, виднѣются на бѣломъ снѣгу отпечатки большихъ и маленькихъ слѣдовъ лѣсныхъ обитателей.

Еще пуще старается Дѣдко-Морозъ. Три дня, три ночи бушевали вьюги и мятели, три дня и три ночи свирѣпствовалъ Дѣдко-Морозъ, а на четвертый денекъ поутихъ, оглянулся,—глядитъ опять испорчены снѣжные узоры, опять тянутся межъ деревьями большіе и маленькіе слѣды.

Нахмурился Дѣдко-Морозъ. „Живучи больно, не проймешь ихъ... Ничего тутъ, какъ видно, не подѣлаешь... А жаль,—не люблю я этихъ безпорядковъ.“

Запасливая бѣлочка.

Кто это бросаетъ съ верхушки старой ели шишки? Внизу весь снѣгъ усыпанъ ими. Ахъ, вотъ кто это—бѣлочка-рѣзвушка!

Примостилась она на верхнихъ вѣткахъ ели, такъ что ее не сразу и разглядишь. Захватила она передними лапками большую еловую шишку и ловко проворно выбираетъ изъ нея зернышки.

Прилетѣлъ снѣгирь, подсѣлъ къ бѣлочкѣ, чирикаетъ: „Ну и холодно сегодня: страхъ, морозъ какой. Я чуть, было, совсѣмъ не замерзъ. День-денской голодный леталъ. Тебѣ-то хорошо,—у тебя и шубка теплая и корму сколько угодно.“

„А ты не горюй,—отозвалась бѣлочка:лети-ка на опушку, къ сломанной соснѣ, вотъ такъ прямо, прямо, а потомъ немного направо сверни. Я была вчера тамъ и видѣла рябину, на которой еще много, много красивыхъ ягодъ уцѣлѣло.

Обрадовался снѣгирь. „Неужели это правда? Спасибо тебѣ, добрая бѣлочка,“—поблагодарилъ бѣлочку снѣгирь и

полетѣлъ скорѣе товарищей звать, чтобы вмѣстѣ отправиться на опушку клевать вкусную рябину.

Зайка-горюнъ.

Выбѣжалъ зайка на лѣсную полянку, присѣлъ на заднія лапки, оглянулся, шевельнулъ ушами. „Ахъ, плохо мое дѣло! — вздохнулъ онъ, — житья мнѣ бѣдному нѣтъ, да и только.“—„Чего ты охаешь, косой?“—спросила зайку сорока-бѣлобока.

„Какъ же мнѣ не охать,—отозвался зайка: всѣ меня обидѣть стараются, куда ни сунешься, всюду меня враги лютые караулятъ. Вчера чуть лисѣ длиннохвостой на обѣдъ не попался, сегодня выбѣжалъ въ поле—на охотника наскочилъ: вотъ тутъ и живи, какъ хочешь.

А защищаться мнѣ отъ враговъ нечѣмъ: нѣтъ у меня ни острыхъ зубовъ, ни сильныхъ роговъ, ни лисьей хитрости, на однѣ ноги только и надежда. Бѣжишь, слѣды запутываешь, изъ стороны въ сторону мечешься, да вѣдь теперь зимою слѣдъ не такъ-то легко скрыть.

Да и голодать мнѣ зимою порядкомъ приходится: нѣтъ ни травки, ни капусты сладкой, ни зелени,—погрызешь коры, да и за то спасибо скажешь. Такъ и живешь изо дня въ день.“

Карр... карр...—каркнула гдѣ-то поблизости голодная ворона. Насторожился зайка,—встрепенулся и бросился скорѣе въ лѣсную чащу. „Ворона и та обидѣть меня можетъ...—крикнулъ уже изъ лѣсной чащи зайка: видишь, какова моя жизнь горемычная!“

Сѣрые хищники.

Студеная зимняя ночь. Насупились подъ снѣжными шапками лохматыя ели и угрюмыя сосны. Звѣзды мигаютъ на темномъ небѣ. Кругомъ тишина. Кажется, все замерло, затихло, притаилось подальше отъ сердитаго Дѣдки-Мороза.

Но чу, что это такое? Откуда-то издалека доносится заунывный, протяжный вой. На этотъ призывъ откликнулся кто-то другой такимъ же протяжнымъ воемъ. И еще, еще...

Забилось тревожно сердце притаившагося подъ кустомъ зайчишки. Въ ближайшей деревнѣ испуганно тявкнули со-

баки. Безпокойно зафыркали лошади. Знаютъ они, чья это пѣсня. Это сѣрые хищники-волки вышли на добычу.

Пробираются они опушкою лѣса, чутко ко всему прислушиваясь, принюхиваются, ведутъ тихую бесѣду: „Эхъ, хорошо бы теперь теленочкомъ закусить“—говоритъ молодой волкъ, щелкая зубами.

Пробираются волки сторонкою, съ опаскою да съ оглядкою, къ деревенькѣ подкрались, потянули носами воздухъ. Ахъ, хорошо пахнетъ! Вотъ бы забраться въ хлѣвъ да похозяйничать тамъ хорошенько!

Да вѣдь не заберешься никакъ: хлѣвъ на запорѣ, да собаки такой лай поднимаютъ, люди повыскакиваютъ изъ избы,—а съ людьми шутки вѣдь плохи.

Дятелъ.

„Ахъ, такъ это вотъ кто помогаетъ мнѣ уничтожать еловыя шишки“—говоритъ бѣлочка, глядя на дятла, ловко выбирающаго изъ шишки сѣмена.

„Ничего не подѣлаешь, сосѣдка, приходится за шишки приниматься, — отозвался дятелъ:зимою мое дѣло плохо: нѣтъ ни жучковъ, ни букашекъ, одними только сѣменами и приходится питаться“.

„А почему ты лѣтомъ долбишь клювомъ деревья?“—спрашивала бѣлочка. „Какъ почему?—изумился дятелъ: развѣ ты не знаешь? Отъ моего постукиванія изъ подъ коры дерева жучки да букашки вылѣзаютъ и попадаютъ мнѣ на обѣдъ“.

„Меня люди берегутъ,—сказалъ онъ, пріосаниваясь: за то, что я уничтожаю вредныхъ жучковъ да букашекъ. Безъ меня бы ихъ страхъ сколько развелось“.—„Ну и что же, пусть бы жили себѣ“—сказала бѣлочка.—„Пусть бы жили! Ишь, что выдумала!“

„Жучки-то да букашки эти, хоть и маленькіе съ виду, а вреда деревьямъ принести могутъ—охъ, какъ много. Погляди—вотъ, видишь, береза стоитъ засохшая, а отчего она засохла? не знаешь? Ну, а я знаю: источили ея сердцевину жучки да букашки и погубили дерево“.

„А ты-то что глядѣлъ?“—спросила бѣлочка.—„Это давно случилось, безъ меня,—отозвался дятелъ: теперь-то я зорко за этимъ гляжу и никакихъ безпорядковъ не допущу“.

Ночной музыкантъ.

У-у-у-у-у...—выкрикиваетъ кто-то на разные голоса среди ночной тишины. Жутко даже становится, слушая эту музыку. Кто это? А вотъ спросите у зайчишки-горюна, кто это задаетъ такіе концерты, онъ вамъ и скажетъ, что это одинъ изъ его лютыхъ враговъ—Дядя Филинъ.

Дядя Филинъ—птица серьезная, хмурая. День онъ просиживаетъ въ какомъ-нибудь глухомъ, темномъ мѣстѣ, а ночью вылетаетъ на добычу. Глаза у него устроены такъ, что днемъ онъ видитъ совсѣмъ плохо, зато въ сумерки и ночью превосходно.

Выберется Дядя Филинъ въ сумерки изъ своего убѣжища, расправитъ крылья и отправится за добычей: притаится гдѣ-нибудь въ засадѣ, сидитъ, поджидаетъ, не набѣжитъ ли на него зайчишка.

А то начнетъ онъ выслѣживать по слѣду, точно гончая собака, того же зайчишку,—тетерева или мышку и ужъ не упуститъ своей добычи.

Ночью Дядя Филинъ закуситъ молодымъ зайченкомъ, усядется на высокую старую сосну и заведетъ свой концертъ: у-у-у-у-у... Стонъ по всему лѣсу идетъ отъ дикой пѣсни Дяди Филина, а онъ доволенъ, самъ себя похваливаетъ.

Весна идетъ.

Пригрѣло солнышко, закапало съ крышъ. „Чивить, чивить“, перекликаются воробьи: „солнышко пригрѣло, весна близко.“

„Весна близко, весна близко“, каркаетъ ворона: „знаю я и безъ васъ воробьиный народъ, что весна близко, чего разшумѣлись?“

„Радуемся, тетушка, отзываются воробьи: больно ужъ плохо намъ зимою приходится и мерзнемъ мы и голодаемъ.“

„Ишь нѣженки! Тоже подумаешь райскія птицы какія: холода боятся, а мнѣ такъ и холодъ и голодъ нипочемъ, я ко всему привыкла“, каркнула ворона и полетѣла по своимъ дѣламъ.

А воробьи не унимаются: радуются, что обогрѣло ихъ хоть немного ласковое солнышко.

Весною въ лѣсу.

I.

Долгая была зима—снѣжная, морозная, да кончилась она наконецъ—пришла ей на смѣну весна. Пришла не сразу, не въ одинъ день, а медленно, шагъ за шагомъ.

Стало сначала пригрѣвать теплое солнышко, заголубѣло небо, сталъ таять снѣжокъ на солнечномъ пригрѣвѣ. Еще черезъ нѣсколько деньковъ: уже журчатъ ручейки.

День за днемъ, безъ устали работаетъ солнышко: вотъ кое-гдѣ и совсѣмъ сошелъ снѣгъ—зачернѣла земля. Дальше—больше. А тамъ смотришь—потянулась изъ земли и молодая шелковистая травка.

Но въ лѣсу еще солнышку работы много: тамъ снѣгу цѣлые сугробы бѣлѣютъ, заслоняютъ ихъ своими вѣтвями высокія сосны и раскидистыя ели. Но солнышко не дремлетъ: лучъ за лучемъ посылаетъ оно въ самую глубь лѣса, и мало по малу дѣлаетъ свое дѣло.

II.

Не дремлетъ солнышко: исчезаютъ снѣжные сугробы, и вотъ межъ побурѣвшихъ прошлогднихъ листьевъ мелькнули первые весенніе цвѣточки—голубенькіе подснѣжники. А на деревьяхъ набухаютъ смолистыя почки: еще нѣсколько деньковъ и развернулись онѣ въ молодые, сморщенные листочки.

Выпрыгнула бѣлочка изъ своего дупла, усѣлась на солнышкѣ—жмурится: хорошо, что кончилась зима, кончились морозы! Выбѣжалъ на полянку и зайчишка косоглазый—худой, тощій.—Еще бы: плохо жилось ему зимой.

Отцвѣли голубенькіе подснѣжники. Насмѣну имъ явились желтенькіе цвѣты первоцвѣта, а тамъ смотришь вылѣзли изъ земли свернутые въ трубочку листья ландышей.

Ожила, зашевелилась и разная мелкая братія: появились букашки да козявки, засновали хлопотливые труженики муравьи—тащутъ, кто что можетъ, въ свой родной муравейникъ.

Ласково покачиваются молодые березки, трепещутъ стройныя осинки, привѣтливо шелестятъ старыя сосны—точно приглашаютъ: милости молъ просимъ къ намъ: всѣмъ найдется мѣсто въ зеленомъ лѣсу.

Мишинъ ручей.

Подошла весна. Солнышко ярко свѣтитъ и грѣетъ, и снѣгъ ярко блеститъ. Какой рыхлый онъ сдѣлался. Миша залѣзъ въ сугробъ и провалился, да еще ноги промочилъ, потому что подъ снѣгомъ была вода.

А на дворѣ вездѣ лужи. Снѣгъ таетъ на крышахъ и льется вода на землю. А воробьи какъ чирикаютъ, какъ обрадовались свѣту и теплу!

Возлѣ самаго дома сдѣлался ручей. Вытекалъ онъ изъ большущаго сугроба, который лежалъ за кухней. Все больше и больше воды набиралось въ ручей.

Весело было Мишѣ играть у этого ручья. Пуститъ онъ въ ручей щепочку, да и смотритъ, что будетъ. А щепочка покружится на одномъ мѣстѣ и понесетъ ее водой. Вотъ доплыла она до кочки.

Бурлитъ у кочки вода, клокочетъ и щепку крутитъ. Щепка крутится на одномъ мѣстѣ, держитъ ее кочка. Миша взялъ палочку и протолкнулъ щепку дальше. Опять поплыла щепка, а Мишѣ кажется, что это лодка.

Своя мельница.

На дворѣ становилось теплѣе и теплѣе. Потекли ручейки. Всѣ дѣти выбѣжали на улицу. Копошатся у воды: кто съ лопаткой, кто съ палкой. Одни пропускаютъ ручьи, другіе дѣлаютъ запруды, третьи строятъ мосты, кто на что гораздъ.

Сережа сталъ строить мельницу. Взялъ палочку, придѣлалъ къ ней лучинки-крылья и положилъ поперекъ ручейка. Вода въ ручьѣ течетъ, задѣваетъ крылья и вертитъ. Настоящее колесо на мельницѣ! Дѣти кругомъ прыгаютъ.

Прицѣпилъ Сережа къ колесу ниточку, а къ ниточкѣ привязалъ щепку и пустилъ. Колесо вертится, ниточка наматывается, щепка, что лодка, тихо подымается вверхъ по ручью. Молодецъ Сережа!

Первая Муха.

Солнышко день-ото-дня пригрѣваетъ все сильнѣе и сильнѣе: бойчѣе журчатъ ручейки, показались на поляхъ проталины.

Заглянулъ веселый солнечный лучъ въ пыльный уголъ большой комнаты и разбудилъ зазимовавшую тамъ муху. Выползла она сонная, вялая, вся въ пыли и паутинѣ. Прилетѣла на окошко, обогрѣлась на солнышкѣ, ожила немножко.

„Муха, посмотри-ка, мамочка, муха!—закричали радостно дѣти, увидя муху: Ахъ, милая, хорошая муха! Ты тоже весну чувствуешь? Ну, теперь, значитъ, скоро тепло наступитъ.“

„Ахъ, славная мушка, нужно дать ей немножко сахару, пусть она покушаетъ, а то вѣдь она, вѣроятно, всю зиму ничего не ѣла.“

Прислушивается муха къ словамъ дѣтей и ушамъ своимъ не вѣритъ. Что за диво такое: осенью ей отъ людей житья не было. „Это, вѣрно, потому, что я первая появилась,“ рѣшила, наконецъ, муха. И она, конечно, была права.

Ручей.

Разшумѣлся, разбурлился ручей: выступилъ онъ изъ береговъ и разлился—куда—до самыхъ старыхъ вербъ, точно настоящая рѣка.

Шумитъ, бурлитъ ручей, хвастается: „Вотъ я какой сталъ! Со мною теперь шутки плохи: все снесу, смою, съ корнемъ выворочу... Эй, берегись, уходи съ дороги!..“

Снесъ ручей мостикъ, что черезъ него возлѣ деревни перекинутъ былъ и еще пуще расхвастался: „Пусть-ка теперь попробуютъ черезъ меня на ту сторону перебраться! Небось не посмѣютъ!..

Подступаетъ ручей къ самымъ старымъ ивамъ, грозитъ, похваляется: — „Вотъ сейчасъ и васъ я съ корнемъ вырву, стали на пути и мѣшаете мнѣ привольно разлиться! Ну-ка сторонитесь лучше!“ А старыя ивы только качаютъ вѣтвями.

Не хвались больно, не первый годъ мы на свѣтѣ живемъ, не первый годъ съ тобою знакомы, насъ не запугаешь... Мы вотъ поглядимъ, да подождемъ, что съ тобою черезъ недѣльку—другую будетъ.

И вѣрно. Прошла недѣлька, другая — глядь, а ручья и узнать нельзя: убыла въ немъ вода, присмирѣлъ, притихъ—не слышно его совсѣмъ.

Грачи прилетѣли.

Тепло стало на солнышкѣ! Съ крышъ такъ и каплетъ. Снѣгу все меньше и меньше на поляхъ. Вотъ показались черныя прогалины. „Земля, земля!“ кричатъ дѣти: „пришла весна!“

А вотъ и грачи прилетѣли! Одинъ, два. Заграяли. Скачутъ по грязнымъ дорогамъ. Пора! Тамъ много зернышекъ обтаяло: есть, что поклевать.

Вотъ налетѣли грачи на сосѣднюю березу, захлопотали у своихъ старыхъ гнѣздъ. Подняли крикъ, затѣяли ссоры, бранятся, дерутся. Кто посильнѣе, старыя гнѣзда занимаетъ; кто послабѣе, строитъ себѣ новое. Не нарадуются дѣти: тепло пришло.

Мать и мачеха.

Совсѣмъ еще недавно стоялъ снѣгъ, и только кое-гдѣ на солнечномъ пригрѣвѣ пробивается зеленая травка. А вотъ на черной, влажной землѣ мелькнулъ желтенькой звѣздочкой одинъ изъ первыхъ весеннихъ цвѣточковъ—мать и мачеха.

„Раненько ты на свѣтъ Божій выглянулъ,—сказалъ важно разгуливающій по полю черный степенный грачъ,—вѣдь того и гляди, холода еще наступятъ опять“.—„Ничего,—отозвался желтенькій цвѣтокъ, я не боюсь стужи и холодовъ“.

„Такъ, такъ,—крякнулъ грачъ: а скажи-ка ты мнѣ, пожалуйста, почему это у тебя такое странное названіе „мать и мачеха?“ — „Если хочешь, я тебѣ разскажу, въ чемъ дѣло“,—отозвался желтенькій цвѣтокъ.

„Видишь ли: сейчасъ изъ земли выглянулъ только мой стебелекъ безъ листьевъ и земли. Когда же я отцвѣту, вмѣсто меня изъ земли появятся мои листья, нижняя сторона которыхъ покрыта нѣжнымъ, мягкимъ бѣлымъ войлочкомъ, верхняя же зеленая, глянцевая, холодная, точно клеенка.

Давнымъ-давно замѣтили это люди и сказали: „Какой у этого цвѣтка листъ странный: съ нижней стороны—точно мать нѣжно, ласково приголубитъ и пригрѣетъ, съ верхней же точно мачеха — холодное слово скажетъ.“ И прозвали они меня поэтому „мать и мачехой.“

Въ огородѣ.

I.

Весна шла быстрыми шагами. Солнышко такъ и пригрѣвало оттаявшую землю. Огородъ, заглушенный сухимъ бурьяномъ и сорной травой, началъ принимать веселый видъ. Вездѣ показалась свѣтлая весенняя зелень, точно развертывался дорогой бархатный коверъ.

Поднималась молодая крапива, чертополохъ, репей, лебеда. Всѣ эти сорныя травы росли съ необыкновенной быстротой, какъ будто стараясь перегнать другъ друга. Скоро выглянулъ желтый глазокъ одуванчика и крикнулъ: „Здравствуйте, братцы!..“

Одуванчикъ былъ славный малый, а главное, ни съ кѣмъ не ссорился. Растетъ себѣ и радуется. Его всѣ любили, а особенно серебристая лебеда, тоже скромная и безобидная травка. Они такъ и росли вмѣстѣ, какъ братъ съ сестрой.

„Ты меня любишь, лебеда?“—шопотомъ спросилъ одуванчикъ вечеромъ складывая свой полный цвѣточекъ. „Ахъ, я очень, очень люблю!..“—признавалась тоже шепотомъ лебеда, опуская свои зеленые листочки, точно посыпаные серебряной мукой.—„Вы такой вѣжливый одуванчикъ, не то, что репей или чертополохъ.“

Пока грядки были не вскопаны, въ огородъ заходила разная скотина. Коровы не трогали сорной травы, а только пощипывали зеленую травку. Но когда забрался козелъ, то прямо попалъ въ репей и съѣлъ у него цѣлый листъ. „Ахъ, какой Вы невѣжа“!—бранился репей...

II.

Скоро земля совсѣмъ оттаяла, и въ огородъ пришла хозяйка, низенькая старушка въ темномъ платочкѣ. Посмотрѣла, посмотрѣла кругомъ и говоритъ: „Пора гряды копать...“

А потомъ покачала головой старушка и сказала: „Откуда только берется сорная трава? И когда она только успѣла вырасти! Никому-то она не нужна...“

Репей обидѣлся на старушку за всѣхъ товарищей.—„Вотъ тоже выдумала: никому не нужна!.. Это мы-то не нуж-

ны. Вотъ тебя, старушонка, не будетъ, а мы все-таки будемъ расти.“

На другой день старушка опять явилась въ огородъ и привела съ собой внучку Машу. Начала бабушка съ внучкой гряды копать. Бабушка кряхтитъ, кряхтитъ, едва полъ-гряды вскопаетъ, а у внучки ужъ цѣлая гряда готова.

„Ай, да внучка! Ай, да умница!“—похваливаетъ старушка. Маша смѣется. Копаетъ, да еще пѣсни поетъ. Не работа, а забава. Дней въ пять все было кончено.

III.

Посмотрѣла Маша на свою работу, полюбовалась и говоритъ: „А что, бабушка, у тебя вонъ тамъ мѣсто подъ заборомъ даромъ пропадаетъ? Вотъ бы малины посадить, да крыжовнику, да смородины... Очень ужъ я малину люблю, бабушка.“

„Такъ, внучка, такъ, милая... И въ самомъ дѣлѣ, посадимъ-ка малину, да смородину, да крыжовнику. Которую ягоду сами съѣдимъ, а которую на базарѣ продадимъ...“

Маша вдоль забора накопала ямъ и принялась разсаживать въ нихъ кусты. Отъ этой работы больше всего досталось кропивѣ.—„Что же это такое,—кричала она на весь огородъ,—этакъ и совсѣмъ житья не будетъ!.. Караулъ!..“

Въ отчаяньи она нѣсколько разъ пребольно ужалила бѣлыя руки бойкой внучки. „Ахъ, проклятая кропива, какъ она больно жжется!“ жаловалась Маша, помахивая рукой.

Черезъ недѣлю огородъ и узнать было нельзя. Бабушка съ внучкой поработали и засадили всѣ гряды. Гдѣ горохъ, гдѣ бобы, гдѣ рѣпа, гдѣ морковь, гдѣ лукъ, гдѣ капуста. Любо—дорого смотрѣть!

Горе скворчиковъ.

I.

Летятъ скворчики стайкой надъ вспаханными нивами, надъ безлистыми еще лѣсами, перекликаются.—„Поторапливайтесь, братцы, поторапливайтесь! Глядите-ка—весна совсѣмъ на дворѣ, а дѣла-то у насъ вѣдь впереди еще не мало: гнѣздышко вить надо, пуху, порышекъ, соломки натаскать“.

„Намъ о гнѣздышкѣ заботиться не нужно, отзывается пара скворчиковъ: мы уже два года, какъ поселились въ скворечницѣ, что пристроена на старой березѣ. Тамъ такъ хорошо и уютно! И гнѣздышко прошлогоднее, вѣрно, цѣло!

Разлетаются скворчики парочками въ разныя стороны. И наша парочка завидѣвъ деревеньку Кривулевку, отбилась отъ стайки и полетѣла къ знакомой избушкѣ мужика Якова: возлѣ нея росла старая береза, на которой прилажена была для нихъ скворечница.

„Вотъ мы сейчасъ и дома, чирикаютъ весело скворчики, отдохнемъ послѣ долгой дороги, устроимся по старому, прошлогоднему и заживемъ привольно...“

II.

Прилетѣли скворчики къ избушкѣ Якова, усѣлись на соломенную крышу, оглянулись, и глазками даже захлопали отъ изумленія. Что же это такое? Ужъ не ошиблись ли они? Все, кажись, тоже самое,—только нѣтъ старой березы съ скворечницей. Что за диво такое?!

Услышалъ чириканье скорчиковъ Яковъ, вышелъ изъ избы, заслонилъ глаза отъ солнца, поглядѣлъ на скворчиковъ, покачалъ головой.—„Ахъ вы мои сердечные!.. Вернулись къ старому жилью, а жилья то самаго и нѣтъ...

Согрѣшилъ я передъ вами: пришлось срубить мнѣ старую-то березу: и не хотѣлось, а пришлось. Хотѣлъ я взамѣнъ того на шестѣ для васъ скворешню устроить, да все некогда было. Жаль мнѣ васъ сердечные, да и мнѣ веселѣе было, какъ вы возлѣ избы кружились да перекликались.

А скворчики посидѣли, посидѣли на крышѣ, почирикали печально,—да видятъ, что печалью-то горю не пособишь, вспорохнули и полетѣли дальше искать себѣ новаго мѣстечка, чтобы гнѣздышко свить, да дѣтокъ вывести.

Первыя пчелки.

Ярче, теплѣе пригрѣваетъ солнышко. Снѣгъ давнымъ-давно исчезъ и изъ подъ бурой, прошлогодней травы и листьевъ выглянули усики молоденькой зеленой травки. На солнечномъ пригрѣвѣ у забора потянулась изъ земли злюка

крапива, выглянулъ и сморщенный, точно паутиной обтянутый листъ лопуха.

Зашевелились и пчелки въ своемъ ульѣ: „Кажись уже и намъ можно вылетѣть, посмотрѣть, не пора ли за работу приниматься...“ Нашлось нѣсколько пчелокъ посмѣлѣе, вылетѣли онѣ изъ улья и полетѣли въ разныя стороны. Летятъ,—поглядываютъ: не попадается ли имъ какой-нибудь весенній цвѣтокъ.

Вотъ на опушкѣ перелѣска межъ бѣлоствольныхъ березокъ мелькнулъ голубенькій цвѣточекъ — подснѣжникъ. Обрадовалась замѣтившая его пчелка, опустилась на цвѣтокъ, жадно отыскивая сладкій сокъ.

Но хоть и ласково и тепло пригрѣваетъ солнышко, не рѣшились пчелки летѣть далеко. Вернулись пчелки обратно въ улей, весело, радостно разсказываютъ:—„расцвѣли уже первые цвѣточки, скоро зацвѣтетъ черемуха, яблони, вишни... То-то будетъ раздолье“!..

Первая бабочка.

Вылетѣла бабочка, разбуженная ласковымъ лучемъ весенняго солнышка и полетѣла къ полю. Летитъ бабочка, думаетъ о цвѣткахъ, у которыхъ можно будетъ сладкаго соку напиться.

Но цвѣтковъ, какъ ни присматривалась она, нигдѣ не видно. Снѣгъ только что сошелъ, травка еще не зазеленѣла и поле было желто-бурое, печальное, унылое.

Летитъ дальше бабочка и чувствуетъ, какъ слабѣютъ ея крылышки. Обезсилѣла бабочка, усѣлась на стволъ березки, расправила крылышки.—„Погрѣюсь, думаетъ она, на солнышкѣ, а тамъ будь, что будетъ.“

Грѣется на солнышкѣ усталая бабочка и видитъ, какъ по бѣлой корѣ березки медленно сочится прозрачная капелька.—„Напьюсь хоть росы,“ сказала бабочка и приникла къ прозрачной капелькѣ. Попробовала—и удивилась: что за чудо такое—отчего эта роса такая сладкая?

А березка тихо шепчетъ ей: „Это не роса. Обломали вчера у меня вѣточку—и теперь сочится изъ ранки моя бѣлая кровь—сладкій прозрачный сокъ.“

Напилась бабочка сладкаго березоваго соку, весело взмахнула крылышками и улетѣла кружиться въ ласковыхъ солнечныхъ лучахъ.

Скромный цвѣтокъ.

Изумруднымъ ковромъ зазеленѣла травка-муравка. И вотъ на опушкѣ, среди пней и кочекъ, бѣлыми звѣздочками мелькнули скромненькіе цвѣточки. Приникли они къ землѣ, притаились среди своихъ темно-зеленыхъ листьевъ и радостно глядятъ въ темно-голубое небо.

Много разныхъ цвѣтовъ росло на опушкѣ, одинъ за другимъ развертывали они свои яркіе пестрые лепестки, тянулись къ живительнымъ лучамъ солнца.

Переговариваются цвѣты, похваляются другъ передъ другомъ своимъ красивымъ нарядомъ. Одни только бѣленькіе цвѣточки молчатъ, и попрежнему скромно выглядываютъ изъподъ своихъ зеленыхъ листьевъ.

„А вы что же молчите, тихони?—спрашиваетъ ихъ красная гвоздика: представьте, я даже не знаю, какъ и звать-то васъ...“—„Мы... мы—цвѣтки земляники...“ скромно отозвались бѣленькіе цвѣточки и потупили головки.

„Земляника... Вотъ названье!“ замѣтила небрежно гвоздика: родилась я въ лѣсу, а о васъ ничего не слышала“. „А мы слышали, а мы знаемъ, зачирикали вдругъ двѣ птички: мы знаемъ, что скоро вмѣсто этихъ цвѣтковъ, будутъ вкусныя сладкія ягодки...“

Аисты прилетѣли.

Изъ-за теплыхъ морей, изъ далекихъ странъ прилетѣли аисты длинноногіе, важные, степенные. Ходятъ они по болоту, зорко приглядываются да присматриваются: не попадется ли имъ на обѣдъ лягушка-квакушка.

А лягушки-квакушки сидятъ ни живы, ни мертвы, притаясь подъ кочками да корягами. „И зачѣмъ только прилетаютъ сюда эти аисты длинноногіе, вздыхаютъ лягушки-квакушки: жили бы они себѣ тамъ за теплыми морями.“

Охаютъ лягушки-квакушки. Да и какъ же имъ не охать: аисты-то длинноногіе не даромъ по болоту разгуливаютъ:

ихъ же, лягушекъ-квакушекъ, они высматриваютъ. Чуть которую запримѣтятъ—цапъ! — ухватятъ длиннымъ клювомъ, и поминай какъ звали!

Какъ ни стараются лягушки прятаться, а глядишь—перехитритъ ихъ аистъ: изъ самаго, кажись, надежнаго убѣжища вытащитъ, проглотитъ, крякнетъ отъ удовольствія и скажетъ: „А ну-ка, поищемъ еще одну!“

Страшная тѣнь.

Хорошо въ лѣсу весеннею порою: сколько шуму, пѣсенъ, сколько гомону! Въ зелень яркую березки нарядилися, веселѣе смотрятъ сосны хмурыя, тихо шепчутся раскидистыя елочки.

На зеленой полянкѣ, подъ березкой бѣлоствольною, забавляются зайчата: играютъ длинноухіе, другъ за другомъ взапуски гоняются. Шумно, весело проводятъ время куцые. Не нарадоваться имъ на солнышко весеннее, не натѣшиться на зелень изумрудную.

Расшумѣлись, расшалились длинноухіе, черезъ кочку прыгать приготовились. Вдругъ притихли, испугались, къ чащѣ лѣса разомъ бросились.

Что случилось, приключилось, что смутило радость заячью? Ничего какъ будто страшнаго: промелькнула тѣнь лишь по низу, тѣнь большая, будто облачко.—„Эхъ вы, трусы, длинноухіе,—вслѣдъ смѣется зайцамъ квакушка: испугались тѣни, куцые! ну и храбрый же народецъ вы...“

„Говори, что хочешь, квакушка! Пусть мы будемъ трусы жалкіе, смѣйся, если тебѣ весело, только жить намъ тоже хочется“—отозвался изъ-подъ елочки притаившійся тамъ куцый: „Тѣнь-то чья была?—орлиная! То-то, квакушка, ты глупая. А съ орломъ вѣдь шутки скверныя!“

Уточки.

Высидѣла утка дѣтенышей. Всѣ желтенькіе, носики у нихъ плоскенькіе, хвостики крошечные, лапочки перепончатыя. Вышли изъ яицъ утеночки, подъ крыломъ матери обогрѣлися, пушокъ желтенькій порасправили, въ прудъ за матерью пустилися.

Учитъ ихъ старая утица водяныхъ жучковъ ловить, мелкую рыбку хватать, внизъ головой нырять. Дѣтки понятливыя, догадливыя, по пруду плывутъ—не шелохнутся, увидятъ жучка, въ водѣ кувырнутся, только лапочки желтенькія кверху торчатъ, да хвостики пошевеливаются.

Понапилися утятки, понаѣлися, крылышки ихъ маленькія поустали, лапочки перепончатыя захолодали. Плыветъ къ нимъ батюшка ихъ селезень, крылышки расписныя, головка съ хохолкомъ, перышки на шейкѣ цвѣтистыя.

Плавно плыветъ, дѣтокъ съ собой зоветъ: перышки на солнышкѣ посушить, желтенькія лапочки порасправить, сладкую земляничку поглотать, зеленую травку пощипать.

Вышелъ на берегъ селезень, отряхивается, важно по лугу выступаетъ, зорко всюду поглядываетъ; за нимъ сѣрая утица утенятъ ведетъ, съ лапки на лапку переваливается, съ утенятами перекликивается.

---

2. Для средней школы.

А.

М а т ь.

Н. В. Гоголь.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ: она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.

Она вскормила ихъ собственною грудью; она взрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой. — „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ говорила она, и слезы останови-

лись въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея.

Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ,—все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея,—берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда!

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ.

Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше.

День въ Обломовкѣ.

И. А. Гончаровъ.

I.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семъ лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ.

Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ. удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ его къ матери.

Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки; спросила, не болитъ ли что-нибудь; разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару?

Потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала

она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

„Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?“ вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.—„Пойдемъ, душенька“, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова. Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу.

II.

Илюша ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ шатающимся крыльцомъ и съ запущеннымъ садомъ.

Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ. Онъ уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его.

Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ уже надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ.—Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно!—говорила нянька.

И цѣлый день: и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность.

Не все рѣзвъ однакожъ ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

III.

Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ переталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Илюша видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ, а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ.

Илюша заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли вповалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять.

Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады.

Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, почавкаетъ губами или поворчитъ что-то подъ носъ себѣ, и опять заснетъ.

IV.

Няня усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье.

А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, съ замирающимъ серцемъ взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кру-

гомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ.

Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька.

Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, но онъ боится: тамъ говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри.

Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ съ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху.

V.

Солнце уже опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которыя прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго: онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ.

Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула.

Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно

изъ чудовищъ переходитъ со своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.—Что ты, Богъ съ тобой! Теперь гулять! отвѣчаетъ она:—сыро, ножки простудишь, и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ; онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.—Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

VI.

Иногда Илюша проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ.

Или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться съ мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы.

Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его: онъ крѣпится, крѣпится наконецъ не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ.

Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, а грудь охватило радостью—онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ.

Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ—мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣгу,—онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ...

Дѣтство.

Л. Н. Толстой.

I.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмь-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу!

Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая... лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною.

Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ, но я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.—Ты опять заснешь, Николенька!—говоритъ мнѣ maman, — ты бы лучше шелъ наверхъ. — Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ.

Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

II.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостинной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною, нѣжною ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: — Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.—Вставай же, мой ангелъ! Она другою рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня.

Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:—Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни. — Такъ ты меня очень любишь?—Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея?.. не забудешь, Николенька? Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

Полно! и не говори этого, голубчикъ, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлую ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.

Мама.

Л. Н. Толстой.

Матушка сидѣла въ гостинной и разливала чай. Одной рукой она придерживала чайникъ, другою кранъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на подносъ. Но, хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Когда я вспоминаю матушку такою, какою она была въ это время, мнѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь; родинка на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ вьются маленькія волосики, шитый бѣлый воротничекъ, и нѣжная сухая рука, которая такъ часто меня ласкала и которую я такъ часто цѣловалъ.

Вошелъ Карлъ Ивановичъ и, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головой, какъ будто желая этимъ

движеніемъ отогнать грустныя мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцѣловала его въ морщинистый високъ въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку.

Поздоровавшись со мною, мама взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ; потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала: „ты плакалъ сегодня?“ Я не отвѣчалъ. Она поцѣловала меня въ глаза и по нѣмецки спросила: „о чемъ ты плакалъ?“ „Это я во снѣ плакалъ, мама“, сказалъ я. Карлъ Ивановичъ подтвердилъ мои слова.

Материнская любовь.

А. К. Шеллеръ-Михайловъ.

Помню я до сихъ поръ, какъ въ зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а мать все еще сидитъ и шьетъ, спокойная, безмятежная.

Какъ я любилъ ея кроткое худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ.

Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня или что я не сплю отъ нездоровья.

Я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ.

На каникулахъ.

Е. Чириковъ.

Вдоль плетня по огороду росла высокая, густая кропива. Пыльная, колючая, съ кистями желтыхъ цвѣтовъ, она представлялась большимъ препятствіемъ при прямомъ сообщеніи съ рѣчкой черезъ плетень. Петя считалъ эту кропиву врагомъ и порѣшилъ ее уничтожить.

Изъ Прошекъ, Тришекъ, Мишекъ Петя составилъ воинственную армію, вооружилъ ее деревянными саблями и во-

дилъ сражаться съ кропивой. — Сабли вонъ!—командовалъ Петя.—Наступай!.. И начиналась атака.

Ребята накидывались на крапиву и изо всѣхъ силъ рубили ее своими саблями. Непріятельскія головы такъ и сыпались, такъ и клонились долу подъ ударами храбрыхъ воиновъ и частенько жгли руки своими колючками. Но это только еще сильнѣе воодушевляло бойцовъ.

Колоться? Вотъ ты какъ!.. Такъ вотъ тебѣ! вотъ! вотъ!—кричалъ Петя и отчаянно махалъ на обѣ стороны саблей и ногами топталъ непріятеля.

Армія утомлялась. Потъ градомъ катился съ героевъ, мускулы рукъ начинали ныть, а между тѣмъ непріятель стоялъ еще сплошной стѣной вдоль плетня съ гордо поднятою головою,—и Петѣ вдругъ надоѣдало „сражаться“.—Будетъ, Прошка! Не стоитъ, надоѣло,—лѣниво говорилъ онъ неутомимымъ соратникамъ и валился на траву отдыхать.

На страстной недѣлѣ.

А. П. Чеховъ.

Иди, уже звонятъ. Да смотри, не шали въ церкви, а то Богъ накажетъ. Мать суетъ мнѣ на расходы нѣсколько мѣдныхъ монетъ и, тотчасъ же забывъ про меня, бѣжитъ съ остывшимъ утюгомъ въ кухню. Я отлично знаю, что послѣ исповѣди мнѣ не дадутъ ни ѣсть ни пить, а потому, прежде чѣмъ выйти изъ дому насильно съѣдаю краюху бѣлаго хлѣба, выпиваю два стакана воды.

На улицѣ совсѣмъ весна. Мостовыя покрыты бурымъ мѣсивомъ, на которомъ уже начинаютъ обозначаться будущія тропинки; крыши и тротуары сухи; подъ заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нѣжная, молодая зелень. Въ канавахъ, весело журча и пѣнясь, бѣжитъ грязная вода, въ которой не брезгаютъ купаться солнечные лучи.

Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнуховъ быстро несутся по водѣ, кружатся и цѣпляются за грязную пѣну. Куда, куда плывутъ эти щепочки? Очень возможно, что изъ канавы попадутъ онѣ въ рѣку, изъ рѣки въ море, изъ моря въ океанъ... Я хочу вообразить себѣ этотъ длинный, страшный путь, но моя фантазія обрывается, не дойдя до моря.

Проѣзжаетъ извозчикъ. Онъ чмокаетъ, дергаетъ вожжи

и не видитъ, что на задкѣ его пролетки повисли два уличныхъ мальчика. Я хочу присоединиться къ нимъ, но вспоминаю про исповѣдь, и мальчишки начинаютъ казаться мнѣ величайшими грѣшниками.

Церковная паперть суха и залита солнечнымъ свѣтомъ. На ней ни души. Нерѣшительно я открываю дверь и вхожу въ церковь. Тутъ, въ сумеркахъ, которыя кажутся мнѣ густыми и мрачными, какъ никогда, мною овладѣваетъ сознаніе грѣховности и ничтожества.

Къ заутренѣ.

Д. В. Григоровичъ.

Было около десяти часовъ ночи, когда прозвучалъ первый ударъ колокола. Въ эту минуту, за пять верстъ въ окружности, въ самыхъ дальнихъ лачужкахъ, все разомъ встрепенулось и сотворило крестное знаменіе. То же самое сдѣлалъ пахарь Андрей—изъ Выселокъ, лежавшій въ какомъ-то забытьѣ на своей печкѣ.

Андрей поднялся на ноги, провелъ ладонью по лбу и бережно подошелъ къ печкѣ. Мѣрное, легкое дыханіе, раздававшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его; онъ вернулся къ свѣтцу, взялъ лучину и, заслоняя свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ.

Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырехъ; подложивъ обѣ ручки подъ щечку, слегка закраснѣвшуюся, пригнувъ худенькія, длинныя ножки къ локтямъ, она казалась миловидною даже подъ лохмотьями.

Замѣтивъ, что свѣтъ безпокоилъ сонъ ребенка, Андрей поспѣшно отвелъ руку съ лучиной за уголъ, потомъ нагнулся къ лицу дѣвочки и, прикоснувшись слегка къ плечу ея, произнесъ нерѣшительно:—Проснись, Ласточка... слышь, благовѣстятъ... пора къ заутренѣ...

Она медленно протянула ножки и вздохнула; вслѣдъ затѣмъ, не открывая глазъ, перевернулась она на спину, закинула тоненькія свои ручки за голову и снова вздохнула. Секунду спустя, ровное дыханіе ребенка извѣстило Андрея, что Ласточка заснула еще крѣпче прежняго.

Ему стало жаль будить ее. Спустившись наземь, Андрей

снялъ съ шестка старый зипунъ, влѣзъ на печь, завернулъ въ него дѣвочку и, уложивъ ее между своею овчинкою и грудью, сошелъ на полъ. Онъ погасилъ лучину и вышелъ на улицу, плотно заперевъ за собой калитку.

Слѣпой.

В. Короленко.

I.

Однажды слѣпой мальчикъ Петрикъ былъ одинъ на холмикѣ надъ рѣкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращавшагося въ деревню стада долетало сюда. Мальчикъ только-что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера.

Онъ забылся на минуту, когда вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

Мальчикъ! — услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса.—Не знаешь ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ? Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ:—Это я... — Какъ хорошо! — сказала дѣвочка. Слѣпой промолчалъ.

Что же вы не уходите?—спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрошенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.—Зачѣмъ же ты меня гонишь?—спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно - удивленнымъ голосомъ. Онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:—Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ... Дѣвочка засмѣялась.

Мальчикъ, избалованный общей уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:—Уйдите, уйдите, уйдите!...—Ахъ, какой гадкій мальчикъ!—услышалъ онъ за собой искренно негодующее замѣчаніе.

II.

Дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый день Петрусь услышалъ ея шаги внизу, на берегу рѣки.

Она шла тихо. Послушайте!—окликнулъ онъ, когда она съ нимъ поровнялась:—Это опять вы?—Дѣвочка не отвѣтила. Камешки попрежнему шуршали подъ ея ногами.

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка остановилась. Двѣ-три секунды прошло въ молчаніи. Она перебирала въ это время букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ, а онъ ждалъ отвѣта.—Развѣ вы не видите, что это я?—спросила она, наконецъ, съ большимъ достоинствомъ, покончивъ съ цвѣтами.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпого. Онъ ничего не отвѣтилъ.—Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?..—Іохимъ выучилъ,—отвѣтилъ Петрусь.—Очень хорошо! Только... отчего ты такой сердитый?

Я... не сержусь на васъ,—сказалъ мальчикъ тихо.—Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ...—Я не умѣю играть съ вами,—отвѣтилъ онъ, потупившись.—Не умѣешь играть?.. Почему?—Такъ,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Незнакомка поднялась на холмикъ.—Какой ты смѣшной!—заговорила она, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ.—Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной не знакомъ. Вотъ, узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Мечты и фантазіи.

В. Г. Короленко.

Нашъ уголокъ двора представлялъ много привлекательнаго и заманчиваго. Среди садовъ, огородовъ, сараевъ, двориковъ, домовъ и флигелей этотъ уголокъ вырѣзался какъ-то такъ удобно, что никому и ни на что не былъ нуженъ; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушалъ здѣсь нашего одиночества.

Середину этого уголка, занимала большая мусорная куча. На вершинѣ ея валялся старый-престарый кузовъ какого-то фантастическаго рыдвана, какихъ уже не бывало въ дѣйствительности. На немъ все распалось, растрескалось, облупилось, облѣзло, поэтому старый скелетъ легко принималъ въ нашихъ глазахъ всѣ формы, всю роскошь и все великолѣпіе настоящей золотой кареты.

Часто мы съ братомъ удалялись въ этотъ единственный уголокъ, садились въ кузовъ,—и тогда начинались здѣсь чудеснѣйшія приключенія, какія только могутъ постигнуть людей, безразсудно пускающихся въ невѣдомый путь, далекій и опасный, въ такой чудесной и такой фантастической каретѣ.

Мой братъ, по большей части, предпочиталъ болѣе дѣятеляную роль кучера. Онъ бралъ въ руки кнутъ изъ ременнаго обрѣзка, найденнаго въ мусорной кучѣ, затѣмъ серьезно и молча вынималъ изъ кузова два деревянныхъ пистолета, перекидывалъ черезъ плечо деревянное ружье и втыкалъ за поясъ огромную саблю, изготовленную моими руками изъ кровельнаго тесу.

Видъ его, вооруженнаго съ головы до ногъ, настраивалъ тотчасъ же и меня на соотвѣтствующій ладъ, и затѣмъ, усѣвшись каждый на свое мѣсто, мы отдавались теченію нашей судьбы, не обмѣниваясь ни словомъ. Конечно, событія не всегда совпадали съ точки зрѣнія кузова и козелъ, и случалось, я предавался упоенію побѣды въ то самое время, какъ кучеръ чувствовалъ себя на краю гибели... Но это ничему, въ сущности, не мѣшало.

Изрѣдка я принимался неистово палить изъ оконъ, когда кучеръ внезапно натягивалъ вожжи,—и тогда братъ говорилъ съ досадой:—Что ты, ей-Богу... Вѣдь это гостиница... Тогда я пріостанавливалъ пальбу, выходилъ изъ кузова и извинялся передъ гостепріимнымъ трактирщикомъ въ причиненномъ безпокойствѣ, между тѣмъ какъ кучеръ распрягалъ лошадей, поилъ ихъ у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому, отдыху въ одинокой гостинницѣ.

Коля и Колька

Е. Н. Чириковъ.

I.

По снѣжной, безбрежной равнинѣ труситъ пара лошадокъ. Глухо дребезжатъ колокольчики, скрипятъ сани, обтянутыя рогожей, фыркаютъ лохматыя, заиндевѣвшія лошадки... На облучкѣ сидитъ ямщикъ лѣтъ тринадцати—Колька изъ села Ракова.

На головѣ у него отцовская шапка необычайной величины, надвинутая до самыхъ плечъ. Эта шапка сползаетъ на

носъ и закрываетъ Колькѣ глаза, и онъ то и дѣло поправляетъ ее и бранится. На рукахъ у него большія рукавицы, а на ногахъ—громадные валеные сапоги. Сидитъ онъ бокомъ и держитъ въ лѣвой рукѣ возжи, а въ правой кнутъ, длинный, похожій на змѣю...

А въ саняхъ, весь укутанный въ шубы, одѣяла и обложенный подушками, ѣдетъ Коля, гимназистъ второго класса, возвращающійся на рождественскія каникулы въ родной деревенскій домъ, на хуторъ „Отрадное“.

Дѣдушка-морозъ бѣжитъ за санями и безпокоитъ какъ Кольку, такъ и Колю... то щипнетъ онъ Кольку за носъ, то подуетъ ледянымъ дыханіемъ за валеный сапогъ, дернетъ за большой палецъ на рукѣ или заберется за шею и погладитъ по спинѣ.

Колю дѣдушка-морозъ безпокоитъ меньше. Однако, и его не оставляетъ безъ вниманія. Ужъ, кажется, что до Коли нѣтъ никакой возможности добраться,—такъ нѣтъ тебѣ—отыщетъ хитрый дѣдушка гдѣ-нибудь скважинку и начнетъ въ нее подувать...—Колька!... — Чего еще тебѣ?—Подоткни мнѣ сбоку... дуетъ!..—Тпру!..

Колька вскакиваетъ съ облучка, сдвигаетъ съ глазъ шапку и идетъ къ санямъ. Снявъ громадную рукавицу, Колька начинаетъ подтыкать сбоку одѣяла...—Зяблый ты!.. Ладно, что ли?.. Промерзъ!..—Ну, поѣзжай!..—Носъ-отъ спрячь! Пріѣдешь домой безъ носу... Вишь, какой онъ у тебя красный...—Не твое дѣло!.. Поѣзжай!..

Колька надѣнетъ рукавицу, вскочитъ на облучокъ, хлопнетъ длиннымъ кнутомъ и крикнетъ сиплымъ голосомъ:—Нно! лихіе! И опять дребезжатъ колокольчики и скрыпятъ сани, а передъ глазами Коли торчитъ Колька, очень похожій сзади на огородное чучело...

II.

Уже совершенно стемнѣло. Навстрѣчу подуваетъ рѣзкій, рѣжущій лицо вѣтеръ; твердыя снѣжныя крупинки бьютъ въ щеки и колятъ ихъ, какъ острыя иголки. У Коли уже начинаютъ мерзнуть и деревянѣть ноги; онъ старается шевелить ими въ валенкахъ, ничто не дѣйствуетъ. Колька спрыгнулъ съ облучка, хлестнулъ коренного и побѣжалъ рядомъ съ санями.

Дѣдушка-морозъ сердится все сильнѣе. Гуляетъ онъ по

чистому полю безъ пути, безъ дороги, носится злобнымъ вихремъ надъ снѣжными цѣлинами: то поднимется снѣжной пылью высоко вверхъ, засвиститъ, захохочетъ въ придорожныхъ березахъ, то опустится внизъ и помчится по равнинамъ такъ, что только бѣлый дымъ клубится у него подъ ногами...

Колѣ жутко. Того и гляди, выскочитъ откуда-нибудь волкъ: загрызетъ и лошадей и Колю; а то какой-нибудь разбойникъ съ ножемъ нападетъ и убьетъ его... Какъ будутъ плакать тогда милая мамочка, папа, Лева, Боря и Сашурка!.. Небось, и тетя Дуня поплачетъ!..

Коля озирается по сторонамъ и почти увѣренъ, что гдѣ-нибудь, близко непремѣнно спрятался и караулитъ разбойникъ, либо волкъ... Моментами Колѣ чудится, что у березы что-то шевелится. Коля закрываетъ глаза и думаетъ: „Что будетъ, то и будетъ... Господи!“—Нно лихіе!

Коля открываетъ глаза и видитъ, что Колька попрежнему сидитъ на козлахъ. „Слава Богу!“ мысленно произноситъ Коля и спрашиваетъ:—А ты не боишься?—Чего?—Волкъ нападетъ...—Какіе тутъ волки?.. Да коли онъ услышитъ колоколецъ, убѣжитъ окаянный!..—А можетъ напасть разбойникъ...—Разбойникъ?!.. Окстись! Какіе тутъ разбойники?! Тутъ все хорошіе люди проживаютъ...

III.

Небеса темныя, облачныя... Коля ничего не видитъ: впереди колыхается темная спина Кольки. Колѣ чудится, что онъ плыветъ въ какомъ-то темномъ пространствѣ; что вотъ-вотъ, лошади ступятъ въ раскрывшуюся передъ ними пропасть и все—и сани, Коля, и Колька, и лошади—стремглавъ полетятъ внизъ...

Вдругъ впереди моргнулъ красноватый огонекъ, другой, третій... Неужели это „Отрадное“?!.—Ямщикъ! что это свѣтитъ?.. съ замираніемъ сердца спрашиаетъ Коля.—Чего?.. Извѣстно—огонь! не понимаетъ безтолковый Колька.—Я спрашиваю какое село?..—Не село... Это, „Отрадное“!..

Коля радостно вздрагиваетъ, его сердчишко начинаетъ безпокойно колотиться, и невольная улыбка шевелитъ ему застывшія губы... Теперь Колѣ уже не холодно, а жарко; онъ ерзаетъ на мѣстѣ, вытягиваетъ шею и смотритъ на под-

мигивающіе огоньки. Одинъ изъ этихъ огоньковъ непремѣнно у нихъ въ домѣ...

Вотъ и „Отрадное“! Знакомый оврагъ, мостъ... На мельницѣ огонекъ свѣтитъ. А на горѣ—господскій домъ!.. Ворота распахнуты настежь, словно приготовлены для Колиной встрѣчи. „Лихіе“ вбѣжали во дворъ, и какъ Коля рисовалъ себѣ картину своего пріѣзда, такъ оно и вышло.

По двору поднялась бѣготня; Гаврила, Михайла, Парашка—бѣгаютъ, какъ угорѣлые, и кричатъ что-то. Собаки визжатъ и лаютъ отъ радости. На крыльцо выскочила Дуня со свѣчой въ рукахъ, но вѣтеръ задулъ свѣчу... Въ окнахъ дома—бѣгаетъ огонекъ... „Кто это тамъ съ лампой въ рукѣ?.. Господи, да это мамочка!!“

Спустя минутку Коля—за круглымъ столомъ, на которомъ пыхтитъ громадный самоваръ, такой знакомый, родной, что обнять его хочется... Вокругъ все дорогія лица... Господи! сколько радости, поцѣлуевъ, смѣха, распросовъ, разсказовъ, новостей!.. Кажется, въ цѣлый годъ не перескажешь!..

Дядя и племянникъ.

Д. В. Григоровичъ.

I.

Въ самой глухой, отдаленной чащѣ „Троскинскаго“ осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимою засѣкой. Наступала пора зимняя, холодная; мужикъ припасалъ топливо.

Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой кляченкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревьевъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣнчанную галочьими гнѣздами.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая; на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревьевъ попадали и влажными грудами устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревьевъ: мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости.

Въ сторонѣ яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не

отдавалось кваканье зеленой лягушки; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными косматыми травами.

Вдалекѣ ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада; кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка, ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

II.

...Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися навстрѣчу галками

И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ.—Эй, Ванюшка! Ишь, куда забрался! Того и гляди вѣтромъ снесетъ. Ступай наземь!—Незамай, дядя Антонъ,—откликался парнишка,—небось, не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Такъ повторялось неоднократно, пока, наконецъ, возъ не наполнился до верху хворостомъ.

— Ахъ ты, баловень!—закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину.—Долго ли говорить тебѣ? Слѣзай! Вотъ я те, озорника, поартачишься у меня, погоди!..—А вотъ же не слѣзу, коли такъ,—отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.—Не слѣзешь?.. Ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть те ѣдятъ волки...

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка: онъ обхватилъ ручонками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься наземь.—А бить станешь?—вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.—Ну, ну, слѣзай, знай, слѣзай...—Взаправду не станешь?..—Говорятъ, не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.—И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?—Ладно, ладно,

ступай только.—Не обманешь?—Экой пострѣлъ, прости, Господи! Говорю посажу,—чего еще?

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ, подлѣ дяди.

Бѣжинъ лугъ.

И. С. Тургеневъ.

I.

Я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Звѣздочки замелькали,—около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги.

Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ и уже собирался было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной. Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину.

Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; и прямо подо мною, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга... Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня.

Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительвые крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ. Это были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ.

II.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ.

Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ; острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ.

Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая, съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась.

Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса.

Темное чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный, и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума...

Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

III.

Мальчики сидѣли вокругъ огня и мирно разговаривали. Вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи.

Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!“... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека...

Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади: круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое?—спросили мальчики.—Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:—такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ,—прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.

М у м у.

И. С. Тургеневъ.

Дѣло было къ вечеру. Герасимъ шелъ тихо вдоль Москвы-рѣки и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго, съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды.

Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собачонку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ въ пазуху и пустился большими шагами домой.

Онъ вошелъ въ свою каморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать.

Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась. Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку.

Собачка вдругъ стала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ глядѣлъ, глядѣлъ да какъ засмѣется вдругъ... Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ, наконецъ, самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ тихимъ сномъ.

Кусака.

Л. Андреевъ.

I.

На одну зиму бездомная собака поселилась подъ террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и безкорыстно сторожила ее, выбѣгала по ночамъ на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улегшись на свое мѣсто, она все еще злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало нѣкоторое довольство собой и даже гордость.

Наступила весна, и тихая дача огласилась громкимъ говоромъ, скрипомъ колесъ и грузнымъ топотомъ людей, переносящихъ тяжести. Пріѣхали изъ города дачники, цѣлая веселая ватага взрослыхъ, подростковъ и дѣтей, опьяненныхъ воздухомъ, тепломъ и свѣтомъ: кто-то кричалъ, кто-то пѣлъ, смѣялся высокимъ женскимъ голосомъ.

Первой, съ кѣмъ познакомилась собака, была хорошенькая дѣвушка въ коричневомъ форменномъ платьѣ, выбѣжавшая въ садъ. Жадно и нетерпѣливо, желая охватить и сжать въ своихъ объятіяхъ все видимое, она посмотрѣла на ясное небо, на красноватые сучья вишенъ и быстро легла на траву, лицомъ къ горячему солнцу.

Потомъ такъ же внезапно вскочила и, обнявъ себя руками, цѣлуя свѣжими устами весенній воздухъ, выразительно и серьезно сказала. — Вотъ весело-то! Сказала, и быстро закружилась.

И въ ту же минуту беззвучно подкравшаяся собака яростно вцѣпилась зубами въ раздувавшійся подолъ платья, рванула и такъ же беззвучно скрылась въ густыхъ кустахъ крыжовника и смородины.

Ай, злая собака! — убѣгая, крикнула дѣвушка, и долго еще слышался ея взволнованный голосъ: — Мама, дѣти! не ходите въ садъ: тамъ собака! Огромная!.. Злю-у-щая!..

II.

Пріѣхавшіе дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко отъ города, дышали хорошимъ воздухомъ, видѣли вокругъ себе все зеленымъ и голубымъ, дѣлало ихъ еще добрѣе. Сперва они хотѣли прогнать напугавшую ихъ собаку; но потомъ привыкли къ ея лаю по ночамъ и иногда по утрамъ вспоминали: — А гдѣ же наша Кусака?

Кусачка, поди ко мнѣ,—звала Леля къ себѣ. — Ну, хорошая, ну, милая, пойди! Сахару хочешь?.. Сахару тебѣ дамъ, хочешь? Ну, пойди же! Но Кусачка не шла: боялась.

Осторожно, похлопывая себя руками и говоря ласково, Леля подвигалась къ собакѣ и сама боялась: вдругъ укуситъ.—Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенькій носикъ и такіе выразительные глазки. Ты не вѣришь мнѣ, Кусачка?

Кусачка перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная вѣрно, ударятъ ее или приласкаютъ. Но ее приласкали. Маленькая, теплая рука прикоснулась нерѣшительно къ шершавой головѣ и свободно и смѣло забѣгала по всему шерстистому тѣлу, тормоша, лаская и щекоча.—Мама, дѣти! глядите: я ласкаю Кусачку,—закричала Леля.

Когда прибѣжали дѣти, шумныя, звонкоголосыя, быстрыя и свѣтлыя, какъ капельки разбѣжавшейся ртути, Кусака замерла отъ страха. И когда всѣ наперерывъ стали ласкать ее, она долго еще вздрагивала при каждомъ прикосновеніи ласкающей руки, и ей больно было отъ непривычной ласки, словно отъ удара.

Раненый орелъ.

Ѳ. Достоевскій.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ, изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ; кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывих-

нута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь.

Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ уголъ, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла.

Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью. Орелъ защищался изъ всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать.

Скоро всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили и забыли. Однакожъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ.

Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ глазомъ.

На пожарѣ.

А. С. Пушкинъ.

Въ одну минуту пламя охватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались искры, пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлей. Вскорѣ вся деревня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь. Искры полетѣли огненною метелью, избы загорѣлись.

Новое явленіе привлекло всеобщее вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, недоумѣвая, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное съ жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь. Мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаянье.

„Чему смѣетесь, бѣсенята?—сказалъ кузнецъ.—Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а сдуру радуетесь!“ И, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою.

Она поняла его намѣреніе и, съ видомъ торопливой благодарности, уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей слѣзъ внизъ.

Пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ, унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители.

Конь.

М. Ю. Лермонтовъ.

Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою ихъ крики, и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети.

Какъ птица, нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головой; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ...

Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня.

Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу,—смотрю лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагезъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться.

До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ,

что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеза, это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

Обезьяна.

И. С. Тургеневъ.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я да маленькая обезьяна, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаніону. Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, какъ я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. Я бралъ ея руку, и она переставала пищать и метаться.

Капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море. На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику, обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать и опять протягивала мнѣ руку. Погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные. Я улыбаюсь теперь, но тогда во мнѣ было другое чувство. Мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Б.

Утро.

И. С. Тургеневъ.

Я проснулся ранехонько. Солнце только что встало. На небѣ не было ни одного облачка. Все вокругъ блестѣло сильнымъ блескомъ. Я пошелъ побродить по небольшому фруктовому саду.

Ахъ, какъ было хорошо на воздухѣ! Подъ яснымъ небомъ трепетали жаворонки, оттуда сыпался серебряный бисеръ

ихъ голосовъ. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно, всею грудью.

Край неба алѣетъ. Въ березкахъ просыпаются галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣе дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса.

А между тѣмъ заря разгорается. Вотъ уже золотыя полосы потянулись по небу. Въ оврагахъ клубятся пары. Жаворонки звонко поютъ. Предразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплываетъ багровое солнце.

Полдень.

И. С. Тургеневъ.

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было.

Солнце такъ и било съ синяго потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами, на другомъ берегу желтѣло овсяное поле, кой-гдѣ поросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевелился.

Немного пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь.

Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ. Перепела кричали какъ бы нехотя. Ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крыльями и распустивъ хвостъ вѣеромъ.

Вечеръ.

И. С. Тургеневъ.

Уже вечерѣло, солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля.

Мужичекъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошадкѣ по темной, узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно ви-

день, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно-отчетливо мелькали ноги лошадки.

Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу, и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей.

Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толклись столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткою.

Н е б о.

И. С. Тургеневъ.

Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ!

Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается п о д ъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень.

Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плёса, какъ-будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ.

Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака,—и вотъ, вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ—все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби.

Вы не двигаетесь—вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите:—та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку; какъ облака по небу, и какъ-будто

вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше, и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...

Гроза.

Л. Н. Толстой.

До ближайшей деревни оставалось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самого горизонта.

Изрѣдка вдалекѣ вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающійся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Кучера снимаютъ шапки и крестятся; лошади настораживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ.

Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ.

Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣломутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ осинъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу; стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей.

Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гнѣвъ Божій! Какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Гроза.

И. С. Тургеневъ.

Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли.

Я въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться.

Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупные капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги.

Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону,—та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.—Кто это?—спросилъ звучный голосъ.—А ты кто самъ?—Я здѣшній лѣсникъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.—Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу,—отрывисто проговорилъ онъ.—Сдѣлай одолженіе.—Извольте сидѣть. Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись.

Бабушкинъ садъ.

И. С. Тургеневъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже

гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы.

Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, терна, проросшіе снизу вересковъ и зорей.

Лишь кое-гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣшки и свѣтлыми пятнями загорались золотые шарики „куриной слѣпоты“.

Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были потаенныя мѣстечки, извѣстныя только мнѣ одному.

Въ саду.

Гр. Л. Н. Толстой.

Заберешься, бывало, въ яблочный садъ, въ самую середину высокой, заросшей, густой малины. Надъ головой яркое горячее небо, кругомъ блѣдно-зеленая, колючая зелень кустовъ малины, перемѣшанныхъ съ сорною зарослью.

Темно-зеленая крапива, съ тонкою цвѣтущею макушкой, стройно тянется вверхъ, разлапистый репейникъ съ неестественно-лиловыми колючими цвѣтками грубо растетъ выше малины и выше головы и кое-гдѣ, вмѣстѣ съ крапивой, достаетъ даже до развѣсистыхъ, блѣдно-зеленыхъ вѣтвей старыхъ яблонь.

Внизу молодой кустъ малины, почти сухой, безъ листьевъ, искривившись, тянется къ солнцу; зеленая игловатая трава и молодой лопухъ, пробившись сквозь прошлогодній листъ, увлажненный росой, сочно зеленѣютъ въ вѣчной тѣни, какъ будто и не знаютъ о томъ, какъ на листьяхъ яблони ярко играетъ солнце.

Въ чащѣ этой всегда сыро, пахнетъ падалью-яблокомъ, которое, чернѣя, уже валяется на прѣлой землѣ, малиной, иногда и лѣснымъ клопомъ, котораго проглотишь нечаянно съ ягодой и поскорѣе заѣшь другою.

12292

Подвигаясь впередъ, спугиваешь воробьевъ, которые всегда живутъ въ этой глуши, слышишь ихъ торопливое чириканье и удары о вѣтки ихъ маленькихъ, быстрыхъ крыльевъ; слышишь жужжаніе пчелы и гдѣ-нибудь по дорожкѣ шаги садовника—и обѣими руками, направо и налѣво, снимаешь съ бѣлыхъ стебельковъ сочныя ягоды и съ наслажденіемъ глотаешь одну за другою.

Деревня.

И. С. Тургеневъ.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край. Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... Воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько, и маленько кожей. Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба, синеватая черта большой рѣки.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ, а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Степь.

Н. В. Гоголь.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны цвѣтовъ.

Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили синіе и лиловые волосики; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ.

Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ полонъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ свои глаза въ траву. Крикъ двигавшейся тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ далекомъ озерѣ.

Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ своихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкой! Вотъ она перевернулась и блеснула передъ солнцемъ!..

II.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась. Все пестрое пространство ея охватывалось яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ.

По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками мелкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрагивался до щекъ.

Вся музыка, звучавшая днемъ, утихла и смѣнилась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ.

Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ,

и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Вырубленный лѣсъ.

И. С. Тургеневъ.

Погода была прекрасная, еще прекраснѣй, чѣмъ прежде; но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія и продолговатыя, какъ опустившіеся паруса. Ихъ узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновеніемъ: они таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни.

Мы долго бродили по ссѣчкамъ. Молодые отпрыски, еще не успѣвшіе вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими гладкими стебельками почернѣвшіе низкіе пни; круглые, губчатые наросты съ сѣрыми каймами, тѣ самые наросты, изъ которыхъ выварiваютъ трутъ, лѣпились къ этимъ пнямъ; земляника пускала по нимъ свои розовые усики; грибы тутъ же тѣсно сидѣли семьями.

Ноги безпрестанно путались и цѣплялись въ длинной травѣ, пресыщенной горячимъ солнцемъ; всюду рябило въ глазахъ отъ рѣзкаго металлическаго сверканія молодыхъ красноватыхъ листьевъ на деревцахъ; всюду пестрѣли голубые гроздья журавлинаго гороха, золотыя чашечки куриной слѣпоты, наполовину лиловые цвѣты Иванъ-да-Марьи.

Кой-гдѣ, возлѣ заброшенныхъ дорожекъ, на которыхъ слѣды колесъ обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучи дровъ, тоже потемнѣвшихъ отъ вѣтра и дождя, сложенныя саженями; слабая тѣнь падала отъ нихъ косыми четвероугольниками, — другой тѣни не было нигдѣ.

Легкій вѣтерокъ то просыпался, то утихалъ: подуетъ вдругъ прямо въ лицо и какъ будто разыграется: все весело зашумитъ, закиваетъ и задвижется кругомъ, граціозно закачаются гибкіе концы папоротниковъ,—обрадуешься ему... но вотъ ужъ онъ опять замеръ, и все опять стихло.

Хлѣбная уборка.

Гр. Л. Н. Толстой.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ. Все поле было покрыто копнами и народомъ.

Въ высокой, густой ржи виднѣлась кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью.

Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, и бирками въ рукѣ, снявъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ.

Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжаніе насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

За груздями.

С. Т. Аксаковъ.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ. Бабушка затепливала свѣчки передъ образами и молилась; а тетушка, боявшаяся грома, зарывалась въ свою огромную перину и пуховыя подушки.

Вслѣдствіе такихъ частыхъ, дождей, необыкновенно много появлялось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ Колкѣ мостъ-мостомъ, взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы

и особенно ломать грузди. Въ этотъ же день они рѣшились отправиться въ лѣсъ.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: „здѣсь непремѣнно должны быть грузди, такъ и пахнетъ груздями“—и вдругъ закричала: „ахъ, я наступила на нихъ!“

Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: „посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ,—они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли и какъ пахнутъ!“

Въ горахъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни.

Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы, неприступныя красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, тянется серебрянною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Я долженъ былъ нанять быковъ,

чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто.

Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ, на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха.

Ночь въ горахъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли.

Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли, по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами.

Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня. Тихо было все на небѣ и на землѣ; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ.

Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-гору; мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она

все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ нашими ногами; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ.

Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то-есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли...

Койшаурская долина.

М. Ю. Лермонтовъ.

Подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ.

Всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе.

— „Я говорилъ вамъ, — воскликнулъ онъ, — что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“—закричалъ онъ ямщикамъ. Подложили цѣпи подъ колеса, вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались, взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться.

Направо былъ утесъ, налѣво — пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа.

Осень въ деревнѣ.

Д. В. Григоровичъ.

Осень. На дворѣ холодно. Частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ.

Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены.

Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ теплое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

Увядающая природа.

И. С. Тургеневъ.

Солнце стало низко на блѣдно-ясномъ небѣ; лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва зажигалась.

Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое высохшее жнивье; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе покоробленные листья.

Сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ,—всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ.

Я остановился... Мнѣ стало грустно; сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы.

Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову,

посмотрѣлъ на меня съ боку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ.

Большое стадо голубей рѣзво пронеслось съ гумна и, внезапно закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю—признакъ осени.

Осень.

И. С. Тургеневъ.

Въ половинѣ октября я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома—и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная, все живое попряталось; даже воробьи притихли, и грачи давно пропали.

Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣта, небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣее зловѣщій цвѣтъ,—и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе—съ визгомъ расплывался по стекламъ.

Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять,—а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ.

Грязь по дорогамъ, стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу, и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно.

Казалось уже никогда не будетъ ни свѣта, ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть, и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая,—и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть!

Журавли летятъ.

И. С. Тургеневъ.

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди. Крупныя, красивыя птицы (ихъ всего было тринадцать)

летѣли треугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями.

Туго вытянувъ голову и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и до того быстро, что воздухъ свисталъ вокругъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю.

Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этомъ подоблачномъ разговорѣ.

Вьюга.

Д. В. Григоровичъ.

Вьюга, съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головой путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню.

Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря.

Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ, разомъ со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и, выхвативъ клокъ соломы,бросается дальше, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ.

И тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную Жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей.

Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность...

Весна.

Н. В. Гоголь.

Весна вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку.

Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались на болотахъ. За ними вдогонъ бѣгалъ уже водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отовсюду.

Прилетъ стадами птицъ начался еще прежде. Вдругъ населилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Что яркости въ зелени! что свѣжести въ воздухѣ! что птичьяго крику въ садахъ! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Встрѣча весны.

И. С. Тургеневъ.

Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ. Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся по ней, но какъ будто вспухъ и потемнѣлъ; четвертый день стояла оттепель.

Снѣгъ таялъ кругомъ дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же ровный молочный цвѣтъ обливалъ землю и небо; тумана не было, но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ и яснымъ...

Оставивъ кибитку далеко назади, я быстро шелъ по льду рѣчному и, кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слышалъ ничего; я шелъ, со всѣхъ сторонъ охваченный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны... и понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая-то радостная, непонятная тревога...

Она увлекала, она торопила меня, и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы желая отыскать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоянія...

Все было тихо, бѣло, сонно, но я поднялъ глаза: высо-

ко въ небѣ неслись станицей прилетныя птицы... „Весна! Здравствуй, весна! — закричалъ я громкимъ голосомъ... — Здравствуй, жизнь и счастье!..“

На разсвѣтѣ.

С. П. Тургеневъ.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари! Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной: слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью.

Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга...

Вы ѣдете,—ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ.

Но вотъ вы отъѣхали версты четыре... Край неба алѣетъ, въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдовъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса.

А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо!

Бѣлая тронулась.

С. Т. Аксаковъ.

I.

Съ наступленіемъ весны проснулась во мнѣ горячая любовь къ природѣ. Великимъ моимъ удовольствіемъ было

смотрѣть, какъ бѣгутъ по косогору мутные потоки весенней воды мимо нашего высокаго крыльца, а еще большимъ наслажденіемъ, которое мнѣ не часто дозволялось, — прочищать палочкой весенніе ручейки.

Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. И, наконецъ, пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тронулась".

Въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Плыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого.

Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, ревъ котораго долеталъ до моихъ ушей, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ; всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Свободная диктовка 3
Матеріалъ для диктовки 37

1. Для начальной школы.[1])

А.

Надъ колыбелью 39
„Красный Цвѣтокъ“ 39
Лампа 40
Мячикъ 40
Дѣти 41
Малолѣтка 41
Красное яичко 42
Мышка 42
Мышки 44
Котъ 44
Кошка и ежъ 45
Лисичка и кувшинъ 45
Утка 46
Птичка мать 47
Воробушки 47
Котофей 47
Ласточка 48
Любопытная муха 48
Медвѣжонокъ 49

Б.

Солнышко 49
Дождь 50
Радуга 50
Бабочка и дитя 51
Капризная дѣвочка 51
Вечеромъ 51
Мыльный пузырь 52
За грибами 52
Подосиновикъ—грибокъ 53
Мальчикъ въ лѣсу 53
Забіяки 54
Храбрый дроздъ 54
Овца 55
Бумажный змѣй 55
Мошка 56

В.

Волчьи ягоды 56
За хворостомъ 57
Коварное солнышко 58
Двѣ мышки 58
Старая ель 59
Жукъ-храбрецъ 60
Въ ноябрѣ 60
Сорока-бѣлобока 61
Сѣрая шейка 61

Г.

Снѣжная баба 65
На салазкахъ 65
Морозко 66
Умная лошадь 66
Буланко 67
Метель 68

1) *Примѣч.* Помѣщенныя въ первомъ отдѣлѣ статьи заимствованы изъ сборниковъ Богданова, Елачича, Мамина-Сибиряка, Шведеръ и другихъ, а также изъ классныхъ книгъ для чтенія; статьи большею частью взяты въ извлеченіи; нѣкоторыя сокращены.

Воробышкина елка 68
Въ зимнюю стужу 68
Запасливая бѣлочка 69
Зайка-горюнъ 70
Сѣрые хищники 70
Дятелъ 71
Ночной музыкантъ 72

Д.

Весна идетъ 72
Веспою въ лѣсу 73
Мишинъ ручей 74
Своя мельница 74
Первая муха 74
Ручей 75
Грачи прилетѣли 76
Мать и мачеха 76
Въ огородѣ 77
Горе скворчиковъ 78
Первыя пчелки 79
Первая бабочка 80

2. Для средней школы.

А.

Мать. *Гоголь* 83
День въ Обломовкѣ. *Гончаровъ*. . 84
Дѣтство. *Толстой* 79
Мама. *Толстой* 91
Материнская любовь. *Шеллеръ* . 91
На каникулахъ. *Чириковъ* . . . 92
На Страстной недѣлѣ. *Чеховъ* . . 93
Къ заутренѣ. *Григоровичъ* . . . 94
Слѣпой. *Короленко* 95
Мечты и фантазіи. *Короленко* . . 96
Дядя и племянникъ. *Григоровичъ* . 99
Бѣжинъ лугъ. *Тургеневъ* . . . 101
Муму. *Тургеневъ* 103
Кусака. *Андреевъ* 104
Раненый орелъ. *Достоевскій* . 105
На пожарѣ. *Пушкинъ* 106
Конь. *Лермонтовъ* 107
Обезьяна. *Тургеневъ* 108

Б.

Утро. *Тургеневъ* 108
Полдень. *Тургеневъ* 109
Вечеръ. *Тургеневъ* 109
Небо. *Тургеневъ* 110
Гроза. *Толстой* 111
Гроза. *Тургеневъ* 112
Бабушкинъ садъ. *Тургеневъ* . 112
Въ саду. *Толстой* 113
Деревня. *Тургеневъ* 114
Степь. *Гоголь* 114
Вырубленный лѣсъ. *Тургеневъ* 116
Хлѣбная уборка. *Толстой* . . 117
За груздями. *Аксаковъ* . . . 117
Въ горахъ. *Лермонтовъ* . . . 118
Ночь въ горахъ. *Лермонтовъ* . 119
Койшаурская долина. *Лермонтовъ* 120
Осень въ деревнѣ. *Григоровичъ* 121
Увядающая природа. *Тургеневъ* 121
Осень. *Тургеневъ* 122
Журавли летятъ. *Тургеневъ* . . 122
Вьюга. *Григоровичъ* 123
Весна. *Гоголь* 124
Встрѣча весны. *Тургеневъ* . . 124
На разсвѣтѣ. *Тургеневъ* . . . 125
Бѣлая тропулась. *Аксаковъ* . . 125

Имѣются въ продажѣ слѣдующія руководства и пособія

Вс. А. ФЛЕРОВА.

Новый русскій букварь для обученія чтенію и письму безъ сліянія звуковъ". Ц. 15 к.

Ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущенъ къ классному употребленію въ качествѣ учебника (Катал. М. Н. Просв. 1910 г. стр. 28).

Собственною Его Имп. Величества канцеляріею по учр. Императрицы Маріи одобренъ, какъ руководство въ дѣт. пріютахъ и нач. школахъ.

Ясное утро. Первая книга для чтенія послѣ букваря. Ц. 25 к.

Ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена къ классному употребленію въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ введенъ „Новый русскій букварь" того же автора. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г. Апрѣль).

Наглядные уроки письма. Пособіе для учащихся. Книжка 1-я. **Первые шаги.** Ц. 20 к.

Наглядные уроки письма. Книжка 2-я. **Правописаніе** для 1 и 2 года обученія. Ц. 25 к.

Наглядные уроки письма. Книжка 3-я. **Начальная грамматика.** Для 3-го года обученія. Ц. 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. 1-я, 2-я и 3-я книжки допущены къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1913 г., Февраль).

Изъ жизни дѣтей. Устныя и письменныя занятія по художественнымъ картинкамъ. Первыя два выпуска по 10 картинокъ. Цѣна выпуска 10 к., на лучшей бумагѣ 20 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ класснаго необязательнаго пособія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Журн. Мин. Нар. Просв. Февраль 1913 г.).

Изъ жизни дѣтей. Художественныя картинки для устныхъ и письменныхъ занятій. Выпуски третій и четвертый. Цѣна выпуска 10 к., на лучшей бумагѣ 20 к.

22 классныя таблицы для обученія грамотѣ, съ картинками. Ц. 1 р. 25 к. Наклеенныя на картонѣ 4 руб.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущены къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ. (Жур. Мин. Нар. Просв. Сентябрь 1912 г.).

Разрѣзныя буквы съ картинками для обученія грамотѣ. На двухъ картонахъ. Ц. 40 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущены къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ. (1-е дополн. къ Катал. М.Н.П. 1911 г., стр. 81).

Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обуч. грамотѣ. Ц. 25 к.

Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ. Изд. вновь переработанное. Ц. 35 к.

Оба сочиненія Учен Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущены, какъ пособія для учащихъ. (Катал. М. Н. Пр. 1910 г., стр. 62-63).

Наглядность письма въ освѣщеніи соврем. психологіи. Ц. 20 к.

Впечатлѣнія дѣтства. По воспоминаніямъ Л. Н. Толстого и Н. И Пирогова. Ц. 35 к.

Лѣтнія площадки для дѣтскихъ игръ (изд.). Ц. 50 к.

Вновь поступили въ продажу.

Свободная диктовка. Съ приложеніемъ матеріала для диктовки творческаго характера. Ц. 50 к.

Какъ не надо учить читать и писать. Ц. 30 к.

Ясное утро. Вторая книжка для класснаго чтенія. Ц. 45 к.

Складъ изданія. **Москва. Складъ изданій Вс. А. Флерова и СПБ. Захарьевская 9, Кн-во М. Гутзацъ.**

Цѣна 50 коп.